

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Национальный исследовательский институт мировой экономики и
международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук»

На правах рукописи

АРТАМОНОВА Ульяна Звиадиевна

**ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ США КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ТЕХНОЛОГИЯ**

Специальность: 5.5.2 – Политические институты, процессы, технологии

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
кандидат политических наук
Журавлева В.Ю.

Москва – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ»	28
1.1 Публичная дипломатия среди политических технологий.....	28
1.2 История концептуализации.....	33
1.3 Современный этап концептуализации	50
1.4 Выводы по главе 1.....	62
ГЛАВА II. ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ОСНОВА И ИНСТИТУТЫ АМЕРИКАНСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ	65
2.1 Законодательная основа	66
2.2 Институциональная структура	79
2.3 Выводы по главе 2.....	105
ГЛАВА III. ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ США.....	108
3.1 Обменные программы	116
3.2 Иновещание	134
3.3 Американская кинопродукция.....	156
3.4 Выводы по главе 3.....	178
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	183
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	190

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обуславливается, во-первых, тем, что с переходом системы международных отношений к очередному периоду перестройки и переформатирования, отличающемуся обострением противоречий крупных мировых держав, резко возрастает значение невоенных способов влияния на политические процессы, среди которых – публичная дипломатия. Растущая востребованность публичной дипломатии в области влияния на международные политические процессы требует ее подробного анализа с точки зрения институциональной организации и прикладной реализации – в качестве политической технологии – совокупности приемов и способов достижения результата в соответствии с интересами того или иного политического актора через воздействие на человека с целью изменения его мышления, убеждений, настроений и поведения.

Вторая причина актуальности темы исследования заключается в том, что Соединенные Штаты Америки, оставаясь одним из ключевых акторов мировой политики, имеют достаточно уникальный опыт технологизации публичной дипломатии. Катализатором процесса становления соответствующей политической технологии в США, в том числе через образование необходимой институциональной структуры политического обеспечения публичной дипломатии, стало оформление биполярного миропорядка и заложенная в нем конкуренция двух системообразующих держав. Соответственно, исследование политико-технологических аспектов американской публичной дипломатии значимо для анализа внешнеполитической деятельности этой страны, особенно в условиях уже упомянутых изменений миропорядка.

В-третьих, результаты исследования и анализа политико-технологических аспектов публичной дипломатии США, в том числе в контексте их корреляции с политическими процессами трансформации миропорядка, могут быть использованы для решения задач внешней политики Российской Федерации как с

точки зрения российско-американских отношений, так и с точки зрения развития собственного потенциала невоенных способов влияния на глобальные политические процессы.

Цель исследования – выявить структуру и особенности публичной дипломатии США как политической технологии.

Для реализации поставленной цели были сформулированы следующие **исследовательские задачи**:

1. Проанализировать основные подходы в современной науке к пониманию публичной дипломатии и сформулировать авторское определение, наиболее подходящее для анализа в контексте данного диссертационного исследования.

2. Выделить основные этапы процесса концептуализации публичной дипломатии, их отличительные черты и взаимосвязь с тенденциями трансформации миропорядка.

3. Выявить основные элементы формальной организации американской публичной дипломатии как политической технологии.

4. Определить приоритетные направления реализации публичной дипломатии США и ключевые инструменты для каждого из них, проанализировав на их примере практическую реализацию соответствующей политтехнологии.

5. Выявить основные структурные и организационные ограничения публичной дипломатии США постбиполярного периода.

Объект исследования – публичная дипломатия.

Предмет исследования – политико-технологические аспекты публичной дипломатии США.

Методологическую основу исследования составили *общий системный и структурно-функциональный подходы*, сочетание которых позволяет рассматривать публичную дипломатию как политическую технологию. Принципы системного подхода дают основания анализировать публичную дипломатию США как единый системный механизм, в число составных элементов которого входят законодательная основа, институциональная

структура и инструменты реализации, объединенные основными направлениями. Кроме того, это позволило систематизировать процесс становления публичной дипломатии США, анализируя его связь с историческими событиями, оказывавшими существенное влияние на изменения миропорядка, которые, в свою очередь, привели к трансформации самой публичной дипломатии.

Структурно-функциональный подход помог выявить и систематизировать функциональное предназначение структурных элементов публичной дипломатии США, что было особенно значимо для ее анализа в качестве политической технологии.

В исследовании также был применен *конструктивистский подход*. Понимание основных аспектов международных отношений как социально сконструированных¹, а трансформаций международной системы как процессов, зависящих от изменения представлений и убеждений через «распределение идей»², равно как и принятие во внимание фактора коллективной идентичности в вопросах государственного имиджа на международной арене и распределения ролей «Себя» и «Другого»³, по сути являются теми концептуальными элементами, которые легитимизируют взгляд на публичную дипломатию (предполагающую воздействие на общественное мнение) как на комплексную политическую технологию, которая может иметь фактические, ощутимые результаты в вопросах внешней политики государств.

Популярная геополитика и теория преобразующего обучения были использованы автором для выявления технологического аспекта отдельных направлений, техник и приемов публичной дипломатии США.

Популярная геополитика фокусируется на том, как элементы популярной культуры участвуют в формировании реальности посредством репрезентации стран, регионов, геополитических отношений, что, в свою очередь, влияет на те

¹ Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

² Wendt A. The agent structure problem in International Relations theory // International Organization. 1987. Vol. 41(3). P. 335-370.

³ Попова О.В. Образ «Другого» // Семененко И.С. Политическая идентичность и политика идентичности: в 2-х тт. Т. 1. Словарь терминов и понятий. М.: РОССПЭН, 2011. С. 190-193.

представления, которые конструируются в сознании широкой общественности⁴. Теория популярной геополитики является ответвлением критической геополитики, которое специализируется «на вопросах концептуализации географических пространств и на том, каким образом властные структуры достигают превосходства определенного дискурса над остальными»⁵. Она позволила проанализировать прикладное измерение публичной дипломатии США с точки зрения формирования и укрепления геополитических клише о государствах и регионах в зависимости от национальных интересов США, а также с точки зрения формирования и поддержания определенного имиджа США в контексте самопозиционирования этого государства на международной геополитической арене.

Теория преобразующего обучения рассматривает обучение не только как процесс получения знаний, но и как процесс трансформации личности обучающегося, который происходит в трех измерениях⁶ и в три этапа⁷. Первое измерение трансформации – психологическое (изменение в понимании самого себя) – соответствует первому этапу – «дезориентирующей дилемме», которая может быть вызвана кризисом или новым опытом в жизни человека. Второе измерение – ценностное (пересмотр системы убеждений) – соответствует второму этапу – критическому переосмыслению, спровоцированному дилеммой. Третье измерение – поведенческое (изменения в стиле жизни) – соответствует третьему этапу – практической интеграции новой картины мира, сформировавшейся у человека в результате двух других этапов, в его повседневную жизнь. В рамках этой теории те приемы публичной дипломатии США, которые способны спровоцировать иностранную общественность на переосмысление своего

⁴ Dittmer J. *Popular Culture, Geopolitics, and Identity*. New York: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2010. 204 p.

⁵ Saunders R.A. *Undead Spaces: Fear, Globalisation, and the Popular Geopolitics of Zombiism // Geopolitics*. 2012. Vol. 17 (1). P. 80-104.

⁶ Clark M.C., Wilson A.L. *Context and Rationality in Mezirow's Theory of Transformational Learning // Adult Education Quarterly*. 1991. Vol. 41. P. 75-91.

⁷ Kirkgoz Y. *Exploring the Impact of the Fulbright Foreign Language Teaching Assistant Program on Grantees' Educational and Cultural Beliefs and Practices // Mathews-Aydinli J. International Education Exchanges and Intercultural Understanding*. Palgrave Macmillan, Cham, 2017. P. 131-156.

мировосприятия, можно рассматривать именно в технологическом ракурсе с точки зрения формирования наиболее благоприятной для национальных американских интересов международной среды.

Использование этих методов позволило ограничить рамки анализа сугубо политико-технологическими аспектами исследуемой деятельности (обменных программ, иновещания, американского кинематографа) и рассматривать ее исключительно с точки зрения целенаправленной политической технологии воздействия на иностранное общественное мнение в интересах государства.

В работе используются методы общенаучного и политического анализа, в том числе сравнительный анализ, метод *case study* (при рассмотрении конкретных примеров использования инструментов публичной дипломатии США), анализ текстовых источников (контент-анализ) и событий (ивент-анализ).

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1945 г. до 2022 г. В них выделяется два неравнозначных и неравноценных этапа:

1. 1945 – 1990-е гг. – период, в который происходит становление публичной дипломатии США как политической технологии: оформление законодательной основы и учреждение, а также эволюция ключевых элементов институциональной структуры. Выбор нижней границы обусловлен тем, что в 1945 г. президентом США Г. Трумэнном было принято решение интегрировать опыт влияния на иностранное общественное мнение периода мировых войн (техники и приемы пропаганды и информационных кампаний) в государственную политику мирного времени, а уже в 1946 г. был принят закон Фулбрайта – один из основополагающих нормативно-правовых актов для американской публичной дипломатии. Также в этот период закрепляется биполярный миропорядок, основанный на противостоянии двух сверхдержав – что выполняет роль стимула для начала процесса оформления публичной дипломатии США как политической технологии.

2. 1999 – 2022 гг. – современный период публичной дипломатии США. Выбор нижней границы обусловлен расформированием в 1999 г. Информационного агентства США – ключевого института публичной дипломатии

США в годы холодной войны, что в рамках исследования рассматривается в качестве события-маркера окончательного завершения «биполярного периода» публичной дипломатии США, хотя фактически сам биполярный миропорядок прекратил свое существование еще раньше, что определило тенденции дальнейших изменений политико-технологических аспектов публичной дипломатии США.

Степень проработанности темы в научной литературе. В отечественной и зарубежной литературе существует большое количество исследований, посвященных публичной дипломатии в целом и публичной дипломатии США в частности, а также изучению вопроса американского глобального лидерства и инструментов внешней политики по его укреплению, равно как и изменениям внешнеполитической доктрины США в контексте процессов трансформации миропорядка. Между тем как в отечественной, так и в зарубежной историографии отсутствуют комплексные исследования, фокусирующиеся на всеобъемлющем рассмотрении публичной дипломатии США как политической технологии, включая все три уровня: технологического знания, из которого складывается концепция; формальных механизмов ее инкорпорации в процессы внешней политики государств; и воплощения на практике с использованием конкретных инструментов и практик.

Среди работ по тематике диссертации и смежной проблематике можно выделить шесть основных групп:

Первая группа – это работы, посвященные исследованию публичной дипломатии в международных отношениях. Среди отечественных ученых,

заслуживают особого внимания работы Т. В. Зоновой⁸, М. М. Лебедевой⁹, А. В. Долинского¹⁰, Р. С. Мухаметова¹¹, Е. В. Паршина¹², Н. В. Бурлиновой¹³, О. В. Лебедевой¹⁴, Е. В. Мартыненко¹⁵, В. В. Матвиенко¹⁶, А. Н. Марчукова¹⁷, А. А. Великой¹⁸ Среди зарубежных авторов стоит отметить исследования

⁸ Зонова Т.В. Дипломатия будущего [Электронный ресурс] // РСМД. 2012. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/diplomatiya-budushchego/> (дата обращения: 01.01.2022); Зонова Т.В. Новое в дипломатии: от «ТвиПломаси» к «ТехПломаси» [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novoe-v-diplomatii-ot-tviplomasi-k-tekhplomasi/> (дата обращения: 01.01.2022); Зонова Т.В. Публичная дипломатия Европейского союза в Публичная дипломатия: Теория и практика. М.: Издательство «АспектПресс», 2017. 272 с.; Зонова Т.В. Публичная дипломатия и ее акторы. НПО инструмент доверия или агент влияния? [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 2012. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=681 (дата обращения: 01.01.2022); Зонова Т.В. Публичная дипломатия в рамках европейского интеграционного процесса // Современная Европа: 60 лет после Римских договоров. Ч. I / Отв. редакторы Е.А. Маслова, О.Ю. Потемкина. М.: Ин-т Европы РАН, 2017. 118 с.

⁹ Лебедева М.М. Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов // Международные процессы. 2015. Т. 13, № 4 (43). С. 45-56; Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. 272 с.

¹⁰ Долинский А.В. Дискурс о публичной дипломатии // Международные процессы. 2011. Т. 9, № 25. С. 220-249; Долинский А. Что такое общественная дипломатия и зачем она нужна России? [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 2012. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/что-такое-общественная-diplomatiya-i-zachem-ona-nuzhna-/>.

¹¹ Мухаметов Р.С. Специфика общественной дипломатии как инструмента внешней политики государства // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2014. № 2 (128). С. 84-90.

¹² Паршина Е.В. Роль и место публичной дипломатии в формировании имиджа государства: Политологический анализ на опыте США и СССР/РФ: диссертация ... кандидата политических наук/ Москва, 2006. 150 с.

¹³ Бурлинова Н.В. Курс общественного дипломата. Учебно-методические материалы №4/2017 [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам (РСМД). Москва, НП РСМД, 2017. 76 с. URL: <http://russiancouncil.ru/activity/educationalmaterials/kurs-obshchestvennogo-diplomata/> (дата обращения: 10.04.2018).

¹⁴ Лебедева О.В. Современные методы и практики дипломатии. М.: "Аспект Пресс", 2021. 237 с.

¹⁵ Мартыненко Е.В., Матвиенко В.В. Народная (общественная) дипломатия в контексте современного межгосударственного общения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2012. № 1. С. 57-60.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Марчуков А.Н. «Публичная дипломатия 2.0» как инструмент внешнеполитической деятельности // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 4. С. 104-113.

¹⁸ Великая А. Публичная дипломатия как инструмент международного диалога // Международная жизнь. 2016. № 2. С. 154-164; Russia's Public Diplomacy: Evolution and Practice. London: Palgrave Macmillan Ltd., 2020. 285 p.

Н. Калла¹⁹, М. Леонарда²⁰, Э. Гилбоа, Б. Зигницера и Т. Кумбса, Я. Мелиссена, О. Томеску-Хатто, Н. Сноу²¹, Р. Захарны²², А. Арсено²³, Дж. Фишера²⁴, Дж. Хендерсона²⁵, Б. Симонина²⁶. Перечисленные работы имели значения для понимания теоретических основ концепции публичной дипломатии, вариативности ее интерпретации в научно-экспертном сообществе, типовой классификации инструментов ее реализации.

Вторая группа – это исследования, сфокусированные непосредственно на публичной дипломатии США. Среди российских авторов, наибольший вклад в

¹⁹ Cull N. Public Diplomacy: Lessons from the Past. Los Angeles, CA, 2009; Cull N. 'Public Diplomacy' Before Gullion: The Evolution of a Phrase [Электронный ресурс] // USCPublicDiplomacy. 2006. URL: <http://uscpublicdiplomacy.org/blog/public-diplomacy-gullion-evolution-phrase> (дата обращения: 10.04.2018); Cull N. Public diplomacy: Taxonomies and histories // The annals of the American academy of political and social science. 2008. Vol. 616 (1). P. 31-54.

²⁰ Leonard M., Small A., Rose M. British Public Diplomacy in the age of Schisms. Foreign Policy Centre, 2005. 53 p.

²¹ Snow N. Rethinking Public Diplomacy. Routledge Handbook of Public Diplomacy. New York: Routledge, 2009. P. 3-12.

²² Zaharna R.S., Arsenault A. Fisher A. The Connective Mindshift: Relational, Network and Collaborative Approaches to Public Diplomacy. New York: Routledge, 2013; Zaharna R.S. The Cultural Awakening in Public Diplomacy, CPD Perspectives on Public Diplomacy. Los Angeles: Figueroa Press, 2012; Zaharna R.S. Reassessing "Whose story wins?" Identity Resilience and Narrative Paradoxes in Public Diplomacy // International Journal of Communication. 2016. Vol. 10. P. 32.

²³ Cowan G., Arsenault A. Moving from monologue to dialogue to collaboration: The three layers of public diplomacy // The annals of the American academy of political and social science. 2008. Vol. 616 (1). P. 10-30.

²⁴ Fisher G. Public Diplomacy and the Behavioral Sciences. Bloomington, IN: Indiana University Press, 1972.

²⁵ Henderson G. et al. Public Diplomacy and Political Change: Four case studies: Okinawa, Peru, Czechoslovakia, Guinea. New York: Praeger, 1973.

²⁶ Simonin B. Nation Branding and Public Diplomacy: Challenges and Opportunities // The Fletcher Forum of World Affairs. 2008. Vol. 32. P. 19.

развитие этого направления исследований внесла Н. А. Цветкова²⁷. Однако также заслуживают внимания работы Г. Ю. Филимонова²⁸, А. А. Великой²⁹, М. П. Теленьги³⁰, Н. М. Кузнецова³¹, О. А. Манжулиной³². Среди иностранных ученых, одним из наиболее авторитетных экспертов в этой сфере исследований является Н. Калл³³. Также значительный вклад в разработку темы публичной дипломатии США в науке внесли М. Армстронг³⁴, Х. Тач³⁵, Г. Малоун³⁶,

²⁷ Цветкова Н.А. Публичная дипломатия как инструмент идеологической и политической экспансии США в мире, 1914-2014 гг.: диссертация ... доктора исторических наук. СПб., 2015, 552 с.; Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США: Теории и концепции // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 4-1 (54). С. 186-189; Цветкова Н.А. Программы web 2.0. В публичной дипломатии США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2011. № 3 (495). С. 109-122; Цветкова Н. Публичная дипломатия США // Международные процессы. 2015. Т. 13, № 3(42). С. 121-133; Цветкова Н.А. Информационное сдерживание России: новые перспективы в публичной дипломатии США // Труды кафедры американских исследований: Сборник статей Памяти Нины Владимировны Бахаревой. СПб.: Скифия-принт, 2019. С. 136-142; Кубышкин А.И., Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США: Учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2013. 271 с.

²⁸ Филимонов Г.Ю. «Мягкая сила» культурной дипломатии США. М.: РУДН, 2010. 212 с.; Филимонов Г.Ю. Культурно-информационные механизмы внешней политики США: истоки и новая реальность. М.: Российский ун-т дружбы народов, 2012. 405 с.; Филимонов Г.Ю. Роль "мягкой силы" во внешней политике США: дис. ... доктора политических наук. Москва, 2013. 422 с.

²⁹ Великая А.А. Публичная дипломатия России и США: сравнительные аспекты двух систем и роль в развитии двустороннего диалога // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2019. Т. 12, № 4. С. 500-517; Великая А.А. Публичная дипломатия США в трансформирующемся мировом порядке // Международная жизнь. 2017. № 5. С. 169-187.

³⁰ Теленьга М.П. Публичная дипломатия США и безопасность суверенного государства (на примере "революции роз" в Грузии 2003 года) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8, № 3-2. С. 85-89; Теленьга М.П. Эволюция системы информационного сопровождения внешней политики США 1946-1999 гг.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук. Краснодар, 2017. 22 с.

³¹ Кузнецов Н.М. Публичная дипломатия США: между радикальной революцией и кризисной стагнацией // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 144-158.

³² Манжулина О. А. Публичная дипломатия США: диссертация ... кандидата политических наук. СПб., 2005, 203 с.

³³ Cull N. The cold war and the United States information agency. Cull N. The long road to public diplomacy 2.0: The Internet in US public diplomacy. P. 123-139; Cull N. The decline and fall of the United States Information Agency: American public diplomacy, 1989–2001. Springer, 2012.

³⁴ Armstrong M. Operationalizing Public Diplomacy // Snow N., Cull N. Routledge Handbook of Public Diplomacy. New York, NY: Routledge, 2020; Armstrong M. The Politics of Information Warfare in the US // Fridman O., Kabernik V. Pearce Hybrid Conflicts and Information Warfare: New Labels, Old Politics, Boulder. Colorado: Lynne Rienner Publishers, Inc., 2018.

³⁵ Tuch H.N. Communicating with the World. U.S. Public Diplomacy Overseas. Palgrave Macmillan, New York, 1990. 224 p.

К. Шиндлер, Р. Захарна³⁷, Р. Стаар³⁸, Дж. Гиноу-Хехт³⁹. Данный корпус научных трудов использовался для понимания специфики публичной дипломатии США. Благодаря изучению соответствующей литературы был также установлен американский генезис технологической концепции публичной дипломатии и сформирована основа для гипотезы о двойственности концептуального подхода на современном этапе.

Третью группу составляют работы, посвященные вопросам «мягкой силы». Среди отечественных ученых значительный вклад в изучение и применения в науке этой концепции внесли И. Л. Прохоренко⁴⁰, Е. А. Харитонова⁴¹, М. В. Харкевич⁴², П. Б. Паршин⁴³, М. М. Лебедева⁴⁴, О. В. Лебедева⁴⁵, Л. Р. Рустамова⁴⁶,

³⁶ Malone G.D. Managing public diplomacy // Washington Quarterly. 1985. Vol. 8 (3). P. 199-213; Malone G.D. American diplomacy in the information age. University Press of America, 1991; Malone G.D. Political Advocacy and Cultural Communication: Organizing the Nation's Public. Diplomacy. Lanham, MD: University Press of America, 1988. 162 p.

³⁷ Zaharna R.S. Battles to Bridges: U.S. Strategic Communication and Public Diplomacy after 9/11. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. 240 p.

³⁸ Staar R. Public Diplomacy: USA versus USSR. Stanford CA, Hoover Institution Press, 1988. 305 p.

³⁹ Gienow- Hecht J. Shame on U.S.? Academics, Cultural Transfer, and the Cold War: A Critical Review // Diplomatic History. 2002. Vol. 24. P. 465-494.

⁴⁰ Прохоренко И.Л. Новая стратегия Европейского союза в Центральной Азии: возможности и пределы «мягкой силы» // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 4. С. 68-80; Харитонова Е.М., Прохоренко И.Л. «Мягкая сила» бывших империй: сравнительный опыт Великобритании и Испании // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62, № 3. С. 39-49.

⁴¹ Харитонова Е.М. «Мягкая сила» Великобритании. М.: ИМЭМО, 2018. 139 с.; Харитонова Е.М. Эффективность «мягкой силы»: проблема оценки // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 6. С. 48-58.

⁴² Харкевич М.В. «Мягкая сила»: политическое использование научной концепции // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 22-29.

⁴³ Паршин П.Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 14-21; Паршин П.Б. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России: Аналитический доклад. М.: МГИМО (У) МИД России, 2013. 40 с.; Лебедева М.М., Харкевич М.В. «Мягкая сила» России в развитии интеграционных процессов на Евразийском пространстве // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 2 (35). С. 10-13.

⁴⁴ Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО Университета. 2017. № 3 (54). С. 212-223.

⁴⁵ Лебедева О.В. Современные инструменты «цифровой дипломатии» как важнейший элемент «мягкой силы» // Международная жизнь. 2019. № 5. С. 102-111.

⁴⁶ Рустамова Л.Р. Механизм действия и пределы использования концепции «мягкая сила» // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1 (44). С. 145-154; Рустамова Л.Р. «Мягкая сила» во внешней политике современной Германии: автореферат дис. ... кандидата политических наук. Москва, 2017. 22 с.

А. А. Великая⁴⁷, О. Ф. Русакова⁴⁸ Среди иностранных работ, наиболее важными являются исследования родоначальника концепции «мягкой силы» Дж. Ная⁴⁹, однако существенное значение для развития соответствующего теоретического направления имели также и работы таких ученых, как Р. Захарны⁵⁰, Э. Фаттора⁵¹, У. Ру⁵², М. Кокса⁵³, Э. Лока⁵⁴. Перечисленные труды были критически важны для разграничения понятий «мягкая сила» и «публичная дипломатия» в рамках данного исследования, равно как и для установления причин возникновения концепции «мягкой силы» в контексте эволюции публичной дипломатии США как политтехнологии.

Четвертая группа литературы – это работы иностранных (преимущественно американских) ученых и экспертов по тематике пропаганды как периода до появления концепции публичной дипломатии, так и периода после. Были использованы труды Э. Бернейса⁵⁵, У. Липпманна⁵⁶, Д. Уэлша⁵⁷, Д.

⁴⁷ Великая А.А. Формирование образа России за рубежом как элемент "мягкой силы" // Право и управление. XXI век. 2013. № 3 (28). С. 87-92.

⁴⁸ Русакова О.Ф., Ковба Д.М. Исследования мягкой силы в российской политической науке: анализ проблемно-тематических полей // Дискурс-Пи. 2019. № 1 (34). С. 37-50; Русакова О.Ф., Русаков В.М. "Мягкая сила" как инструмент политической коммуникации и гуманитарной дипломатии // Дискурс-Пи. 2017. № 1 (26). С. 61-72.

⁴⁹ Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York, Basic Books, 1990. 336 p.; Nye J. Soft Power: The Means To Success In World Politics. New York: Public Affairs, 2005. 208 p.; Най Д.С. Будущее власти. М.: АСТ, 2014. 444 с.; Nye J.S. The benefit of soft power [Электронный ресурс] // HBS Working Knowledge. 2017. URL: <http://hbswk.hbs.edu/archive/4290.html> (дата обращения: 10.04.2018); Nye J. Think again: soft power [Электронный ресурс] // Foreign policy. 2006. URL: <http://foreignpolicy.com/2006/02/23/think-again-soft-power> (дата обращения: 10.04.2018).

⁵⁰ Zaharna R.S. The Soft Power Differential: Network Communication and Mass Communication in Public Diplomacy // The Hague Journal of Diplomacy. 2007. Vol. 2 (3). P. 213-228.

⁵¹ Fattor E.M. American Empire and the Arsenal of Entertainment: Soft Power and Cultural Weaponization. Palgrave Macmillan, 2014. 241 p.

⁵² Rugh W.A. The Case for Soft Power // Seib P. Toward a New Public Diplomacy. Palgrave Macmillan Series in Global Public Diplomacy. Palgrave Macmillan, New York, 2009; Rugh W.A. American Encounters with Arabs: The "soft Power" of U.S. Public Diplomacy in the Middle East. Greenwood Publishing Group, 2006. 220 p.

⁵³ Parmar I., Cox M. Soft Power and US Foreign Policy. London, 2010.

⁵⁴ Lock E. Soft Power and Strategy: Developing a 'Strategic' Concept of Power // Soft Power and US Foreign Policy Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives. London: Routledge, 2010. P. 32-50.

⁵⁵ Бернейс Э. Пропаганда. М.: Hippo Publishing, 2010. 176 с.

⁵⁶ Lippmann W. The Phantom Public. Macmillan: London, 1953; Lippmann W. Today and tomorrow: Talking about talking. Washington Post. 1953. P. 15.

Гута⁵⁸, Г. Лассуэлла⁵⁹, Дж. Брауна⁶⁰, а также энциклопедические издания по истории и изучению пропаганды Г. Джоветта и В. О’Доннелл⁶¹, а также Н. Калла, Д. Калберта и Д. Уэлша⁶². Соответствующая литература была необходима для понимания истоков размежевания понятий «пропаганда» и «публичная дипломатия» в американском, а впоследствии и глобальном дискурсе, а также для установления значения этого процесса в эволюции исследуемой политтехнологии.

Пятая группа использованной литературы – это научные труды, посвященные внешней политике США в целом. В исследовании были использованы работы таких авторитетных отечественных ученых-американистов и специалистов-международников, как Э. Я. Баталова⁶³, Ф. Г. Войтоловского⁶⁴, Т. А. Шаклеиной⁶⁵, В. В. Согрина⁶⁶, А. И. Уткина⁶⁷, В. О. Печатнова⁶⁸, И. А. Истомина⁶⁹, А. Д. Богатурова⁷⁰, Г. А. Трофименко⁷¹, Г. А. Арбатова⁷²,

⁵⁷ Welch D. The Third Reich: Politics and Propaganda. 2d ed. New York: Routledge, 2002.

⁵⁸ Guth D.W. Black, White, and Shades of Gray: The Sixty Year Debate Over Propaganda versus Public Diplomacy // Journal of Promotional Management. 2009. Vol 14. P. 321.

⁵⁹ Lasswell H. Propaganda Technique in the World War. New York: Knopf, 1927.

⁶⁰ Brown J. The Anti-Propaganda Tradition in the United States [Электронный ресурс] // Bulletin Board for Peace. 2003. URL: <http://www.publicdiplomacy.org/19.htm> (дата обращения: 01.01.2022).

⁶¹ Jowett G.S., O’Donnell V. Propaganda and Persuasion, 4th ed. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2006.

⁶² Cull N.J., Culbert D.H., Welch D. Propaganda and mass persuasion: A historical encyclopedia, 1500 to the present. Santa Barbara, Calif: ABC-CLIO, 2003. 504 p.

⁶³ Баталов Э.Я. Проблема демократии в американской политической мысли XX века. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 376 с.; Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок: анализ современных американских концепций. М.: РОССПЭН, 2005. 376 с.; Баталов Э.Я. Американская политическая мысль XX век. М.: Прогресс-Традиция, 2014. 625 с.

⁶⁴ Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщенность Запада: идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940-2000-е гг. М.: Крафт+, 2007. 464 с.; Войтоловский Ф.Г. Стратегия США в меняющемся миропорядке: вызовы для России // Вестник РАН. 2021. Т. 91, № 7. С. 616-626.

⁶⁵ Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке. М.: ИСКРАН, 2002. 442 с.; Шаклеина Т.А., Печатнов В.О. США в международных отношениях // Современные международные отношения / Под ред. А.В. Мальгина, А.В. Торкунова. М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 2012. С. 309-335.

⁶⁶ Согрин В.В. США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. М.: Издательство «Весь Мир», 2015. 592 с.

⁶⁷ Уткин А.И. США и Европа: перспективы взаимоотношений на рубеже веков, М. 2000. 190 с.

⁶⁸ Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. М.: Международные отношения, 2012. 672 с.

⁶⁹ Истомин И.А. Институциональная эволюция внешнеполитической мысли США в 2000-х годах // Международные процессы. 2010. Т. 8, № 24. С. 103-109.

В. Ю. Журавлевой⁷³, С. М. Рогова⁷⁴, В. Л. Малькова⁷⁵, монография научного коллектива ИМЭМО под редакцией А. А. Дынкина и Н. И. Ивановой⁷⁶. Этот корпус исследований позволил включить в анализ публичной дипломатии США аспекты американской внешней и внутренней политики, подходы к вопросам глобального лидерства и национальной безопасности.

В исследовании были применены работы, посвященные вопросам трансформации миропорядка, В. Г. Барановского⁷⁷, А. Г. Арбатова⁷⁸, В. И. Пантина и В. В. Лапкина⁷⁹, А. И. Никитина⁸⁰, совместное исследование коллективов ИМЭМО РАН и Атлантического Совета под редакцией А. А. Дынкина и М. Барроуза⁸¹, коллективная монография под редакцией Ф. Г.

⁷⁰ Богатуров А.Д., Аверков В.В. История международных отношений. М.: Аспект пресс, 2010. 520 с.; Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. 390 с.

⁷¹ Современные внешнеполитические концепции США / Под ред. Г.А.Трофименко. М.: Наука, 1979; Трофименко Г.А. США: политика, война, идеология. М.: Мысль, 1976.

⁷² Арбатов Г.А. Идеологическая борьба в современных международных отношениях: Доктрина, методы и организация внешнеполитической пропаганды империализма. М.: Политиздат, 1970. 349 с.

⁷³ Журавлева В.Ю. Перетягивание каната власти: взаимодействие президента и конгресса США. М.: ИМЭМО РАН, 2011. 163 с.; Журавлева В.Ю. Идеино-политические корни американского лидерства // США и Канада: экономика, политика, культура. 2014. № 11. С. 19-32; Баталов Э.Я. и др. "Рычащий медведь" на "диком Востоке": образы современной России в работах американских авторов: 1992-2007 гг. М.: РОССПЭН, 2009; Журавлева В.Ю. Концепция "умной власти" и стратегия национального развития Б. Обамы // Россия и Америка в XXI веке. 2011. № 2. С. 10.

⁷⁴ Рогов С.М. 11 сентября 2001 г.: реакция США и последствия для российско-американских отношений. М.: ИСКРАН, 2001. 76 с.

⁷⁵ Мальков В.Л. Россия и США в XX веке. М.: Наука, 2009. 496 с.

⁷⁶ Глобальная перестройка / Отв. ред. А.А. Дынкин, Н.И. Иванова. М.: Издательство «Весь Мир», 2014. 528 с.

⁷⁷ Барановский В.Г. Основные параметры современной системы международных отношений. Часть I. С. 36-44; Барановский В.Г. Основные параметры современной системы международных отношений. Часть II. С. 63-73; Барановский В.Г. Трансформация глобального миропорядка: динамика системных изменений. С. 71-91; Барановский В.Г. Трансформация мировой системы в 2000-х годах // Международные процессы. 2010. Т. 8, № 22. С. 4-13; Барановский В.Г. Новый миропорядок: преодоление старого или его трансформация? С. 7-23.

⁷⁸ Арбатов А.Г. Указ. соч. С. 16-31.

⁷⁹ Пантин В.И., Лапкин В.В. Трансформации политических пространств в условиях перехода к полицентричному миропорядку // Полис. Политические исследования. 2018. № 6. С. 47-66.

⁸⁰ Никитин А.И. Современный миропорядок, его кризис и перспективы // ПОЛИС. Политические исследования. 2018. № 6. С. 32-47.

⁸¹ Глобальная система на переломе: пути к новой нормальности. Совместное исследование ИМЭМО РАН и Атлантического совета / Под ред. А. Дынкина, М. Барроуза. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 32 с.

Войтоловского, П. А. Гудева и Э.Г. Соловьева⁸², труды, посвященные иностранному взгляду на мироустройство и затрагивающие его изменения Ф. Закарии⁸³, Р. Хааса⁸⁴, Ф. Фукуямы⁸⁵, Дж. Айкенберри⁸⁶, Й. Кларка⁸⁷, для соотнесения тенденций трансформации миропорядка с развитием публичной дипломатии США, а также для соотнесения целей и задач этой политтехнологии с американским видением мироустройства и своего места в нем. Анализ данного корпуса исследований позволил диссертанту остановиться на следующем подходе к периодичности развития миропорядка: период биполярности, системообразующим элементом которой было противостояние двух сверхдержав – США и СССР – в сферах экономики, политики и идеологии, начался на рубеже 1945–1946 гг., а закончился в 1991 г. с прекращением существования СССР. Начавшаяся с того момента масштабная трансформация международной системы до сих пор не пришла к логическому завершению – новой конфигурации мироустройства на смену биполярности, и на протяжении трех десятилетий продолжает нелинейное развитие по нескольким траекториям, наиболее значимым среди которых является модель многополярного или полицентричного мира.

Отдельно следует выделить *группу литературы* теоретического характера, посвященную изучению политических технологий: работы А. И. Соловьева⁸⁸, О. Е. Гришина⁸⁹, О. Ф. Шаброва⁹⁰, О. Н. Зазубова⁹¹,

⁸² От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Отв. ред. Ф.Г. Войтоловский, Э.Г. Соловьев. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005, 204 с.

⁸³ Zakaria F. The post-American world. New York, London, W.W. Norton & Company, 2008. 292 p.

⁸⁴ Haas R.N. The Age of Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance [Электронный ресурс] // Foreign Affairs, 2008. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2008-05-03/age-nonpolarity> (дата обращения: 01.01.2022).

⁸⁵ Fukuyama F. The End of History? // The National Interest. 1989. № 16. P. 3-18.

⁸⁶ Ikenberry G.J. Institutions, Strategic Restraint, and the Persistence of American Postwar Order // International Security. 1999. Vol. 23 (3). P. 43-78; Ikenberry G.J. Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2011. 392 p.

⁸⁷ Clark I. et al. Hegemony in international society. Oxford University Press, 2011. 277 p.

⁸⁸ Политология: политическая теория. Политические технологии: учебник для студентов высших учебных заведений / А.И. Соловьев. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Аспект Пресс, 2010. 574 с.

В. М. Меркулова⁹², М. Г. Анохина⁹³, Н. В. Анохиной⁹⁴, коллективная монография под редакцией С.А. Мелькова⁹⁵. А также работы на пересечении тематики политтехнологий и инструментов непрямого влияния в международных отношениях, в частности П. И. Васильевой⁹⁶, А. В. Демидова⁹⁷, С. М. Виноградовой⁹⁸. Этот корпус работ был значим для понимания понятия «политические технологии» в контексте политической теории и для формулирования подходов к исследованию публичной дипломатии США с данного ракурса.

Также были использованы работы, посвященные политической и социальной психологии, а также психологии в международных отношениях Г. Г. Дилигенского⁹⁹, Н. А. Косолапова¹⁰⁰, Б. Ф. Поршнева¹⁰¹, А. Н. Сухова и М. Г. Гераськиной¹⁰², Б. Д. Парыгина¹⁰³, Д. В. Ольшанского¹⁰⁴; работы,

⁸⁹ Гришин О.Е. Политические технологии в XXI веке: сущность, спектр, характер // PolitBook. 2014. Vol. 2. P. 19-32.

⁹⁰ Шабров О.Ф. Политические технологии // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4. С. 328-330.

⁹¹ Зазубов О.Н. Политические технологии: структурная и функциональная индифферентность // Управление. 2020. № 2. С. 81-90.

⁹² Меркулов В.М. Государственное управление как система // Государственная политика и управление. Учебник / Под ред. Л.В. Сморгунова. М.: РОССПЭН, 2006. С. 27-29.

⁹³ Анохин М.Г. Современные технологии эффективной политики: учеб. пособие. М.: РУДН, 2008. 239 с.

⁹⁴ Анохина Н.В., Минченко Е.Н., Студеникин Н.В. Универсальные политические технологии и страновая специфика. М.: МИПЭ, 2004. 80 с.

⁹⁵ Политические институты, процессы и технологии: теория и кейсы: учебник / Ж.Ю. Данкова, В.О. Евсеев, О.Н. Забузов [и др.]. М.: "Издательство "КноРус", 2021. 564 с.

⁹⁶ Васильева П.И. Глобальные политические технологии: теория и практика // Обозреватель Observer. 2012. № 8. С. 77-83.

⁹⁷ Демидов А.В. От «мягкой силы» к «управляемому хаосу» // Международные отношения. 2014. № 2. С. 230-236.

⁹⁸ Виноградова С.М., Рушин Д.А. Политические технологии и публичная дипломатия в российском политическом маркетинге // Ноосферное образование в евразийском пространстве. СПб.: "Астерион", 2015. С. 412-418; Vinogradova S., Melnik G., Shaldenkova T. Political Technologies: The Interaction of Old and New // Journal of Political Marketing. 2021. Vol. 20 (1). P. 60-71.

⁹⁹ Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М.: Наука, 1994. 304 с.

¹⁰⁰ Косолапов Н.А. Социальная психологи и международные отношения. М.: Наука, 1983. 272 с.

¹⁰¹ Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1979. 232 с.

¹⁰² Социальная психология: учеб. пособие для студентов вузов / А.Н. Сухов, М.Г. Гераськина; под ред. А.Н. Сухова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 367 с.

¹⁰³ Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971. 352 с.

посвященные психологическим войнам, Г. Г. Почепцова¹⁰⁵, В. Г. Крысько¹⁰⁶, Г. Зазворки¹⁰⁷, П. Лайнбарджера¹⁰⁸, У. Доггерти и М. Янновица¹⁰⁹. Упомянутые труды способствовали формированию подходов к изучению публичной дипломатии США в ее технологическом измерении, особенно в том, что касается аспектов влияния ее инструментов на сознание иностранной общественности.

Стоит отметить исследования, посвященные и более узким вопросам. Тема американских обменных программ как инструмента публичной дипломатии раскрывается весьма детально в работах Н. А. Цветковой¹¹⁰, Дж. Скотт-Смита¹¹¹, также весьма подробно описывается становление соответствующей институциональной и законодательной основ в биографии сенатора У. Фулбрайта авторства А. Броги¹¹². Институты американского иновещания рассматриваются в работах А. Паддингтона¹¹³, М. Бейлис¹¹⁴, М. П. Теленьги¹¹⁵. Огромный вклад в исследование роли американского кинематографа как элемента публичной

¹⁰⁴ Ольшанский Д.В. Психология масс. СПб.: Питер, 2002. 368 с.

¹⁰⁵ Почепцов Г.Г. Информационно-психологическая война. М.: СИНТЕГ, 2000. 179 с.

¹⁰⁶ Крысько В.Г. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт) / Под общ. ред. А.Е. Тараса. Мн.: Харвест, 1999. 446 с.

¹⁰⁷ Зазворка Г. Психологическая война НАТО (Организация, способы и методы ведения психологической войны). М.: Воениздат, 1963. 313 с.

¹⁰⁸ Лайнбарджер П. Психологическая война. М.: Воениздат, 1962. 350 с.

¹⁰⁹ William E. Daugherty and Morris Janowitz, *A Psychological Warfare Casebook*. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1958, 881 p.

¹¹⁰ Цветкова Н.А. Оценка эффективности международной образовательной политики СССР и США в годы холодной войны // 200 лет российско-американским отношениям: наука и образование; под ред. А. Чубарьяна, Б. Рубла. Москва, 2007. С. 378-394.

¹¹¹ Scott-Smith G. Mapping the Undefinable: Some Thoughts on the Relevance of Exchange Programs within International Relations Theory // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Vol. 616. P. 173-195; Scott-Smith G.P. Beyond the 'Tissue of Clichés'?: The Purposes of the Fulbright Programme and New Pathways of Analysis, *All Azimuth // A Journal of Foreign Policy and Peace*. 2022. Vol. 11 (2). P. 177-192; Scott-Smith G.P. Transatlantic Cultural Relations, Soft Power, and the Role of US Cultural Diplomacy in Europe // *European Foreign Affairs Review*. 2019. Vol. 24. P. 21-42.

¹¹² Brogi A. et al. *The Legacy of J. William Fulbright: Policy, Power, and Ideology*. University Press of Kentucky, 2019. 304 p.

¹¹³ Puddington A. *Broadcasting Freedom: The Cold War Triumph of Radio Free Europe and Radio Liberty*. University Press of Kentucky. 2000. 408 p.

¹¹⁴ Bayles M. *Through a Screen Darkly: Popular Culture, Public Diplomacy, and America's Image Abroad*. Yale University Press. 2014. 336 p.

¹¹⁵ Теленьга М. П. Эволюция системы информационного сопровождения внешней политики США: 1946-1999 гг. : дис. ... кандидата исторических наук. Краснодар, 2017. 208 с.

дипломатии США вносят работы М. Элфорда, Т. Секера, Т. Дженкинс¹¹⁶, Р. Стола¹¹⁷. Для понимания предпосылок становления публичной дипломатии в США и предшествующего ей опыта применения соответствующих техник в период двух мировых войн была весьма полезна автобиография директора Комитета общественной информации США Дж. Крила¹¹⁸.

Источниковая база исследования состоит из трех основных групп:

Первая включает в себя официальные документы американских правительственных институтов и ведомств, а также стенограммы заседаний Конгресса США, корреспонденцию и официальные заявления должностных лиц. Особую значимость среди них имеют официальные отчеты Консультативной комиссии США по публичной дипломатии, отчеты Бюро образовательных и культурных связей и отчеты Информационного агентства США. Отдельно стоит отметить важность официальных документов Информационного агентства США (ЮСИА) и Агентства США по глобальным медиа (АСГМ), таких как проведенные ими исследования общественного мнения и эффективности отдельных направлений деятельности, полученные автором по запросу из Национального архива США и от представителей АСГМ.

Вторая группа состоит из нормативно-правовых актов американского законодательства, непосредственно регулирующих сферу публичной дипломатии в США. В первую очередь, это закон Фулбрайта 1946 г. (*Fulbright Act of 1946*), закон Смита-Мундта 1948 г. (*U.S. Information and Educational Exchange Act of 1948*) и закон Фулбрайта-Хейса 1961 г. (*Mutual Educational and Cultural Exchange*

¹¹⁶ Alford M. *Reel Power: Hollywood Cinema and American Supremacy*. Pluto Press, 2010; Alford M., Secker T. *National Security Cinema*. CreateSpace Independent Publishing Platform, 2017; Alford M., Jenkins T. *Intelligence Activity in Hollywood: Remembering the 'Agency' in CIA* [Электронный ресурс] // Scope. 2012. URL: www.nottingham.ac.uk/scope/documents/2012/june-2012/jenkins.pdf (дата обращения: 17.03.2022); Jenkins T., Secker T. *Superheroes, Movies, and the State: How the U.S. Government Shapes Cinematic Universes*. University Press of Kansas, 2022; Jenkins T. *The CIA in Hollywood: How the Agency Shapes Film and Television*. University of Texas Press, 2013. 175 p.; Jenkins T. *Get smart: A look at the current relationship between Hollywood and the CIA* // *Historical Journal of Film, Radio and Television*. 2009. Vol. 29 (2). P. 232.

¹¹⁷ Stahl R. *Militainment, Inc.: War, Media, and Popular Culture*. 1st edition. Routledge, 2009.

¹¹⁸ Creel G. *How we advertised America; the first telling of the amazing story of the Committee on public information that carried the gospel of Americanism to every corner of the globe*. New York, and London, Harper & brothers, 1920. P. 276-277, 281.

Act of 1961), но также и законодательный акты, регулирующие преобразования в организационной структуре публичной дипломатии США, например, закон «О международном вещании» (*International Broadcasting Act, 1994*), закон «Об учреждении Центра глобального взаимодействия 2018 г.» (*Global Engagement Center Authorities Act, 2018*). В эту группу также входят поправки к законам, регулирующим сферу публичной дипломатии, официальные назначения президентом и утверждения на должность сенатом замгоссекретаря по публичной дипломатии и связям с общественностью, стратегические рамочные документы по вопросам публичной дипломатии и стратегической коммуникации.

Третья группа включает в себя примеры реализации публичной дипломатии США, пригодные, в частности, для контент-анализа: материалы каналов американского иновещания («Голос Америки», «Радио Свобода/Свободная Европа», «Настоящее время»), размещенные на официальных сайтах, в аккаунтах в соцсетях, включая видео- и радиорепортажи, статьи, новостные колонки и передачи, документальные фильмы и прочее. К этой же группе источников относятся американские кинофильмы, анимационные картины и телесериалы, снятые при прямом или косвенном участии американских правительственных структур и/или государственных институтов.

Научная новизна исследования состоит в том, что:

1) впервые в отечественной и зарубежной литературе на основе обширного объема источников публичная дипломатия США была проанализирована в качестве политической технологии. Это позволило автору, во-первых, предложить новый взгляд на публичную дипломатию США, представив ее как механизм осуществления воздействия на убеждения и поведение зарубежной общественности, каждый элемент которого, и бюрократический, и практический, объединены в одну систему. Во-вторых, выделить элементы формального и институционального закрепления (нормативно-правовые основы, ключевые институты), а также элементы практической реализации технологии (направления, инструменты каждого

направления, отдельные техники, задействованные каждым из инструментов) и установить их функциональное предназначение;

2) в диссертации сформулировано авторское определение публичной дипломатии, представляющее ее как *средство осуществления целей и задач внешней политики государства, а также защиты его интересов за границей через оказание влияния на общественное мнение в других странах;*

3) автором предложена типологизация концепции публичной дипломатии, которая предполагает выделение «публичной дипломатии-технологии» и «публичной дипломатии-теории». Первый тип подразумевает восприятие публичной дипломатии в качестве политической технологии, сложившейся в результате упорядочивания и оптимизации практического опыта политическими акторами с целью подчинения разрозненных приемов воздействия на общественное мнение единому целеполаганию через их систематизацию с помощью создания специальной законодательной основы и институциональной структуры. Соответственно, в исследованиях эта категория может быть использована ограниченным образом: с фокусом на прикладные аспекты и только при анализе публичной дипломатии, удовлетворяющей характеристикам политтехнологии. Второй тип концепции подразумевает понимание публичной дипломатии как некой широкой теоретической рамки, которая может быть использована как исследователями для изучения опыта различных государств, так и политическими акторами для планирования политики;

4) впервые в отечественной и зарубежной литературе продукция американской киноиндустрии была проанализирована в качестве отдельного инструмента публичной дипломатии США, играющего ключевое значение в культурно-развлекательном направлении реализации соответствующей политической технологии.

Основная научная гипотеза исследования – рассмотрение публичной дипломатии США как политической технологии позволяет выявить нарушения целостности единого системного механизма на современном этапе развития в связи с изменением внешних условий, под которые он разрабатывался.

Теоретико-методологическая значимость исследования состоит в том, что:

1) публичная дипломатия США в работе представляется в качестве системного механизма, объединяющего в себе политические стратегии, институты, отвечающие за их реализацию и конкретные практики воздействия на общественное мнение за рубежом для осуществления целей и задач внешней политики государства;

2) для анализа практической реализации публичной дипломатии в диссертации предложена матрица критериев, которые позволяют оценивать инструменты публичной дипломатии США, объединяя функциональное и организационное измерения. Выделено 5 критериев: принцип воздействия, техники, целевая аудитория, оказываемый эффект и уровень политизированности;

3) выработана авторская периодизация развития системы публичной дипломатии США, позволяющая зафиксировать ее текущую динамику. Первый этап (1945–1999 гг.) был периодом становления технологии, процессов ее последовательной формализации и инкорпорации в политические процессы, в то время как второй этап, продолжающийся по настоящее время, стал периодом атрофии системы из-за нарушения целостности системного механизма ее организации.

Практическая значимость диссертационного исследования:

1. Проанализировано организационно-политическое, законодательное и институциональное устройство и обеспечение публичной дипломатии США как политтехнологии, используемой во внешней политике. Сделаны выводы о функционировании механизмов ее организации и реализации, установлена связь между нормативно-правовым, институциональным и прикладным элементами.

2. Изучены основные направления реализации американской публичной дипломатии на примерах ключевых инструментов: определена целевая аудитория; принцип воздействия; оказываемый эффект; применяемые техники; уровень политизированности.

3. Выявлены признаки системных нарушений в функционировании механизма публичной дипломатии США на современном этапе.

4. Изучение публичной дипломатии США в контексте трансформации миропорядка способствует более детальному пониманию и прогнозированию современной внешней политики и стратегии национальной безопасности США, а также перспектив изменения баланса сил в международной информационной среде.

5. Материалы исследования и полученные результаты могут быть использованы в работе государственных ведомств Российской Федерации, применяться при подготовке учебных материалов и курсов по регионоведению, внешней политике и стратегии национальной безопасности США, истории и теории международных отношений и мировой политики для гражданских и военных вузов.

Положения диссертационного исследования, выносимые на защиту:

1. Публичная дипломатия как политическая технология – *это средство осуществления целей и задач внешней политики государства, а также защиты его интересов за границей через оказание влияния на общественное мнение в других странах.*

2. Первый этап концептуализации публичной дипломатии, совпадающий по времени с периодом холодной войны, носил технологический и американоцентричный характер. Публичная дипломатия была концептуализирована как политическая технология, применяемая США для содействия целям американской внешней политики. Второй этап концептуализации публичной дипломатии, начавшийся в конце XX в., носит теоретический и интернациональный характер.

3. Публичная дипломатия США как политическая технология представляет собой систему, состоящую из трех ключевых структурных элементов, взаимосвязанных друг с другом и взаимодействующих с внешней средой как единое целое: законодательной основы, институционального обеспечения и прикладного инструментария. Основная функция первого элемента

– формализация технологии; второго – управление и контроль за процессами организации и реализации технологии; третьего – практическое осуществление технологии для достижения политических задач.

4. У публичной дипломатии США существует три основных направления реализации: образовательно-просветительское, информационно-агитационное и культурно-развлекательное, каждое из которых реализуется многими инструментами, каждый из которых, в свою очередь, задействует множество техник. Ключевым инструментом первого направления являются обменные программы под эгидой Госдепартамента США, второго направления – американское государственное международное вещание, а третьего направления – американский кинематограф. *Первый инструмент* обладает средним уровнем политизированности, преимущественно ориентирован на решение долгосрочных стратегических задач и отдельные целевые группы аудитории, способные в дальнейшем распространять эффект воздействия, оказанный на них, за пределы группы; *второй* – высоким уровнем политизированности и нацелен на решение кратко- и среднесрочных тактических задач и преимущественно замкнутые отдельные целевые группы; *третий*, обладая низким уровнем политизированности, играет роль комплементарного инструмента во внесрочной перспективе, нацеленного на широкую целевую аудиторию.

5. История развития публичной дипломатии США как политтехнологии состоит из двух этапов: этапа становления (биполярного) и этапа атрофии (постбиполярного). Первый этап характеризовался относительно последовательным прогрессом в развитии политической технологии: появлением структурных элементов системы (законодательства, институтов, инструментов), их реформированием в сторону взаимной интеграции (централизация институтов, распределение инструментов по приоритетным направлениям в соответствии с законодательством), высоким уровнем компетентности действующих акторов (высокая профессиональная квалификация руководителей ЮСИА, активная вовлеченность президента в публичную дипломатию). Второй этап характеризуется дезинтеграцией структурных элементов (разделение функций

между несколькими ведомствами; понижение статуса публичной дипломатии в бюрократической организации), ослаблением внутрисистемной организации (непоследовательные преобразования в институтах; попытки добавить внутреннюю аудиторию к традиционной целевой – иностранной) и снижением компетентности действующих акторов (кадровые проблемы внутри Госдепартамента).

Апробация результатов исследования. Апробация некоторых положений и выводов диссертации была осуществлена в ходе ряда научно-практических мероприятий. Ключевые положения диссертационного исследования представлены в 11 публикациях автора, общим объемом около 13 п. л., 8 статей опубликовано в журналах из Перечня рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, рекомендуемых для опубликования основных научных результатов диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, 3 статьи входят в базы Scopus и Web of Science.

Диссертационное исследование было утверждено с учетом замечаний к защите на расширенном обсуждении Центра североамериканских исследований федерального государственного бюджетного научного учреждения «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук» (ИМЭМО РАН) 17 августа 2022 г. с участием профильных специалистов из других подразделений Института.

Результаты исследования были представлены в рамках 9 докладов на научных мероприятиях:

1) доклад «Мягкая сила в политике ведущих держав в современном мире» на семинаре «Структурные тренды в современном мире: политика ведущих держав», проводившемся кафедрой прикладного анализа международных проблем (ПАМП) факультета политологии МГИМО(У) МИД РФ 3 декабря 2018 г.;

2) доклад «Роль американского кинематографа в международном восприятии США» на международной научной конференции «Меняющийся Запад

и его роль в регулировании глобальных процессов», проводившейся Советом молодых ученых и аспирантов ИМЭМО РАН 11–12 апреля 2019 г.;

3) доклад «Реформа американского иновещания и кризис публичной дипломатии» на круглом столе «США в 2020 году», проводившемся Советом молодых ученых и аспирантов ИСК РАН 22 октября 2020 г.;

4) доклад «Внешнеполитическая пропаганда США в условиях кризиса глобального управления» на международной научной конференции «Глобальное управление: кризис или трансформация?», проводившейся Советом молодых ученых и аспирантов ИМЭМО РАН 29–30 октября 2020 г.;

5) доклад «Российский и американский опыт в борьбе с пандемией: кто оказался успешнее с позиции публичной дипломатии?» на международной научной конференции «Мир после пандемии: глобальные вызовы и перспективы развития», проводившейся Советом молодых ученых и аспирантов ИМЭМО РАН 22–23 апреля 2021 г.;

6) доклад «Публичная дипломатия России и США на фоне пандемии COVID-19» на международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2021», проводившейся МГУ им. М.В. Ломоносова 12–23 апреля 2021 г.;

7) доклад «Кто стоит "у руля" публичной дипломатии США?» на семинаре «Российско-американские отношения на новом перепутье. 25 лет американским исследованиям», проводившемся кафедрой американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета 18–19 мая 2021 г.;

8) доклад «Публичная дипломатия в первый год президентства Дж. Байдена» на круглом столе «США в 2021 году», проводившемся Советом молодых ученых и аспирантов ИСК РАН 21 октября 2021 г.;

9) доклад «Тактика США в информационном противостоянии как отражение кризиса американской публичной дипломатии» на международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2022», проводившейся МГУ им. М.В. Ломоносова 11–22 апреля 2022 г.

Соответствие содержания диссертации паспорту научной специальности. Диссертационное исследование соответствует требованиям и паспорту научной специальности 5.5.2 – Политические институты, процессы, технологии.

Результаты диссертационного исследования соответствуют следующим пунктам паспорта научной специальности 5.5.2 – Политические институты, процессы, технологии:

П. 4 – Механизмы и технологии традиционной и цифровой политики: формы и уровни организации.

П. 15 – Психологические аспекты политических процессов.

П. 16 – Процессы и механизмы политического восприятия. Политическое сознание.

П. 20 – Механизмы и технологии управления политическими изменениями.

П. 29 – Информационные процессы и управление политическими коммуникациями: традиционные СМИ, социальные медиа и сети.

П. 30 – Политические технологии и специфика их применения.

Структура диссертационного исследования обусловлена его целью и поставленными задачами и состоит из введения, трех глав, заключения, списка используемых источников и литературы.

ГЛАВА I. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ»

1.1 Публичная дипломатия среди политических технологий

В рамках этого исследования публичная дипломатия США рассматривается в качестве политической технологии. Ряд ученых, специализирующихся на соответствующих исследованиях, используют термин «технологизировать», чтобы описать подход к анализу определенного аспекта политической действительности с ракурса политических технологий¹¹⁹. Процесс этого анализа по сути своей близок к тому, что описал руководитель Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН профессор М. В. Ильин, когда писал, что каждое состояние политической реальности можно «расчленить на элементы и описать рационально, и показать структурно-функциональные связи между ними»¹²⁰.

Раздел политических технологий называют наименее разработанным в современной политической науке¹²¹. Существуют разные точки зрения в научном сообществе относительно того, что стоит вкладывать в понятие «политическая технология», а обзору множественности подходов к их изучению посвящен целый ряд научных публикаций: например, доцента кафедры политического анализа и управления ФГСН РУДН О. Е. Гришина¹²², профессора кафедры государственной политики факультета политологии МГУ О. Ф. Шаброва¹²³, старшего научного сотрудника Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

¹¹⁹ Гришин О.Е. Политические технологии в XXI веке: сущность, спектр, характер. С. 19-32.; Анохин М.Г. Указ. соч.

¹²⁰ Ильин М. В. Ритмы и масштабы перемен. О понятиях "процесс", "изменение" и "развитие" в политологии // Полис. Политические исследования. 1993. № 2. С. 57-68.

¹²¹ Политические институты, процессы и технологии: теория и кейсы: Учебник / Ж.Ю. Данкова, В.О. Евсеев, О.Н. Забузов [и др.]; под ред. С.А. Мелькова. М.: "Издательство "КноРус", 2021. 564 с.

¹²² Гришин О.Е. Указ. соч.

¹²³ Шабров О.Ф. Политические технологии. С. 328-330.

О. Н. Забузова¹²⁴ и многих других. В рамках данного диссертационного исследования термины «политическая технология», «политтехнология» и «технология», а также их множественная форма будут использоваться как синонимы, апеллирующие к одному понятию.

Политическая технология рассматривается как совокупность последовательно применяемых процедур, приемов и способов деятельности, направленных на наиболее оптимальное и эффективное¹²⁵ воздействие на политическое сознание и поведение людей¹²⁶. Политтехнология всегда подразумевает воздействие на человека с целью изменения его мышления, убеждений, настроений и поведения¹²⁷ в соответствии с интересами того или иного политического актора, создавая при этом иллюзию свободы выбора¹²⁸.

Важной характеристикой политических технологий является их вторичность «по своему генезису, природе и условиям реализации» относительно политических процессов и институтов. По этой причине они выполняют роль способов и методов ведения политики, инструментов, используемых политическими акторами¹²⁹.

Формируются политтехнологии в процессе технологизации элементов политической действительности. Этот процесс заключается в формализации субъектом управления реальных процессов (придания им формы операций и процедур), создании инновационной среды для воспроизводства, обеспечении необходимого уровня управления и других действий по формализации практики¹³⁰. Соответствующий процесс отражает сущность политтехнологий и

¹²⁴ Забузов О.Н. Политические технологии: структурная и функциональная индифферентность. С. 81-90.

¹²⁵ Политология: политическая теория. Политические технологии. М.: Аспект Пресс, 2010. 574 с.

¹²⁶ Авцинова Г.И., Анохин М.Г., Беляева В.П. и др. Технологии политической деятельности: опыт, проблемы, приоритеты: монография. М.: РГСУ; АПК и ППРА, 2011. 176 с.

¹²⁷ Беляков А.В., Матвейчев О.А. Большая актуальная политическая энциклопедия. М.: Эксмо. 2009. 420 с.

¹²⁸ Харичкин И.К. О понятии «Политические технологии» // Вестник университета (ГУУ). 2013. № 8. С. 75-78.

¹²⁹ Гришин О.Е. Указ. соч.

¹³⁰ Анохин М.Г. Указ. соч.

причину, побуждающую субъекты управления инициировать их оформление: это стремление к оптимизации, рационализации, повышению эффективности¹³¹. Поэтому технологизация – это фактически систематизация существующих приемов, придание им некой формальной структуры, формирование процедур и направление совокупного процесса в определенном конкретный политической целью или целями конкретного политического актора русле для максимизации успеха.

Политическую технологию всегда отличает элемент целеполагания¹³², в том смысле, что применяемая совокупность приемов воздействия на убеждения и поведение людей реализуется не спонтанно, а осознанно. При этом конкретная конечная цель политической технологии не обязательно должна быть где-либо формально закреплена. Политтехнологи Е. Б. Малкин и Е. Б. Сучков определяют политические технологии как технологии реализации публичной политики, отмечая, что при таком понимании, определение целей политики лежит за пределами сферы действия политтехнологий. Публичную политику они, в свою очередь, определяют как политику, направленную на внедрение в массовое сознание той или иной идеологии, политических идей и позиций, положительных образов политиков, а также на обеспечение массовой поддержки гражданами указанных идей и политиков¹³³.

Политтехнология также является сложной, «многоплановой и многоаспектной»¹³⁴ конструкцией и может состоять из множества различных методов и техник, каждая из которых является «конкретным приемом... последовательностью шагов, всегда приводящих к определенному результату»¹³⁵. Из этого вытекает другая важная характеристика политической технологии –

¹³¹ Анохин М.Г. Указ. соч.; Политология: политическая теория. Политические технологии: учебник для студентов высших учебных заведений / А.И. Соловьев. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Аспект Пресс, 2010. 574 с.; Васильева П.И. Глобальные политические технологии: теория и практика. С. 77-83.

¹³² Забузов О.Н. Политические технологии: структурная и функциональная индифферентность. С. 81-90.

¹³³ Малкин Е. Б., Сучков Е. Б. Политические технологии. М.: Русская панорама, 2006. 680 с.

¹³⁴ Анохин М.Г. Указ. соч.

¹³⁵ Анохина Н.В., Минченко Е.Н., Студеникин Н.В. Указ. соч.

наличие в ней тактического и стратегического измерений: как с точки зрения оказываемого эффекта (краткосрочного/локального или долгосрочного/глобального)¹³⁶, так и с точки зрения разных типов задач (тактического и стратегического масштаба)¹³⁷, решаемых конкретной технологией в рамках достижения определенной цели.

Стоит отметить, что не существует и единой общепринятой и полной классификации политических технологий, хотя наиболее полный спектр возможных типологий представлен в учебных пособиях авторства профессора А. И. Соловьева¹³⁸, профессора М. Г. Анохина¹³⁹ и коллектива авторов под редакцией профессора С. А. Мелькова¹⁴⁰. Поэтому не представляется возможным обозначить четко определенный перечень политических технологий, применяемых во внутренней и внешней политике определенного государства и, в частности, США.

Заслуживает уточнения и тот факт, что многие работы, посвященные политтехнологиям, предпочитают рассматривать их если не исключительно, то преимущественно во внутривнутриполитическом контексте: предвыборных кампаниях, политическом лоббизме и т.д.¹⁴¹ Реже в тематических работах встречается упоминание политтехнологий в рамках исследования внешней политики государств и международных отношений: в частности, А. И. Соловьев, перечисляя различные варианты типологизации, называет уровневую – глобальные, континентально-региональные, национал-государственные, корпоративные, локальные и межличностные политические технологии. В свою

¹³⁶ См.: Основы политологии. Курс лекций. Под ред. Р.Г. Яновского. М., 1991, ч. 1; Борцов Ю.С., Коротец И.Д., Шпак В.Ю. Политология в вопросах и ответах. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 469; Политология / Под ред. проф. В.И. Лавриненко. М.: ЮНИТИ, 1994. С. 265; Политология в вопросах и ответах / Под ред. проф. Ю.Г. Волкова. М.: Гардарики, 1999. С. 63; Политический словарь / Под ред. проф. В.Ф. Халимова. М.: Высш. шк. 1995. С. 151.

¹³⁷ Васильева П.И. Глобальные политические технологии: теория и практика. С. 77-83.

¹³⁸ Политология: политическая теория. Политические технологии. М.: Аспект Пресс, 2010. 574 с.

¹³⁹ Анохин М.Г. Указ. соч.

¹⁴⁰ Политические институты, процессы и технологии: теория и кейсы. М.: "КноРус", 2021. 564 с.

¹⁴¹ См., напр.: Анохина Н.В., Минченко Е.Н., Студеникин Н.В. Указ. соч.; Политические институты, процессы и технологии: теория и кейсы. М.: "Издательство "КноРус", 2021. 564 с.

очередь, доцент кафедры глобалистики факультета глобальных процессов МГУ П. И. Васильева даже представила отдельное определение глобальных политических технологий: «особый вид политических технологий, в результате применения которых актор стремится к реализации своих политических интересов, выходящих за пределы одного государства, а применение данных технологий сказывается на политическом процессе в мировом масштабе»¹⁴². Некоторые исследователи оперируют такими терминами как «технологии цветных революций»¹⁴³, «технологии экспорта демократии»¹⁴⁴, «технологии "мягкой силы"»¹⁴⁵, «технология политического маркетинга»¹⁴⁶ и в своих работах частично затрагивают понятие политических технологий, но все же избегают жесткой и однозначной атрибуции предметов своего исследования к этой категории либо четкого формулирования того, что они понимают под политическими технологиями.

В связи с вышеперечисленным публичная дипломатия США в данной работе будет рассматриваться как политическая технология, реализуемая для содействия целям американской внешней политики. Этот подход к исследованию публичной дипломатии США является новаторским с методологической точки зрения, так как ранее публичная дипломатия никогда не определялась в качестве отдельной и полноценной политтехнологии. Дальнейший анализ позволит выявить, какими технологическими признаками обладает публичная дипломатия США в своей структурной организации и в процессе реализации, а также каковы ее отличительные черты (рисунок 1).

¹⁴² Васильева П.И. Глобальные политические технологии: теория и практика. С. 77-83.

¹⁴³ Демидов А.В. От «мягкой силы» к «управляемому хаосу» // Международные отношения. 2014. № 2. С. 230-236.

¹⁴⁴ Ильин И.В., Леонова О.Г., Розанов А.С. Теория и практика политической глобалистики. М., 2013. 196 с.

¹⁴⁵ Мехдиев Э.Т., Гулиев И.А. Понятие «Мягкой силы» как инструмента глобальных политических технологий // *Juvenis scientia*. 2016. № 3. С. 49-52.

¹⁴⁶ Виноградова С.М., Рущин Д.А. Указ. соч. С. 412-418; Vinogradova S., Melnik G., Shaldenkova T. *Op. cit.* P. 60-71.

Рисунок 1 – Системность политической технологии

Источник: составлено автором.

1.2 История концептуализации

Понятие «публичная дипломатия» на сегодняшний день остается достаточно противоречивым, особенно в научной среде. Исследователи не могут прийти к единому мнению ни относительно определения, ни относительно концептуального содержательного наполнения, направлений и методов деятельности, круга участников и т.д. Анализ многообразия подходов к рассмотрению перечисленных вопросов имеет ключевое значение для понимания процесса концептуализации публичной дипломатии, под которым понимается выработка концептуальной схемы (модели, знаковой системы) изучаемой области, отражающей лишь самые существенные ее стороны, предусматривающей движение от конкретного к абстрактному, а также для технологизации публичной дипломатии США.

Даже с терминологией возникает путаница, что весьма характерно для «технологического знания», которое в отличие от строго научного базируется на более свободном порядке образования семантических структур, поскольку политические технологии во многом находятся под влиянием субъективности исследователя и эмпирического опыта их практического применения¹⁴⁷. В русском языке нередко происходит смешение понятий «публичная дипломатия», «общественная дипломатия» и «народная дипломатия»¹⁴⁸ во многом из-за вариативности перевода английского слова «*public*».

Ряд российских ученых придерживается мнения, что подобная путаница вредна, так как сужает понимание публичной дипломатии. Член Экспертного совета при Правительстве РФ и эксперт РСМД Алексей Владимирович Долинский¹⁴⁹, профессор МГИМО Татьяна Владимировна Зонова¹⁵⁰ и доцент Уральского федерального университета им. первого президента России Б. Н. Ельцина Руслан Салихович Мухаметов¹⁵¹ сходятся во мнении, что общественная дипломатия – это дипломатия неправительственных, общественных организаций. Президент Центра поддержки и развития общественных инициатив «Креативная дипломатия» и эксперт РСМД Наталья Валерьевна Бурлинова, напротив, считает понятие «общественная дипломатия» более широким, чем «публичная дипломатия». По ее мнению, общественная дипломатия – это «проявление любой гражданской активности в культурной, научной и гуманитарной областях»¹⁵². Публичную же дипломатию отличает обязательное

¹⁴⁷ Политология: политическая теория. Политические технологии. М.: Аспект Пресс, 2010. 574 с.

¹⁴⁸ Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: «Аспект Пресс», 2017. 272 с.

¹⁴⁹ Долинский А.В. Указ. соч.

¹⁵⁰ Зонова Т.В. Публичная дипломатия и ее акторы. НПО инструмент доверия или агент влияния?

¹⁵¹ Мухаметов Р.С. Специфика общественной дипломатии как инструмента внешней политики государства. С. 84-90.

¹⁵² Бурлинова Н.В. Курс общественного дипломата. Учебно-методические материалы №4/2017.

наличие политических целей, системы институтов и государства в качестве «заказчика»¹⁵³.

Что касается термина «народная дипломатия», то некоторые эксперты употребляют его в ряду синонимов «публичной дипломатии»¹⁵⁴, а некоторые полагают, что он является частью наследия советской эпохи, когда в процесс публичной дипломатии «вовлекались широкие народные массы в форматах различных общественных объединений»¹⁵⁵, и в связи с этим не соответствует современным реалиям. Интересно, что Т. В. Зонова похожим образом характеризует термин «общественная дипломатия», проводя параллель с современным коммунистическим Китаем, где организации, специализирующиеся на публичной дипломатии, имеют статус общественных¹⁵⁶. В свою очередь, российский исследователь Анна Алексеевна Великая включает народную и общественную дипломатию в «арсенал» современной публичной дипломатии наряду с научной и культурной дипломатией¹⁵⁷.

В англоязычной среде существуют похожие сложности при соотнесении понятий «публичная дипломатия» (англ. *public diplomacy*) и «связи с общественностью» (англ. *public relations/public affairs*). Австрийский ученый Бенно Зигницер и его американский коллега Тимоти Кумбс проводят четкое разделение между двумя понятиями, подчеркивая, что литература по связям с общественностью в вопросах международных связей фокусируется на взаимоотношения транснациональных корпораций с иностранной общественностью, тогда как вопрос коммуникации национальных государств или их правительств с иностранной общественностью относится к сфере

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / Под ред. М. М. Лебедевой. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. 272 с.

¹⁵⁵ Бурлинова Н.В. Курс общественного дипломата. Учебно-методические материалы №4/2017.

¹⁵⁶ Зонова Т.В. Публичная дипломатия и ее акторы. НПО инструмент доверия или агент влияния?

¹⁵⁷ Великая А.А. Публичная дипломатия России и США: сравнительные аспекты двух систем и роль в развитии двустороннего диалога. С. 500-517.

политических наук и, соответственно, публичной дипломатии¹⁵⁸. Тем не менее они полагают, что между двумя понятиями возможна конвергенция: в рамках обеих практик возможна постановка сходных задач и использование похожих инструментов¹⁵⁹. Джеки Л'Этанг, британский ученый-специалист по связям с общественностью, отмечая множество точек соприкосновения между двумя понятиями, тем не менее также не ставит между ними знак равенства: на ее взгляд, можно отнести связи с общественностью к элементам публичной дипломатии, а можно считать публичную дипломатию важной частью стратегической кампании по связям с общественностью¹⁶⁰. Профессор университета Бар-Илан Эйтан Гилбоа утверждает, что публичная дипломатия – гораздо более широкое понятие, чем связи с общественностью¹⁶¹.

В рамках данной работы термин «публичная дипломатия» не будет рассматриваться в качестве синонима понятия «связи с общественностью», так как последний не предусматривает столь четкого ограничения целевой аудитории – публичная дипломатия ориентирована строго на иностранную общественность. Понятия «общественная дипломатия» и «народная дипломатия» также останутся за пределами диссертационного исследования, поскольку могут быть восприняты в качестве определенной формы адаптации термина к нормам русского языка и отечественному дискурсу социальных наук, тогда как цели и задачи диссертации сосредоточены на публичной дипломатии США и, как следствие, американской специфике восприятия соответствующей концепции, в том числе и в области семантики.

За основу принимается следующее определение: *«публичная дипломатия – это средство осуществления целей и задач внешней политики государства, а также защиты его интересов за границей через оказание влияния на*

¹⁵⁸ Signitzer B., Coombs T. Public relations and public diplomacy: Conceptual convergences // Public Relations Review. 1992. Vol. 18 (2). P. 137-148.

¹⁵⁹ Kiehl W.P. Public Diplomacy and the Information Revolution: An American Perspective. Helsinki, Finland, 1989.

¹⁶⁰ L'Etang, J. Public Relations and Diplomacy in a Globalized World: An Issue of Public Communication // American Behavioral Scientist. 2009. Vol. 53 (4). P. 607-626.

¹⁶¹ Gilboa E. Searching for a Theory of Public Diplomacy // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616. P. 55-77.

общественное мнение в других странах». Данное авторское определение представляет собой синтез определения дипломатии, которое дает Большой энциклопедический словарь: «Дипломатия – это официальная деятельность глав государств, правительств и специальных органов внешних сношений *по осуществлению целей и задач внешней политики государств, а также по защите интересов государства за границей*»¹⁶², и описанием миссии публичной дипломатии США, которое представлено на официальной веб-странице Государственного департамента США: «Миссия заключается в том, чтобы оказывать помощь в достижении целей и задач американской внешней политики, продвижении национальных интересов и укреплении национальной безопасности *через информирование иностранной общественности и оказание на нее влияния, а также через укрепление взаимоотношений между населением и правительством США и жителями остального мира*»¹⁶³.

Техники, призванные повлиять на иностранное общественное мнение для продвижения интересов своего государства, были знакомы правительствам на протяжении практически всей истории человечества. Британский ученый Николас Калл приводит в качестве примеров древней культурной дипломатии (понимая ее как одно из направлений публичной дипломатии) создание древними греками Александрийской библиотеки и политику Римской империи, предусматривавшую приглашение в Рим на учебу сыновей дружественных правителей соседних государств¹⁶⁴. Можно также вспомнить практику, которую по описанию Тацита применяли римляне во время покорения Британии, – обучение знатных британских юношей, в частности латинскому языку, а также их приобщение к римской культуре для культивирования в их сознании привлекательности Римской империи, что напрямую служило ее политическим интересам той эпохи,

¹⁶² Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Большая Рос. энцикл.; СПб.: Норинт, 1997, 1999, 2001, 2004. 1456 с.

¹⁶³ About Us – Under Secretary for Public Diplomacy and Public Affairs [Электронный ресурс] // U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/about-us-under-secretary-for-public-diplomacy-and-public-affairs/#:~:text=The%20mission%20of%20American%20public,and%20Government%20of%20the%20United> (дата обращения: 11.01.2020).

¹⁶⁴ Cull N. Public Diplomacy: Taxonomies and Histories. P. 31-54.

заклучавшимся в том числе в расширении территорий при минимальном сопротивлении местного населения¹⁶⁵.

В «Истории дипломатии» под редакцией В. П. Потемкина рассказывается, что при Петре Первом на русских дипломатов была возложена обязанность следить, чтобы в иностранных газетах не печаталось «ничего предосудительного для России». Боярин Волков в 1711 г. во Франции рекомендовал «курантельщика [редактора газеты] чем-нибудь приласкать, чтобы принимал и печатал добрые о нас ведомости»¹⁶⁶. Таким образом, можно наблюдать характерные для современной публичной дипломатии стремления влиять на иностранное общественное мнение в том числе через прессу. Другой пример того же периода демонстрирует выделение целевой группы лидеров для влияния (что также типично для некоторых направлений современной публичной дипломатии): боярин Матвеев в Гааге «на каждую неделю уставил быть в своем доме собрания всем здешним первым господам и господам для собрания и забавы картами и иных утех», чтобы «лучший способ к пользе и воле монаршей учинить»¹⁶⁷.

Т. В. Зонова пишет, что в годы Венского конгресса (1814–1815) дипломаты стран-участниц активно использовали прессу для продвижения и утверждения точки зрения своей державы¹⁶⁸. Спустя сто лет в США появляется организация-предтеча всей системы институтов американской публичной дипломатии – Комитет общественной информации, также известный как Комитет Крила или Группа Крила (по имени главы комитета – Дж. Крила)¹⁶⁹. Группа Крила представляла собой «своего рода колоссальное рекламное агентство»¹⁷⁰, куда входили журналисты, ученые, художники и другие специалисты по работе с общественным мнением.

¹⁶⁵ Тацит К. Сочинения в двух томах. Т. 1. Анналы. Малые произведения. М.: «Ладомир», 1993. С. 21.

¹⁶⁶ Потемкин В.П. История дипломатии. Т. 1. С древнейших времен до нового времени. М.: Директ-Медиа, 2015. 543 с.

¹⁶⁷ Потемкин В.П. Указ. соч.

¹⁶⁸ Зонова Т.В. Дипломатия. Модели, формы, методы. М.: Аспект Пресс, 2013. 348 с.

¹⁶⁹ Артамонова У.З. Эволюция государственных институтов публичной дипломатии США [Электронный ресурс] // Россия и Америка в XXI веке. 2019. Вып. 1. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760004625-4-1/> (дата обращения: 06.11.2020).

¹⁷⁰ Аги У. Самое главное в PR. СПб.: "Питер", 2004. 560 с.

В период между двумя мировыми войнами в 1925 г. возникла первая советская организация, чья деятельность была посвящена тому, что сейчас принято называть «публичной дипломатией» – Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС). Организация занималась установлением и развитием научных и культурных связей между институтами, общественными организациями и отдельными представителями науки и культуры СССР и других стран¹⁷¹.

Таким образом, различные приемы воздействия на иностранное общественное мнение, а также варианты их комбинаций были знакомы человечеству задолго до того, как был введен в оборот соответствующий термин. Однако именно представители американской политической мысли во второй половине XX в., следуя за процессом технологизации этого явления (формализации и систематизации отдельных методов и инструментов по инициативе правительства США через законодательство и создание институтов), внедрили термин, который впоследствии стал наиболее широко распространенным и принятым для обозначения этой политической технологии.

Стоит оговориться, что в других значениях выражение «публичная дипломатия» употреблялось и раньше. Н. Калл проследил, что впервые термин «публичная дипломатия» появился на страницах издания Лондон Таймс в январе 1856 г. в значении цивилизованности и корректности при критике поведения президента США Франклина Пирса¹⁷². Еще одно альтернативное звучание «публичная дипломатия» обрела после Первой мировой войны и провозглашения «14 пунктов Вильсона»: вместе с понятием «открытая дипломатия» «публичная дипломатия» стала употребляться для обозначения новых тенденций в дипломатической практике – отказа от тайной дипломатии и закулисных переговоров¹⁷³.

Использование термина «публичная дипломатия» в контексте, близком к понятиям пропаганды и информационной политики, началось лишь в 1950-е гг. В

¹⁷¹ Артамонова У.З. Эволюция институтов российской публичной дипломатии. Вып. 1.

¹⁷² Cull N. Op. cit.

¹⁷³ Ibid.

частности, в 1953 г. американский писатель и политический обозреватель Уолтер Липпман писал о том, что некоторые дипломаты утверждают, что «публичная дипломатия и пропаганда, и информационное оружие – это настоящий бич»¹⁷⁴. Однако первым, кто ввел «публичную дипломатию» в оборот в качестве отдельного и самостоятельного понятия в 1965 г. и сформулировал его определение, был Эдмунд Галлион, которого называют одним из самых успешных карьерных дипломатов в истории США¹⁷⁵. Хотя само определение, предложенное Э. Галлионом, было достаточно абстрактным и не закрепились в достаточной степени в американском и международном политическом и экспертном дискурсе («Публичная дипломатия касается роли общественных убеждений в планировании и осуществлении государственной внешней политики. Она охватывает сферы международных отношений за пределами традиционной дипломатии; культивацию правительствами общественного мнения за рубежом; взаимодействие групп интересов одной страны с группами другой; освещение международных вопросов и их роли в политике правительства; коммуникацию между дипломатами и журналистами; процессы межкультурного взаимодействия»¹⁷⁶), он был тем, кто предложил использовать сочетание «публичная дипломатия» для описания видов деятельности, связанных с оказанием влияния на взгляды и представления иностранной общественности в контексте принятия внешнеполитических решений.

Процесс внедрения термина «публичная дипломатия» в широкий экспертный и политический дискурс был довольно длительным. В научно-исследовательской американской литературе «публичная дипломатия» как

¹⁷⁴ Lippmann W. Today and tomorrow: Talking about talking [Электронный ресурс] // Washington Post. 1953. URL: https://archive.org/details/per_washington-post_1953-11-19_28280/page/n13/mode/2up?q=lippman&view=theater (дата обращения: 01.01.2022).

¹⁷⁵ Saxon W. Edmund Asbury Gullion, 85, Wide-Ranging Career Envoy [Электронный ресурс] // The New York Times. 1998. URL: <https://www.nytimes.com/1998/03/31/world/edmund-asbury-gullion-85-wide-ranging-career-envoy.html> (дата обращения: 25.06.2021).

¹⁷⁶ Cull N. 'Public Diplomacy' Before Gullion: The Evolution of a Phrase.

формулировка не фигурировала до 1972 г.¹⁷⁷, и даже в последующие десять-пятнадцать лет в основном она оставалась предметом исследования для узкого круга около-правительственных аналитиков и профессиональных дипломатов¹⁷⁸. В советской научной литературе «публичная дипломатия» практически не использовалась, если только в качестве отсылки к исключительно американской терминологии в сфере внешнеполитической пропаганды¹⁷⁹.

Причины концептуализации публичной дипломатии именно в указанный период времени и именно в США были продиктованы, прежде всего, сложившимся после Второй мировой войны биполярным миропорядком и положением, которое в нем заняли США – одного из двух полюсов силы. В этих условиях внешнеполитическая доктрина США формулировалась исходя из необходимости проецировать свое влияние в глобальном масштабе¹⁸⁰ в качестве средства утверждения своего международного лидерства.

После Второй мировой войны мирное существование государств стало центральным принципом общего международного права¹⁸¹, институты глобального регулирования, такие как ООН, продвигали повестку отказа от насилия в межгосударственных отношениях, а появление ядерного оружия значительно повышало потенциальные риски от крупных вооруженных конфликтов. Именно поэтому увеличилась значимость невоенных средств влияния в международных отношениях.

¹⁷⁷ Fisher G. *Public Diplomacy and the Behavioral Sciences*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 1972; Henderson G. et al. *Public Diplomacy and Political Change: Four case studies: Okinawa, Peru, Czechoslovakia, Guinea*. New York: Praeger, 1973.

¹⁷⁸ Roth L. W. *Public diplomacy and the past: the search for an American style of propaganda (1952-1977)* // *The Fletcher Forum*. Vol. 8. № 2. 1984. P. 353–96 ; Malone G.D. *Political Advocacy and Cultural Communication: Organizing the Nation's Public. Diplomacy*. Lanham, MD: University Press of America, 1988. 162 p. ; Tuch H.N. *Communicating with the World. U.S. Public Diplomacy Overseas*. Palgrave Macmillan, New York, 1990. 224 p. ; Staar R. *Public Diplomacy: USA versus USSR*. Stanford CA, Hoover Institution Press, 1988. 305 p.

¹⁷⁹ Лосев С. «Публичная дипломатия» – доктрина международного разбоя // *Международная жизнь*. 1983. № 4. С. 78-87.

¹⁸⁰ Войтоловский Ф.Г. *Единство и разобщенность Запада: идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940-2000-е гг.* 464 с.

¹⁸¹ Гуманистический фактор в современном праве: материалы международной научно-практической конференции / Отв. ред Т.А. Сошникова. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2016. 332 с.

Соответственно, политическое руководство США испытывало потребность в публичной дипломатии как комплексе мер по противодействию распространению влияния СССР в мире и проецированию собственного влияния через воздействие на иностранное общественное мнение. Таким образом, начавшийся процесс концептуализации публичной дипломатии отражал не что иное, как формирование соответствующей политической технологии через обобщение и рационализацию практического опыта в рамках единого ведущего замысла, который придавал бы ей необходимый формальный и объединяющий компонент.

Крайне важным для понимания специфики публичной дипломатии США является намеренное дистанцирование термина и концепции от гораздо более широкого известного и к середине XX в. далеко не нового понятия пропаганды. Этот аспект также тесно связан с теми изменениями в мироустройстве, которые произошли после окончания Второй мировой войны.

Э. Галлион сознательно ввел термин «публичная дипломатия», чтобы при описании соответствующих действий и идей отказаться от использования термина «пропаганда» несмотря на то, что не считал их отличающимися по своей сути¹⁸². Дело было, во-первых, в отрицательной коннотации, которую приобрело понятие «пропаганда» ко второй половине XX в. Новый миропорядок, в условиях которого Соединенные Штаты претендовали на роль одного из двух полюсов силы, а потенциально и единственного глобального лидера, диктовал необходимость в новых концепциях в рамках набора ключевых инструментов внешней политики. Иными словами, для новой концепции было необходимо новое, прежде не использованное в подобном контексте название. Соответственно, термин «пропаганда», который в той или иной мере у большей части общества уже длительное время ассоциировался с практиками манипулирования общественным мнением, не подходил, несмотря на то что исторически он не всегда был негативно окрашен.

¹⁸² Brown J. Op. cit.

На сегодняшний день не существует единственного общепринятого определения пропаганды. Словом «пропаганда» обозначалась созданная в 1622 г. в Риме конгрегация кардиналов, получившая название «Конгрегация пропаганды веры» (итал. *Sacra Congregatio de Propaganda Fide*), в задачи которой входило распространение и контроль иностранных миссий, подготовка миссионеров, обеспечение миссий духовной литературой. Это была реакция Ватикана на вызывавшие беспокойство тенденции распространения протестантизма в колониях благодаря влиянию Великобритании и Голландии. Таким образом, изначально под пропагандой подразумевалось распространение религиозной догмы. Впоследствии понимание пропаганды расширилось до любой схемы или организации, нацеленной на распространение той или иной доктрины¹⁸³. В период с XVII до XX вв. данный термин не был особенно распространен.

В Первую мировую войну с осознанием того, что общественное мнение стало одним из решающих факторов при формулировании государственной политики, пропаганда стала восприниматься как реальное орудие в арсенале национальных государств. В результате того, что применение этого орудия доходило до крайностей и после войны общественность оказалась способна обнаружить, что ее мнением целенаправленно манипулировали, пропаганда впервые стала вызывать те негативные ассоциации, которые привычны в наше время. Тот факт, что первым министерством, учрежденным после прихода к власти в Германии А. Гитлера, стало Министерство пропаганды, возглавленное Й. Геббельсом, и активное использование данного инструмента во время Второй мировой войны также внесли вклад в оформление негативной коннотации, которая фактически закрепились в общественном мнении начиная со второй половины XX в.

Ряд западных ученых, специалистов по социальным наукам однако пытались в XX в. сформулировать более объективный подход к пропаганде. Американский политолог Гарольд Ласуэлл, в частности, полагал пропаганду

¹⁸³ Бернейс Э. Пропаганда. М.: Hippo Publishing, 2010. 176 с.

«молотом и наковальней», выковывающей общественную солидарность¹⁸⁴. У. Липпман, в свою очередь, полагал, что в условиях атомизации современного общества пропаганда необходима в качестве средства общественного контроля для достижения согласия внутри общества¹⁸⁵.

Британский историк Дэвид Уэлш, специализирующийся на изучении пропаганды XX в., считает, что в современном дискурсе существуют два основных заблуждения относительно пропаганды. Первое заключается в том, что пропаганда направлена исключительно на радикальное изменение взглядов, тогда как она может быть и зачастую направлена на придание конкретики и фокуса уже имеющимся убеждениям. Второе заблуждение заключается в уверенности в том, что пропаганда обязательно подразумевает ложь и обман¹⁸⁶. По определению Уэлша, пропаганда – это намеренная попытка повлиять на общественное мнение путем трансляции идей и ценностей для достижения конкретной цели, которая служит прямо или косвенно интересам пропагандиста¹⁸⁷.

На сегодняшний день в научном сообществе отсутствует единство мнений по вопросу соотношения понятий «публичная дипломатия» и «пропаганда». По мнению Н. Калла, это напрямую зависит от точки зрения на пропаганду. При наличии «моральных предубеждений» по отношению к пропаганде, то есть при негативной трактовке данного понятия, различие между ней и публичной дипломатией очевидно и не подлежат обсуждению, так как последняя не имеет негативной коннотации. Однако при нейтральном подходе к пониманию пропаганды можно заметить множество точек соприкосновения¹⁸⁸. Можно выделить три основных подхода в экспертном сообществе по данному вопросу.

Первый подход более консервативный и ориентируется на изначальное нейтральное понимание пропаганды, по сути, ставит знак равенства между двумя

¹⁸⁴ Lasswell H. Propaganda Technique in the World War. New York: Knopf, 1927.

¹⁸⁵ Lippmann W. The Phantom Public. Macmillan: London, 1953.

¹⁸⁶ Cull N.J., Culbert D.H., Welch D. Propaganda and mass persuasion: A historical encyclopedia, 1500 to the present. Santa Barbara, Calif: ABC-CLIO, 2003. 504 p.

¹⁸⁷ Welch D. The Third Reich: Politics and Propaganda. New York: Routledge, 2002.

¹⁸⁸ Cull N. Public Diplomacy: Taxonomies and Histories. P. 31-54.

понятиями. В некоторых работах Н. Калла¹⁸⁹, А. А. Великой¹⁹⁰, а также американского профессора Дэвида Гута¹⁹¹ встречается упоминание публичной дипломатии и пропаганды в качестве синонимов, в частности, при описании соответствующей политики Соединенных Штатов, особенно в годы холодной войны, или отличия американского понимания публичной дипломатии от российского. При этом Д. Гут проводит разделение на стратегический и тактический подходы. Первый терминологически отражается в публичной дипломатии (или «белой пропаганде», т.е. корректно понимаемой и правдивой¹⁹²) и свойственен специалистам по связям с общественностью, а второй, по мнению Гута, в большей степени предпочитают военные и его можно назвать «черной пропагандой» (т.е. той, которая включает в себя сфабрикованные факты, ложь и т.п.¹⁹³).

Некоторые ученые в своих трудах демонстрируют промежуточный подход, включая пропаганду в публичную дипломатию в той или иной форме. Например, профессор СПбГУ Н. А. Цветкова включает пропаганду в набор методов публичной дипломатии¹⁹⁴. Похожих взглядов придерживается и Т. В. Зонова, которая, анализируя публичную дипломатию ЕС, одним из ее элементов называет «дипломатию СМИ», включающую в себя также понятие пропаганды¹⁹⁵. Она также называет публичную дипломатию синтезом ценностей, пропаганды и технологий маркетинга¹⁹⁶.

¹⁸⁹ Cull N. *The Cold War and the United States Information Agency: American Propaganda and Public Diplomacy, 1945–1989*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

¹⁹⁰ Великая А.А. Публичная дипломатия США в трансформирующемся мировом порядке. С. 169-187.

¹⁹¹ Guth D.W. *Black, White, and Shades of Gray: The Sixty Year Debate Over Propaganda versus Public Diplomacy*. P. 309-325.

¹⁹² Jowett G.S., O'Donnell V. *Propaganda and Persuasion*. 4th ed. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2006.

¹⁹³ Ibid.

¹⁹⁴ Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США: Теории и концепции. С. 186-189.

¹⁹⁵ Зонова Т.В. Публичная дипломатия в рамках европейского интеграционного процесса // *Европа: 60 лет после Римских договоров*. Ч. I / Отв. редакторы Е.А. Маслова, О.Ю. Потемкина. М.: Ин-т Европы РАН, 2017. 118 с.

¹⁹⁶ Зонова Т.В. Дипломатия будущего [Электронный ресурс] // РСМД. 2012. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/diplomatiya-budushchego/> (дата обращения: 01.01.2022).

Сторонники третьего, превалирующего в современном экспертном сообществе, подхода придерживаются отличных взглядов, отказываясь смешивать понятия пропаганды и публичной дипломатии. Кейтлин Шиндлер, автор монографии по истории публичной дипломатии США и профессор Университета мировой политики в Вашингтоне, полагает, что у публичной дипломатии больше общего с классической дипломатией, чем с пропагандой¹⁹⁷, потому что, как и классическая дипломатия, она подразумевает изучение настроений в другом государстве и попытки представить свое государство наилучшим образом, а также объяснить его политику за рубежом.

Американский эксперт по публичной дипломатии, профессор Ронда Захарна, также проводит жесткую границу между пропагандой и публичной дипломатией. По ее мнению, основное различие заключается в том, что пропаганда стремится к обману и принуждению, по своей природе она скрытно манипулирует аудиторией, тогда как публичная дипломатия по своей сути транспарентна и нацелена на то, чтобы улучшить понимание аудиторией ситуации, оставляя за ней однако свободу выбора¹⁹⁸.

В рамках этого исследования было решено придерживаться подхода, предусматривающего разделение понятий «публичная дипломатия» и «пропаганда». Во-первых, несмотря на содержательную близость пропаганда, как и связи с общественностью, не подразумевает ограниченность целевой аудитории, тогда как публичная дипломатия нацелена только на зарубежное общественное мнение. Во-вторых, максимальное дистанцирование публичной дипломатии от пропаганды – это одна из отличительных черт процесса концептуализации и становления соответствующей политической технологии в США.

На первоначальной стадии концептуализации понятия американское экспертное сообщество и в первую очередь Э. Галлион руководствовались в том числе объективными внешнеполитическими факторами – холодной войной между

¹⁹⁷ Schindler C.E. The Origins of Public Diplomacy in US Statecraft Uncovering a Forgotten Tradition. London, 2018. 336 p.

¹⁹⁸ Zaharna R.S. Op. cit.

США и СССР. Термин «пропаганда» без негативной окраски¹⁹⁹ широко использовался в Советском Союзе именно в значении одной из ключевых политических (как на внутреннем, так и на внешнем уровне) практик. Сохранялось нейтральное понимание соответствующего понятия в качестве средства распространения некой (в данном случае – коммунистической) доктрины. В советской науке отчетливо прослеживалось в этом вопросе наследие Г. В. Плеханова, который отмечал значимость систематической пропаганды социалистических и марксистских идей²⁰⁰. В частности, по мнению советского философа В. М. Соковнина, пропаганда является лишь одной из форм общения, нацеленной на распространение идеологических взглядов²⁰¹. Существование Отдела пропаганды и агитации при ЦК КПСС в СССР хорошо иллюстрирует описанный подход к восприятию соответствующего понятия в указанный период.

По этой причине для американской политической мысли имело больший смысл объединить набор инструментов и методов, из которых складывалась политтехнология, в концепцию с новым названием, чем назвать ее «пропагандой», предварительно проведя работу по нивелированию негативной коннотации, которую вызывал соответствующий термин. Так как в последнем случае в публичной дискурсе было бы сложнее проводить формальное разделение между нейтрально окрашенной «своей» пропагандой и отрицательно окрашенной «чужой» пропагандой. Тогда как ситуация, сложившаяся в итоге, позволила американскому политическому руководству максимально дистанцироваться от всех негативных ассоциаций, вызываемых понятием «пропаганда», и использовать получившуюся возможность как один из множества поводов для критики своего главного геополитического оппонента в холодной войне. Эта особенность процесса концептуализации публичной дипломатии в США прекрасно подчеркивает ее технологическую сущность: поскольку процесс

¹⁹⁹ Гуревич П.С. Пропаганда в идеологической борьбе. С. 102.

²⁰⁰ Плеханов Г.В. Сочинения. 3-е изд. М.: Государственное издательство, 1925-1927. Т. 3: [На русские темы. 1888–1892]. С. 411.

²⁰¹ Соковнин В. Человеческое общение и идеология // Идеология и психология. Фрунзе. 1968. С. 97.

развития технологического знания в отличие от знания научно-теоретического руководствуется всегда конкретной ситуацией и конкретной задачей в политическом пространстве, а не абстрактным стремлением к выведению универсальных и логических, но не всегда тесно связанных с реальностью постулатов.

Наконец, для концептуализации невоенных методов проецирования влияния в США во второй половине XX в. имел значение и тот факт, что термин «публичная дипломатия» позволял семантически продемонстрировать повышение значимости этой деятельности, что было обусловлено сложившейся политической ситуацией. Профессиональная идентичность государственных служащих, задействованных в соответствующих инициативах, обретала таким образом больший престиж²⁰², так как ее название создавало эффект «родства» с классической дипломатией.

Таким образом, концептуализация понятия «публичная дипломатия» изначально была простимулирована факторами прикладной политической сферы, что обусловило тесную взаимосвязь дальнейшего развития соответствующей политической технологии с тенденциями мировой политики. Для американской политической мысли характерно доминирование дескриптивного подхода к исследованию над нормативным²⁰³. Соответствующую особенность подробно описал выдающийся ученый-американист Эдуард Яковлевич Баталов: «Одна из специфических черт американской политической мысли заключается в том, что ее творцы в большинстве своем никогда не жили в башне из слоновой кости и были тесно связаны с политической практикой. <...> Они были ориентированы на практику. Они видели свою задачу не в том, чтобы открыть «вечные», абстрактные законы политического бытия, а в том, чтобы дать обоснование тем или иным практическим целям»²⁰⁴. Это подтверждает и тот факт, что многие

²⁰² Cull N. 'Public Diplomacy' Before Gullion: The Evolution of a Phrase.

²⁰³ Алексеева Т.А. Современная политическая мысль (XX–XXI вв.): Политическая теория и международные отношения. Москва, Аспект-Пресс, 2018. 623 с.

²⁰⁴ Баталов Э.Я. Американская политическая мысль XX век. Москва, Прогресс-Традиция, 2014. 625 с.

ключевые американские политические мыслители были не теоретиками, а прежде всего

практиками²⁰⁵: Т. Джефферсон, А. Гамильтон, В. Вильсон, Г. Киссинджер, З. Бжезинский. То же верно и в отношении ключевых для исследования публичной дипломатии фигур. Таким образом, можно говорить о том, что американская политическая мысль обладала «природной» склонностью к формированию политических технологий (рисунок 2).

Рисунок 2 – Концепция публичной дипломатии в контексте становления технологии.

Источник: составлено автором.

Неслучайно именно американские дипломаты, то есть политические практики, внесли большой вклад в концептуализацию публичной дипломатии и оформление ее первоначальной теоретической основы и понятийного аппарата. Ханс Тач – американский дипломат (первый культурный атташе в американском посольстве в Москве после Второй мировой войны в 1958–1961 гг.) и помощник директора Информационного агентства США по советскому и восточноевропейскому направлениям в 1961–1965 гг., которого называют одним из «отцов-основателей» современной американской публичной дипломатии, определяет ее как «процесс установления правительством контакта с иностранной

²⁰⁵ Там же.

общественностью с целью добиться понимания идей и идеалов, институтов и культуры, национальных целей и политики его государства»²⁰⁶.

Еще один американский дипломат, специалист по СССР, помощник заместителя директора Информационного агентства США в 1980–1984 гг., Г. Малоун определил публичную дипломатию как «прямую коммуникацию с народами зарубежных стран с целью повлиять на их мышление и в конечном счете повлиять на их правительства»²⁰⁷. Данное целеполагание, несмотря на разногласия в вопросах формулировок и подходов, как правило, разделяет большинство экспертов в сфере публичной дипломатии²⁰⁸.

1.3 Современный этап концептуализации

Изначально более прикладной характер концепции «публичной дипломатии» и ее технологическая природа парадоксально стали тем фактором, который привел к значительному прорыву в ее научно-теоретическом осмыслении в конце XX – начале XXI вв. Ответом на тенденции трансформации миропорядка с окончанием биполярной эпохи и нарастанием глобализации стала полноценная интернационализация концепции «публичной дипломатии».

Если до 1990-х гг. соответствующей тематикой занимались преимущественно американские эксперты, то с 1990-х гг. объектом своего изучения ее все чаще стали выбирать представители экспертных сообществ все большего числа стран²⁰⁹. Восприятие публичной дипломатии вне технологического измерения, то есть не ограниченное спецификой американской школы политической мысли и приложением к внешнеполитическому курсу руководства США, позволило обогащать соответствующую теоретическую базу

²⁰⁶ Tuch H.N. Op. cit.

²⁰⁷ Malone G.D. Managing public diplomacy // Washington Quarterly. 1985. Vol. 8 (3). P. 199-213.

²⁰⁸ Signitzer B.H., Coombs T. Public relations and public diplomacy: Conceptual convergences. P. 137-147.

²⁰⁹ Public Diplomacy. Third Report of Session 2005-2006. House of Commons Foreign Affairs Committee [Электронный ресурс] // the House of Commons London: The Stationery Office Limited. 2006. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm200506/cmselect/cmfaaff/903/903.pdf> (дата обращения: 01.01.2022); Lequesne Ch. La diplomatie publique: un objet nouveau? // Mondes. 2003. № 11. P. 9-12.

разнообразными точками зрения, как за счет отношения экспертов к разным школам мысли, так и за счет применения междисциплинарного подхода и заимствования ряда элементов из других отраслей исследования.

Эти тенденции выразились в появлении новой, более широкой и теоретической концепции. Среди факторов, оказавших наибольшее влияние на возникновение концепции «новой публичной дипломатии», называют трансформацию миропорядка после окончания холодной войны²¹⁰, террористическую атаку 11 сентября 2001 г.²¹¹, расцвет глобализации²¹² и технологическую революцию²¹³ на рубеже XX–XXI вв. Отличительной чертой является расширение терминологии в связи с обогащением области исследований за счет заимствования концептуальных элементов из отраслей маркетинга, коммуникаций и коммерции, что нашло отражение в появлении таких понятий, как «национальный брендинг»²¹⁴, «конкурентная идентичность»²¹⁵ и т.п.

Помимо этого, концепция «новой публичной дипломатии» уделяет повышенное внимание влиянию новейших технологических достижений на соответствующие процессы и, соответственно, расширению классического инструментария публичной дипломатии благодаря использованию цифровых технологий, интернета, социальных сетей.

²¹⁰ См. например, Tomescu-Hatto O. Op. cit.

²¹¹ См. например, Melissen J. The new public diplomacy: soft power in international relations. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005. 240 p.; Долинский А.В. Дискурс о публичной дипломатии. С. 220-249.

²¹² См. например, Ham van P. The Rise of the Brand State: The Postmodern Politics of Image and Reputation // Foreign Affairs. 2001. Vol. 80 (5). P. 2-6.

²¹³ См. например, Cull N. Public Diplomacy: Lessons from the Past. Los Angeles, CA, 2009; Марчуков А.Н. Указ. соч. С. 104-113; Gilboa E. Searching for a Theory of Public Diplomacy. P. 55-77.

²¹⁴ Ham van P. Op. cit. P. 2-6.

²¹⁵ Anholt S. Competitive Identity: A new model for the brand management of nations, cities and regions // Policy and Practice: A Development Education Review. 2007. Vol. 4. P. 3-13.

На эту тему написано достаточно работ, посвященных феноменам «цифровой дипломатии»²¹⁶, «ТвиПломаси»²¹⁷, «публичной дипломатии Web 2.0»²¹⁸, «публичной дипломатии 2.0»²¹⁹ и пр.

Наконец, с точки зрения теоретического переосмысления публичной дипломатии, ее роли в мировой политике, природы мировой политики и мироустройства в целом с учетом трансформаций окружающей среды выделяют такие значимые факторы, как смена ориентации с публичной дипломатии ради достижения политических целей на публичную дипломатию ради установления взаимоотношений между народами; расширение круга акторов за пределы государств и растущую роль неправительственных акторов; переход от монолога к диалогу, от трансляции к обмену мнениями.

Наиболее фундаментальным исследованием «новой публичной дипломатии» принято считать работу профессора Университета Антверпена Яна Мелиссена²²⁰. Его основная идея заключается в превращении публичной дипломатии в неотъемлемый элемент мейнстримной дипломатической деятельности, что трансформирует публичную дипломатию на уровне мировосприятия экспертов.

²¹⁶ См. например, Цветкова Н.А. Публичная дипломатия как инструмент идеологической и политической экспансии США в мире, 1914-2014 гг.: диссертация ... доктора исторических наук. СПб., 2015, 552 с.; Зиновьева Е.С. Россия во Всемирной паутине: цифровая дипломатия и новые возможности в науке и образовании [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам (РСМД). 2012. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-vo-vsemirnoy-pautine-tsifrovaya-diplomatiya-i-novye-/?sphrase_id=92698165 (дата обращения: 01.01.2022).

²¹⁷ См. например, Зонина Т.В. Новое в дипломатии: от «ТвиПломаси» к «ТехПломаси» [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novoe-v-diplomatii-ot-tviplomasi-k-tekhplomasi/>; Зонина Т.В. Публичная дипломатия и ее акторы. НПО инструмент доверия или агент влияния?

²¹⁸ См. например, O'Reilly T., Battelle J. Web squared: Web 2.0 five years on. «O'Reilly Media, Inc.», 2009; Цветкова Н.А. Программы Web 2.0 в публичной дипломатии США // США и Канада: экономика, политика, идеология. 2011. № 3. С. 109-122.

²¹⁹ Марчуков А.Н. Указ. соч. С. 104-113.

²²⁰ Melissen J. The new public diplomacy: soft power in international relations. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005. 240 p.

Характерно, что в своих исследованиях Меллисен уходит от идеи монополии государственных институтов на осуществление реализации публичной дипломатии²²¹ – расширение круга участников процесса является одной из отличительных черт концептуального поворота. Традиционный технологический дискурс относительно публичной дипломатии вырабатывался именно исходя из предположения, что одним из участников процесса (и его инициатором) является государство, а вторым участником (реципиентом) – иностранная общественность. Подобный подход характерен для работ Х. Тача²²², ведущего речь о «правительственной коммуникации», Г. Малоуна²²³, перечисляющего программы как государственного, так и частного сектора, но уточняющего, что во втором случае спонсором чаще всего выступает все равно государство, и многих других²²⁴.

С появлением на рубеже веков «новой публичной дипломатии» спектр мнений на этот счет значительно расширился, и в настоящее время множество экспертов полагает, что у государств нет монополии на публичную дипломатию и ее могут реализовывать, в частности международные организации и межгосударственные объединения. Единую публичную дипломатию Европейского Союза анализируют Т.В. Зонова²²⁵ и профессор Университета Деусто Стеффен Бэй Расмуссен²²⁶. В свою очередь, публичной дипломатии Североатлантического альянса посвящены работы сотрудников кафедры мировых политических процессов МГИМО Е. А. Антюховой²²⁷, Б. Х. Бахрушева и

²²¹ Melissen J. Op. cit.

²²² Tuch H.N. Op. cit.

²²³ Malone G.D. Managing public diplomacy. P. 199-213.

²²⁴ См. например, Cull N. Public diplomacy: Taxonomies and histories. P. 31-54; Simonin B. Nation Branding and Public Diplomacy: Challenges and Opportunities. P. 19; Leonard M., Small A., Rose M. British Public Diplomacy in the age of Schisms. 53 p; Potter E. Canada and the new public diplomacy // International Journal. 2002. Vol. 58 (1). P. 43-64.

²²⁵ Зонова Т.В. Публичная дипломатия Европейского союза в Публичная дипломатия: Теория и практика: научное издание. 272 с.

²²⁶ Rasmussen S.B. Discourse Analysis of EU Public Diplomacy Messages and Practices // Discussions Papers in Diplomacy. Den Haag: The Netherlands Institute for International Relations, "Clingendael, 2009.

²²⁷ Антюхова Е.А. Основные направления публичной дипломатии НАТО в эпоху глобализации. С. 21-27.

сотрудника ИМЭМО РАН Л. Р. Рустамовой²²⁸, а также профессора Парижского института политических наук Одетт Томеску-Хатто²²⁹. Также прослеживается влияние неолиберальной парадигмы международных отношений, в частности в работах профессора Калифорнийского государственного университета Нэнси Сноу.

Она продолжает ход мыслей Я. Меллисена и, в свою очередь, считает, что основное отличие «новой» публичной дипломатии от «традиционной» заключается в том, что она подразумевает оказание влияния на общественное мнение для реализации национальных интересов и внешнеполитических целей путем диалога с иностранной общественностью не только правительства, но и частных групп и лиц²³⁰. С ее точки зрения трансформации публичной дипломатии происходят на уровнях философии, стратегии и тактики, смещая акцент с односторонних дипломатических задач в информационной сфере на интерактивное взаимодействие обществ, строящееся на принципах обмена и взаимности.

О. Томеску-Хатто в своем анализе делает акцент на расширение концептуального понятийного аппарата и считает, что новую публичную дипломатию отличают три ключевых элемента: государственный бренд, конкурентная идентичность и национальный брендинг²³¹. Концепция государственного бренда принадлежит авторству немецкого исследователя Петера Ван Хама²³².

Под ней он подразумевает совокупность представлений «внешнего мира» о конкретной стране, определенный ассоциативный ряд, формулирующий базовый образ. В качестве примера П. Ван Хам приводит Ирландию, которая у всех

²²⁸ Бахриев Б., Рустамова Л.Р. «Мягкая сила» военной организации: публичная дипломатия НАТО в Центральной Азии // Вестник Томского Государственного Университета. 2020. № 458. С. 90-100.

²²⁹ Tomescu-Hatto O. Self-Presentation and Impression Management: NATO's New Public Diplomacy // Mayer S. NATO's Post-Cold War Politics. New Security Challenges Series. Palgrave Macmillan, London, 2014.

²³⁰ Snow N. Op. cit. P. 3-12.

²³¹ Tomescu-Hatto O. Op. cit.

²³² Ham van P. The Op. cit. P. 2-6.

ассоциируется с «зеленым островом, заполненным рыжими веснушчатыми детьми». Потребность современных государств в собственном бренде П. Ван Хам увязывает с глобализацией, тенденциями общества потребления, трансформацией международных отношений. В свою очередь, независимый британский политический консультант Саймон Анхольт ввел в оборот термины «конкурентная идентичность»²³³ и «национальный брендинг»²³⁴. Первый подразумевает синтез брендинга, публичной дипломатии с элементами торговли, инвестиционных процессов и развития экспорта. Для обретения конкурентной идентичности как раз используется национальный брендинг – технология продвижения внешнего имиджа государства. При этом, как отмечает Джессика Гиноу-Хехт, немецкий эксперт по национальному брендингу и культурной дипломатии, национальный брендинг подразумевает прямую связь между самоподачей и стремлением к влиянию: он не делает различий между «позитивной» культурной дипломатией и «негативной» пропагандой²³⁵.

Стоит отметить, что не все члены экспертного сообщества полагают, что на основании вышеперечисленного можно говорить об изменении фундаментальных теоретических основ публичной дипломатии, то есть, несмотря на интернационализацию концепции, не все исследователи готовы отказаться от ее сугубо технологической трактовки. Профессор Университета Ковентри Брайан Хокинг оппонирует Я. Мелиссену в коллективной монографии и считает, что новую публичную дипломатию (в значении использования общественности в реализации внешнеполитических целей) не стоит считать новой парадигмой международной политики, а лишь стратегией²³⁶. Это не отменяет того, что правительства адаптируют свои стратегии публичной дипломатии к изменениям, происходящим в сфере мировой политики. Профессор Университета Оттавы Эван

²³³ Anholt S. Competitive Identity: A new model for the brand management of nations, cities and regions. P. 3-13.

²³⁴ Anholt S. Places: Identity, Image and Reputation. London: Palgrave Macmillan, 2010.

²³⁵ Gienow-Hecht J. Nation Branding // Costigliola F., Hogan M. Explaining the History of American Foreign Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 232-244.

²³⁶ Hocking B. Rethinking the 'New' Public Diplomacy // Melissen J. The New Public Diplomacy. Studies in Diplomacy and International Relations. Palgrave Macmillan, London, 2005. P. 28-43.

Поттер, анализируя современную канадскую публичную дипломатию, выражает сомнение в целесообразности отнесения современных практик к категории «новых» со стратегической и концептуальной точек зрения²³⁷. Примерно в том же ключе рассуждает Н. Калл, утверждая, что понятие «новая публичная дипломатия» в целом соответствует определению традиционной публичной дипломатии, а эпитет «новая» следует относить к ключевым изменениям в арсенале применяемых техник. Признавая ряд нововведений в процессах реализации публичной дипломатии, понятийном аппарате и теоретической базе, он подчеркивает, что основная цель соответствующей деятельности – манипулирование международной средой – остается неизменной²³⁸, а значит, публичная дипломатия, на взгляд Н. Калла, остается все же политтехнологией.

На практике большинство исследователей публичной дипломатии²³⁹ продолжают использовать термин «публичная дипломатия» как универсальный, вне зависимости от того, придерживаются ли они более технологического или теоретического взгляда, о каком временном периоде идет речь, какие инструменты задействованы в ее реализации. Также большинство все-таки исходит из того, что публичная дипломатия априори нацелена на реализацию национальных интересов через выстраивание взаимоотношений с иностранной общественностью путем чередования монолога и диалога в рамках оказания влияния на общественное мнение.

Внутри американского экспертного сообщества в отношении теоретического осмысления публичной дипломатии с началом трансформации миропорядка после конца биполярной эпохи также произошли изменения. С окончанием холодной войны США вновь оказываются перед необходимостью

²³⁷ Potter E. Canada and the new public diplomacy. P. 43-64.

²³⁸ Cull N. Public Diplomacy: Lessons from the Past. Los Angeles, CA, 2009.

²³⁹ См. например, Zaharna R.S. The Soft Power Differential: Network Communication and Mass Communication in Public Diplomacy. P. 213-228; Cull N.J. The Tightrope to Tomorrow: Reputational Security, Collective Vision and the Future of Public Diplomacy // The Hague Journal of Diplomacy. 2019. Vol. 14 (1-2). P. 21-35; Подберезкин А.И., Жуков А.В. Публичная дипломатия в силовом противостоянии цивилизаций // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 6 (45). С. 106-116; Лебедева М.М. Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов // Международные процессы. 2015. Т. 13, № 4 (43). С. 45-56. и др.

переосмысления своей роли на международной арене и выработки новых инструментов укрепления и расширения своего лидерства в идеальных условиях нового передела сфер влияния. Идеи «конца истории»²⁴⁰, однополярного мироустройства на основе американского доминирования²⁴¹ нашли свое отражение, в том числе в концепции «мягкой силы» профессора Гарвардского университета Джозефа Ная, которая одновременно воплощала в себе позитивный тренд для развития теоретического измерения публичной дипломатии и негативный тренд для технологического.

Термин «мягкая сила» был впервые предложен Джозефом Наем в 1990 году в книге «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской власти»²⁴², а затем и в статье в журнале *Foreign Policy*²⁴³. Позднее он развил эту концепцию в книге «Мягкая сила. Средства достижения успеха в мировой политике»²⁴⁴ и множестве других публикаций. Дж. Най определяет «мягкую силу» как способность государства, не прибегая к принуждению и давлению, построить ситуацию таким образом, чтобы другие страны формулировали свои предпочтения или определяли свои интересы в соответствии с интересами этого государства, используя убеждение и привлечение иностранной общественности на свою сторону. Он также определяет «мягкую силу» как способность влиять на предпочтения других, способность привлекать/быть привлекательным.

Согласно его концепции, государство может достигать желаемого в мировой политике за счет того, что другие страны восхищаются его ценностями, хотят следовать его примеру. Таким образом, для Дж. Ная «мягкая сила» – это ключевой элемент лидерства, позволяющий благодаря привлекательности в том числе формулировать глобальную повестку дня²⁴⁵.

²⁴⁰ Fukuyama F. The End of History? P. 3-18.

²⁴¹ Ikenberry G.J. Institutions, Strategic Restraint, and the Persistence of American Postwar Order. P. 43-78.

²⁴² Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York, Basic Books, 1990. 336 p.

²⁴³ Nye J. Soft Power // *Foreign Policy*. 1990. № 80. P. 153-171.

²⁴⁴ Ibid.

²⁴⁵ Nye J.S. The benefit of soft power [Электронный ресурс] // HBS Working Knowledge. 2017. URL: <http://hbswk.hbs.edu/archive/4290.html> (дата обращения: 10.04.2018).

В научном сообществе неоднократно отмечалось, что как в России²⁴⁶, так и за рубежом²⁴⁷ понятие публичной дипломатии нередко подменяется «мягкой силой». Однако связь между двумя терминами носит более сложный характер и напрямую зависит от того, что вкладывает ученый в соответствующее понятие. Российские исследователи И. Л. Прохоренко и Е. М. Харитонова отмечают, что, с одной стороны, под «мягкой силой» может пониматься государственная политика, позволяющая достичь неких ощутимых результатов, а с другой – «мягкую силу» также можно воспринимать в качестве «долгосрочной стратегической рамки»²⁴⁸. В первом случае «мягкая сила» действительно концептуально пересекается с публичной дипломатией-политтехнологией, а иногда одно понятие используется как синоним другого. Об этом же дуализме пишет и П. Б. Паршин, выделяя понимание «мягкой силы» как технологии и как ресурса²⁴⁹.

В целом, подобно публичной дипломатии концепция «мягкой силы», оказавшись за пределами первоначальных теоретических изысканий (первых работ ее автора), расширилась и обогатилась за счет вклада других ученых²⁵⁰, каждый из которых, переосмысляя ее с собственного ракурса, вносил определенные дополнения и находил новые способы трактовки. Этим объясняется отсутствие единой позиции в экспертном сообществе по вопросу того, какова природа взаимосвязи между «мягкой силой» и публичной дипломатией.

Сам Дж. Най тоже не один раз дополнял свою концепцию после публикации первой работы на эту тему в 1990 г.²⁵¹ Если изначально публичная дипломатия не была представлена в фокусе его исследования, то уже в 2004 г. с выходом книги

²⁴⁶ Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США: Теории и концепции. С. 186-189.

²⁴⁷ Gilboa E. Searching for a Theory of Public Diplomacy. P. 55-77.

²⁴⁸ Харитонова Е.М. Прохоренко И.Л. Указ. соч. С. 39-49.

²⁴⁹ Паршин П.Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия. С. 14-21.

²⁵⁰ Харкевич М.В. «Мягкая сила»: политическое использование научной концепции. С. 22-29; Паршин П.Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия. С. 14-21.

²⁵¹ Nye J. Soft Power. P. 153-171.

«Мягкая сила. Средства достижения успеха в мировой политике»²⁵² Дж. Най изложил свое видение места публичной дипломатии в его концепции: это инструмент, который правительство использует для мобилизации ресурсов «мягкой силы», чтобы устанавливать связь с иностранной общественностью, чтобы привлекать ее²⁵³. Таким образом, можно говорить о том, что Дж. Най, формулируя концепцию «мягкой силы», придерживался классического технологического понимания публичной дипломатии, так как обозначил ее в качестве средства достижения целей, используемого в рамках предложенной им концепции, которая, таким образом, по всей видимости, в его видении политтехнологией не являлась, а относилась в большей степени к области научно-теоретического знания.

Эту иерархию в том или ином виде воспроизводят большинство современных исследователей, хотя осмысление представителями как отечественного, так и международного научного сообщества концепции «мягкой силы» и природы ее связи с концепцией публичной дипломатии может значительно варьироваться.

Одни при этом четко разграничивают два понятия, допуская их существование вне зависимости друг от друга, как например, российский исследователь Павел Паршин, который пишет, что публичная дипломатия – это один из видов деятельности, а «мягкая сила» — это ресурс, для целей обретения которого соответствующий вид деятельности может использоваться²⁵⁴. С ним согласен Н. Калл, утверждающий, что одно не равно другому, так как публичная дипломатия является механизмом для задействования «мягкой силы». У государства может быть публичная дипломатия и не быть «мягкой силы» (как у Северной Кореи), а может быть «мягкая сила» и не быть публичной дипломатии (как у Ирландии)²⁵⁵. Н. А. Цветкова придерживается несколько иной точки

²⁵² Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. P. 191.

²⁵³ Nye J. *Public Diplomacy and Soft Power*. P. 94-109.

²⁵⁴ Паршин П.Б. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России: Аналитический доклад. 40 с.

²⁵⁵ Cull N. *Public Diplomacy: Lessons from the Past*. Los Angeles, CA, 2009.

зрения: на ее взгляд, если «мягкая сила» может существовать вне публичной дипломатии, то публичная дипломатия или по крайней мере эффективная публичная дипломатия государства невозможна, если оно не обладает «мягкой силой»²⁵⁶.

Ряд исследователей, напротив, склонны считать, что на сегодняшний день публичная дипломатия и «мягкая сила» связаны неразрывно. Т. В. Зонова называет публичную дипломатию «неотъемлемым элементом» мягкой силы²⁵⁷. Тесную связь одного с другим отмечает и А. В. Долинский, говоря о том, что «мягкая сила» государства, по сути, подобна хорошей репутации, а публичная дипломатия как раз направлена на формирование положительной репутации государства²⁵⁸. В похожем ключе рассуждает и П. Ван Хам, который, анализируя борьбу Соединенных Штатов с терроризмом, называет публичную дипломатию основным инструментом и орудием американской мягкой силы²⁵⁹.

Однако несмотря на все теоретическое многообразие подходов к изучению «мягкой силы», в рамках данного исследования как термин и как концепция она рассматривается вторичной по отношению к публичной дипломатии, а ключевое имеет содержание, заложенное в концепцию на первоначальном этапе Дж. Наем, и обстоятельства ее появления, так как именно эти детали наиболее важны для понимания тенденций развития концепции публичной дипломатии.

Идея Дж. Наем отражала распространенную в тот период среди политических практиков и близкой к ним части американского экспертного сообщества уверенность в том, что победа в холодной войне означала в том числе победу идей и мировоззрений, предлагаемых США глобальной общественности²⁶⁰. Это в

²⁵⁶ Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США: Теории и концепции. С. 186-189.

²⁵⁷ Зонова Т.В. Публичная дипломатия и ее акторы. НПО инструмент доверия или агент влияния?

²⁵⁸ Долинский А.В. Указ. соч.

²⁵⁹ Ham P. War, Lies, and Videotape: Public Diplomacy and the USA's War on Terrorism. Security Dialogue // Secur Dialogue. 2003. Vol. 34. P. 427-444.

²⁶⁰ Nye J. Think again: soft power [Электронный ресурс] // Foreign policy. 2006. URL: <http://foreignpolicy.com/2006/02/23/think-again-soft-power> (дата обращения: 10.04.2018).; Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщенность Запада: идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940-2000-е гг. М.: Крафт+, 2007. 464 с.

рамках концепции Дж. Ная было прямым доказательством обладания США «мягкой силой» – одним из ключевых элементов лидерства. Немаловажен и тот факт, что в какой-то степени артикулируемый Дж. Наем дискурс лишней раз подчеркивал восторжествовавшее в тот период мнение об ошибочности доминировавших в 1970-е гг. – начале 1980-х гг. в американском академическом и гражданском обществе опасений относительно упадка и «заката» США как сверхдержавы²⁶¹. По сути, в рамках концепции «мягкой силы» в ее первоначальной форме побеждает, процветает и становится глобальным лидером то государство, которым восхищаются и которому хотят подражать другие страны. При этом не дается четкого ответа на вопрос о том, предпринимает ли упомянутое государство некие конкретные шаги, задействует ли специальные политтехнологии для достижения подобного результата. Если в классической концепции публичной дипломатии (до концептуального поворота) была однозначна ее технологическая направленность: фокус на конкретных логических цепочках «цель-средства-методы», то «мягкая сила» переводила внимание на абстрактные понятия «привлекательности», «неощутимого ресурса» и т.п. и имела гораздо больше общего с теоретической категорией знания, которое, по меткому выражению А. И. Соловьева, «опосредует свои отношения с реальностью некими идеальными конструкциями, не исключая разнообразных трактовок реальных явлений»²⁶².

Попытка заместить в экспертном и политическом дискурсе публичную дипломатию «мягкой силой» в момент краха биполярности показательна даже с семантической точки зрения: «дипломатия» подразумевает активное действие – ее необходимо осуществлять, тогда как «сила» (от англ. *power*, что вариативно можно перевести еще и как «могущество») подразумевает пассивное действие – ей можно обладать или не обладать.

²⁶¹ Харкевич М.В. «Мягкая сила»: политическое использование научной концепции. С. 22-29.

²⁶² Политология: политическая теория. Политические технологии: учебник для студентов высших учебных заведений / А.И. Соловьев. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Аспект Пресс, 2010. 574 с.

Таким образом, концепция «мягкой силы» Дж. Ная и международная концепция «новой публичной» дипломатии по сути воплощали собой разные проявления одного и того же процесса: попытки формализовать в экспертном, а затем и в академическом дискурсе, окончание периода доминирования технологического подхода в рассмотрении вопросов влияния на иностранное общественное мнение, перевод дискуссии и дальнейшего концептуального развития из практически-политической в научно-теоретическую плоскость. Это было отражением того сдвига в восприятии публичной дипломатии внутри США (особенно среди политического руководства страны), который вызвали трансформация миропорядка – окончание биполярной эпохи – и ее первоначальная интерпретация в качестве перехода к однополярному миру. Именно этот эпизод концептуальной эволюции публичной дипломатии существенно повлиял на судьбу соответствующей технологии внешней политики США в постбиполярном мире.

1.4 Выводы по главе 1

В эволюции концепции публичной дипломатии, понимая под «концепцией» определенный способ трактовки, понимания какого-либо предмета или явления, основную точку зрения на них, руководящую идею для их систематического освещения²⁶³, можно выделить два основных этапа: технологический американоцентричный и теоретический международный.

На первом этапе, который приходился на период с окончания Второй мировой войны по конец 1980-х гг. и во многом находился под влиянием политических тенденций биполярного миропорядка и холодной войны, происходила концептуализация публичной дипломатии в американском экспертном сообществе и политических кругах как политической технологии, применяемой во внешней политике США. Это происходило параллельно со становлением самой политической технологии в практически-политическом измерении. По мере того, как происходило обобщение и оптимизация техник и

²⁶³ Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М.: Советская энциклопедия. 1983. 840 с.

методов невоенного влияния в международных отношениях с целью их эффективной инкорпорации в процесс реализации целей и задач внешней политики государства, формировалось теоретическое понимание целостности этого объекта, одним из главных аспектов чего была выработка термина для обозначения нового явления – политтехнологии.

Процесс концептуализации также находился под значительным влиянием политических тенденций соответствующего периода в США. Введение термина «публичная дипломатия», например, служило не только средством придания политтехнологии необходимой степени формализации за счет оформления понятийного аппарата, но и средством вытеснения в рамках означенного процесса из дискурса, касающегося данных практик правительства США, термина «пропаганда» во избежание негативных ассоциаций и органичного встраивания в нарратив идеологического противостояния холодной войны.

Однако на втором этапе концептуализации, начиная с 1990-х гг., публичная дипломатия попала в фокус исследования не только американских экспертов и не только в контексте американской внешней политики. В связи с масштабными изменениями, происходившими в глобальных политических процессах и соответственно внешнеполитическом видении руководства США, связанными с трансформацией миропорядка, публичная дипломатия как политтехнология в практически-политическом измерении не могла избежать переосмысления. В результате, благодаря постоянно растущему вкладу представителей различных школ мысли и государств, появилась гораздо более широкая и теоретическая концепция «новой публичной дипломатии». Она расширяла понятийный аппарат («мягкая сила», национальный брендинг и др.), допускала широкую вариативность толкования своего содержания в зависимости от исследовательского подхода и нивелировала технологический компонент, в частности, отказываясь ограничивать круг инициаторов публичной дипломатии государственными акторами.

Таким образом, одним из неожиданных последствий трансформации миропорядка в конце XX в. стало «раздвоение» концепции публичной

дипломатии на *технологическую протоконцепцию* – продукт американоцентричного этапа, и *теоретическую концепцию* – продукт этапа глобального. Первая одновременно является фундаментом второй, первым этапом развития, но также и ее альтернативой, позволяющей сузить пределы восприятия публичной дипломатии до ее первоначального технологического понимания.

ГЛАВА II. ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ОСНОВА И ИНСТИТУТЫ АМЕРИКАНСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Формальные институты и нормативное закрепление – это те отличительные черты, которые свойственны политическим технологиям, поскольку отражают изначально заложенную в них нацеленность на оптимизацию действий и упрощение процессов достижения целей и задач. В конечном итоге любая политическая технология касается вопросов власти²⁶⁴. Однако конечная цель публичной дипломатии США никогда не была сформулирована, напротив, в официальных источниках (от учредительных документов Информационного агентства США до официальных веб-страниц Госдепартамента США²⁶⁵) всегда подчеркивается, что у публичной дипломатии есть *миссия*, которая заключается в том, чтобы оказывать содействие целям и задачам внешней политики США. Соответствующая формулировка отражает формальное соблюдение принципа наличия «гена самонастройки» в технологии: цели и задачи внешней политики США неизбежно трансформируются с течением времени, и технология, чье предназначение в содействие эти целям, должна адаптироваться к изменениям соответственно.

В случае с публичной дипломатией США организационный механизм во многом играет роль фундамента, призванного обеспечить последовательность и

²⁶⁴ Шабров О.Ф. Политические технологии. С. 328-330.

²⁶⁵ Malone G.D. Political Advocacy and Cultural Communication: Organizing the Nation's Public Diplomacy. Lanham, MD: University Press of America, 1988. 162 p.; Wang J. Telling the American story to the world: The purpose of U.S. public diplomacy in historical perspective // Public Relations Review. 2007. Vol. 33, Issue 1. P. 21-30; Foreign Relations of the United States, 1977–1980, Volume XXX, Public Diplomacy / ed. Ahlberg K. L. Washington: United States Government Publishing Office, 2016. Document 121. [Электронный ресурс] URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v30/d121> (дата обращения: 01.01.2022); National Security Decision Directive 77. NSDD-77 [Электронный ресурс] // titled Management of Public Diplomacy Relative to National Security. 1983. URL: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-077.htm> (дата обращения: 01.01.2022).; About Us – Under Secretary for Public Diplomacy and Public Affairs [Электронный ресурс] // U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/about-us-under-secretary-for-public-diplomacy-and-public-affairs/#:~:text=The%20mission%20of%20American%20public,and%20Government%20of%20the%20United> (дата обращения: 11.01.2020).

упорядоченность практики и ее инкорпорацию в политические процессы. Двумя основными составляющими организационного механизма публичной дипломатии США являются ее законодательная основа, которая формализует составные элементы политтехнологии; определяет источники финансирования; выделяет основные направления деятельности; регламентирует круг участников процесса; и институциональная структура, состоящая из ключевых государственных институтов, ответственных за осуществление планирования и реализации публичной дипломатии.

Изучение процесса формирования соответствующей нормативно-правовой базы в исторической перспективе в контексте взаимосвязи между принятием соответствующих законов и внешне- и внутривластных факторами важно для понимания того, какое место публичная дипломатия занимала и занимает в видении политического руководства США, насколько она инкорпорирована в систему правительственных институтов и процессы принятия решений. Той же цели послужит исследование количества ключевых для публичной дипломатии США институтов, природы их взаимоотношений и спектра полномочий.

2.1 Законодательная основа

Основополагающими нормативно-правовыми актами для американской публичной дипломатии являются: закон Фулбрайта 1946 г. (*Fulbright Act of 1946*), закон Смита-Мундта 1948 г. (*U.S. Information and Educational Exchange Act of 1948*) и закон Фулбрайта-Хейса 1961 г. (*Mutual Educational and Cultural Exchange Act of 1961*). В дальнейшем законодательство расширилось, однако именно перечисленные нормативные акты имели ключевое значение в процессе становления публичной дипломатии США как политтехнологии и в большинстве аспектов по сей день остаются основополагающими элементами ее законодательной основы.

Процесс оформления этой составляющей организационного механизма публичной дипломатии США, таким образом, начался в 1946 г. и завершился в 1961 г., за несколько лет до того, как Э. Галлион представил общественности

новый термин. Что весьма характерно для политтехнологий с точки зрения нелинейности процесса оформления: их становление может быть инициировано политической волей в контексте решения появившихся политических целей, может являться логическим обобщением и рационализацией апробированного практического опыта решения задач в соответствующей области, а может представлять собой результат комбинации обоих вариантов²⁶⁶.

Хронология указывает на прямую взаимосвязь между разработкой законодательной основы публичной дипломатии США и тенденциями, диктуемыми биполярным миропорядком: первый из основных законов принимается в год начала холодной войны, а последний – в год, считающийся одним из самых напряженных моментов холодной войны, на который приходился пик Берлинского кризиса и который предшествовал Карибскому кризису. В условиях начавшегося глобального противостояния сверхдержав, политическое руководство США понимало значимость политической технологии, позволяющей влиять на иностранное общественное мнение. Более того, каждый последующий законодательный акт отражал тенденцию укрепления позиций публичной дипломатии в качестве важного инструмента достижения целей в рамках внешнеполитического видения руководства США.

Закон Фулбрайта, принятый в 1946 г., учредил одну из самых известных на сегодняшний день обменных инициатив – программу Фулбрайта²⁶⁷, предусматривающую международные обмены студентами и учеными. Это также заложило основы законодательства в отношении прочих обменных программ под эгидой американского правительства, т.е. одного из наиболее известных инструментов американской публичной дипломатии. Данный закон наделял госсекретаря полномочиями «осуществлять широкую программу образовательных инициатив и обменов путем распределения грантов среди студентов, профессоров и специалистов по всему миру»²⁶⁸.

²⁶⁶ Политология: политическая теория. Политические технологии: учебник для студентов высших учебных заведений / А.И. Соловьев. М.: Аспект Пресс, 2010. 574 с.

²⁶⁷ По имени инициатора – сенатора от штата Арканзас Дж. У. Фулбрайта.

²⁶⁸ Ward I.A. The Fulbright Act // *Far Eastern Survey*. 1947. Vol. 16 (17). P. 198-200.

Интересно, что помимо непосредственно обменов закон предусматривал также такую деятельность, как перевод современной американской литературы на иностранные языки, перевод на английский язык иностранных научных трудов, финансирование за рубежом таких областей исследования, как антропология, литература, культура, и последующая публикация их результатов для распространения в США. Также примечательно, что, когда в законе речь идет об американских высших учебных заведениях, подразумеваются в том числе те из них, которые расположены за пределами США. Речь идет не только о тех заведениях, которые финансируются или учреждаются американскими гражданами или организациями, но и о причислении некоторых учреждений к данной категории по принципу того, дают ли они гражданам определенной страны возможность воспринять американскую культуру и изучать американские исследования²⁶⁹. Это был процесс формализации техник влияния на международное общественное мнение, рассчитанных на долгосрочную перспективу и с точки зрения достижения результата, и с точки зрения сохранения достигнутого эффекта. Трансляция за рубеж американской культуры через взаимодействие в сфере просвещения была продуктом эпохи мирного времени, наступившего после мировых войн. Именно в период мирного времени можно позволить себе развитие долгосрочных проектов по воздействию на иностранное общественное мнение. Соответствующие инициативы должны были одновременно помочь, прежде всего, европейским государствам, изжить наследие Второй мировой войны; создать противовес внешней культурной экспансии СССР, имевшего положительный опыт в данной сфере в довоенный период²⁷⁰, и пожинающего плоды от коллективных усилий союзников по формированию положительного имиджа друг друга на международном уровне в годы войны; а также содействовать наравне с планом Маршалла укреплению в массовом зарубежном сознании ориентации на американскую экономическую систему и социально-политическое устройство как образец для подражания.

²⁶⁹ Ward I.A. *Op. cit.*

²⁷⁰ Russia's Public Diplomacy: Evolution and Practice / Ed. by A. Velikaya, G. Simons. Palgrave Macmillan, New York, London, 2020. 285 p.

Закон также устанавливал принцип и источник финансирования. Согласно ему, бюджет программ обеспечивался за счет доходов от продажи избыточной военной собственности США за границей. Соответственно речь шла только об иностранной валюте. Поэтому, в частности, закон Фулбрайта покрывал дорожные расходы иностранцев, но не их расходы по прибытии в США: университеты добровольно снижали стоимость обучения, выделяли гранты, стипендии или зарплаты. Другие организации, такие как студенческие братства, сестринства, клубы, ассоциации, использовались как добровольные подрядчики для демонстрации гостеприимства и помощи в покрытии расходов на проживание. Ограниченность финансирования объяснялась начальной стадией становления публичной дипломатии США, на тот момент политтехнология еще не занимала одного из центральных мест во внешнеполитической стратегии американского политического руководства.

Закон Фулбрайта также впервые официально выделял круг лиц, ответственных за планирование и реализацию программ, предусматривал схему взаимодействия с иностранными правительствами, а также с американскими неправительственными организациями. Однако он имел достаточно ограниченную юрисдикцию, так как касался только одного из направлений публичной дипломатии, связанного с образованием, и, более того, только одной программы (хотя технически программа Фулбрайта изначально представляла собой, скорее, комплекс из нескольких инициатив и проектов, который в дальнейшем только расширялся). Помимо этого, несмотря на заложенный в законе потенциал в первые годы после его принятия по факту в обменных программах участвовали граждане всего четырех стран: Мьянмы, Китая, Филиппин и Греции²⁷¹. Соответственно, не вызывает удивления тот факт, что закон Фулбрайта стал лишь первым шагом в процессе формирования законодательной основы публичной дипломатии США.

²⁷¹ Armstrong M. The Incompleteness of the Fulbright Paradox [Электронный ресурс] // MountainRunner.us. 2021. URL: <https://mountainrunner.us/2021/06/the-incompleteness-of-the-fulbright-paradox/> (дата обращения: 01.01.2022).

Следующим значимым этапом стал закон «Об обмене в сфере информации и образования» 1948 г., также известный как закон Смита-Мундта. Его принятию предшествовало европейское турне американской делегации, в которую входили политики (в частности, авторы законопроекта – сенаторы-республиканцы Александр Смит и Карл Мундт), журналисты, бизнесмены и деятели культуры, с целью оценить эффективность усилий коммунистической пропаганды в Европе. Делегация пришла к выводам о значительных успехах соответствующей политики Советского Союза и недостаточности аналогичных усилий со стороны США²⁷². В какой-то степени оба факта были следствием все большего проникновения в среду американского политического истеблишмента концепции «политической войны» на фоне обострения холодной войны. Согласно определению архитектора холодной войны и автора политики сдерживания Джорджа Кеннана, концепция «политической войны» представляет собой логическое применение доктрины Карла фон Клаузевица в мирное время (прим. автора: отсылая к известному тезису «Война есть продолжение политики иными средствами», соответственно, можно говорить о зеркальном применении доктрины Клаузевица). В самом широком смысле «политическая война» – это использование всех доступных государству средств, кроме непосредственно военных действий, для защиты национальных интересов²⁷³. Именно в докладной записке Дж. Кеннана «Начало "политической войны"», представленной Государственному департаменту также в 1948 г., предлагалось создание отдельной правительственной структуры для координации всех «невоенных» средств противостояния с СССР, а среди основных направлений деятельности обозначалась работа с общественными настроениями как в Советском Союзе и странах Восточного блока, так и в третьих

²⁷² Бонцевич Н.Н. Институционализация публичной дипломатии в США в правление администрации г. Трумэна // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2017. Т. 17, № 3. С. 364-369.

²⁷³ Kennan G.F. The Inauguration of Organized Political Warfare [Redacted Version] 30.04.1948 [Электронный ресурс] // History and Public Policy Program Digital Archive. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114320> (дата обращения: 31.05.2022).

странах²⁷⁴. В свою очередь, закон «Об обмене в сфере информации и образования» 1948 г. заложил нормативно-правовые основы для учреждения спустя пять лет в 1953 г. отдельной правительственной структуры для реализации направлений публичной дипломатии, описанных в законе – Информационное агентство США (ЮСИА).

Акт Смита-Мундта был уже более осознанным шагом в процессе становления политтехнологии публичной дипломатии как элемента стратегии на тот вызов миропорядку и роли США в нем, которым для американского политического истеблишмента являлся Советский Союз и перспективы распространения его международного влияния. Соответственно, положения закона имели более существенный характер с точки зрения формализации и институционально-нормативного закрепления публичной дипломатии, чем закон Фулбрайта: законодательная основа значительно расширилась, и эта тенденция была простимулирована осознанием политического руководства страны необходимости адекватного ответа на вызовы идеологического противостояния. Это еще раз подчеркивает технологическую природу публичной дипломатии США – политическим технологиям свойственно организовываться на основании «отражения реальности, конкретных событий»²⁷⁵.

В первую очередь, этот закон добавил новый источник финансирования публичной дипломатии: федеральный бюджет США²⁷⁶, предусматривая, таким образом, ежегодное выделение средств на информационную деятельность и обменные программы²⁷⁷. Это также создало возможность спонсировать участников в индивидуальном порядке. Финансирование распространилось и на тех, кто был родом из стран, где у США не было военной собственности, что позволяло расширить потенциальную аудиторию. В рамках выделенного бюджета

²⁷⁴ Corke S.-J. George Kennan and the Inauguration of Political Warfare // *Journal of Conflict Studies*. 2006. Vol. 26 (1). P. 101-120.

²⁷⁵ Политология: политическая теория. Политические технологии: учебник для студентов высших учебных заведений / А.И. Соловьев. М.: Аспект Пресс, 2010. 574 с.

²⁷⁶ Brogi A. et al. *The Legacy of J. William Fulbright: Policy, Power, and Ideology*. 304 p.

²⁷⁷ Johnson W., Colligan F. J. *The Fulbright Program: A History*. The University of Chicago Press. 1965. 380 p.

у госсекретаря появилась возможность предоставлять денежные гранты, услуги и материалы американским правительственным структурам местного уровня и уровня штата, правительственным структурам в других странах, лицам и общественным либо частным некоммерческим организациям как в США, так и в других странах. Помимо этого, закон наделил госсекретаря полномочиями принимать вклад в бюджет соответствующих программ от иностранных правительств, неправительственных и частных источников, равно как и от частных источников в США.

Также с принятием данного нормативного акта была существенно расширена сфера, подпадающая под юрисдикцию законодательства, касающегося публичной дипломатии. Закон «Об обмене в сфере информации и образования», обозначив цель: «позволить правительству США содействовать улучшению понимания Соединенных Штатов в других странах и повышать уровень взаимопонимания между американским народом и народами других стран»²⁷⁸, выделял два основных направления реализации публичной дипломатии. Во-первых, «информационную деятельность» – распространение за рубежом информации о США, американском народе и политике правительства. Данный вид деятельности – это наследие опыта военного времени и обобщения техник пропаганды, поэтому он предполагает преимущественно односторонний принцип распространения за пределами США материалов для оказания влияния на зарубежную публику. В рамках его реализации используются «быстрые» инструменты: пресса, публикации, радиовещание, кинематограф и прочие средства массовой информации²⁷⁹. Также предусмотрено использование информационных центров и инструкторов за рубежом. Высокая скорость достижения эффекта омрачается тем, что проходит он тоже достаточно быстро:

²⁷⁸ US Information and Educational Exchange Act of 1948 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-1091/pdf/COMPS-1091.pdf> (дата обращения: 01.01.2022).

²⁷⁹ Ninkovich F. The diplomacy of ideas: US foreign policy and cultural relations, 1938-1950. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 264 p.

это в большей степени инструментарий для решения тактических задач, а не достижения стратегических целей.

Вторым направлением реализации публичной дипломатии, выделенным в законе, стала деятельность, касающаяся образовательных и культурных обменов, включая обмены людьми, знаниями, умениями; техническими и другими услугами; достижениями в области образования, искусства и науки. В этом контексте новый закон включал в себя не только программу Фулбрайта, но все подобные инициативы и проекты, осуществляемые под эгидой Госдепартамента. Для реализации данного направления используются «медленные» инструменты: распространение литературы, поддержка американских библиотек за рубежом, непосредственно обменные программы. Соответственно, одно направление было рассчитано на краткосрочную, а другое – на долгосрочную перспективу. Данная двойственность стала вторым серьезным отличием данного нормативного акта от закона Фулбрайта и индикатором перехода обменных программ из статуса отдельных образовательных инициатив в статус составного элемента публичной дипломатии. В этом также проявилась ее технологическая природа, поскольку политические технологии по определению «включают в себя как приемы достижения немедленного, локального, кратковременного результата (тактика), так и получения глубинного, глобального, длительного эффекта (стратегия)»²⁸⁰.

Третьим важным нововведением, которое привнес в нормативно-правовую базу публичной дипломатии США закон Смита-Мундта, стало учреждение консультативных комиссий: по вопросам информации и по образовательным обменам, ставших прообразами Консультативной комиссии США по публичной дипломатии (*U.S. Advisory Commission on Public Diplomacy*). В их задачи вошли формулирование политики реализации данного закона и представление рекомендаций и наработок госсекретарю. Таким образом в организационном механизме публичной дипломатии США появился элемент, обеспечивающий контроль за эффективностью публичной дипломатии и аналитический вклад в планирование в соответствующей сфере, что имеет ключевое значение для

²⁸⁰ Анохин М.Г. Указ. соч.

каждой политтехнологии, так как она складывается не только из процессов достижения поставленных политических целей, но из результатов, доказывающих оптимальность выбранного набора приемов, методик, техник и алгоритма их последовательности. Соответственно, наличие в формальной структуре публичной дипломатии США элементов, регулирующих процесс оценки и постоянного повышения эффективности, является одной из основных ее отличительных черт.

Наконец, весьма значимо, что в законе «Об обмене в сфере информации и образования» можно наблюдать первые шаги в направлении детализации полномочий и функций руководящего должностного лица (госсекретаря) в сфере реализации публичной дипломатии. Для осуществления деятельности, предусмотренной этим законом, госсекретарь может как привлекать служащих из других правительственных агентств (а также использовать их материальные и функциональные ресурсы), так и активно поощрять вовлечение квалифицированных частных американских лиц и агентств. У госсекретаря также появляются полномочия переводить бюджетные средства в другие правительственные структуры при необходимости. Также он получает право делегировать служащим правительства любые полномочия в рамках данного закона, которые считает нужным. Более того, если этого требуют национальные интересы, госсекретарь уполномочен поручить сотруднику правительства США, обладающему особой научной, технической либо иной профессиональной квалификацией, сотрудничать с или поступить на службу в иностранное правительство (с одобрения его непосредственного начальства).

Третьим ключевым этапом оформления законодательной основы публичной дипломатии США стало принятие в 1961 г. закона *«О взаимных образовательных и культурных обменах»*, также известного как закон Фулбрайта-Хейса. Он касался исключительно образовательных и культурных обменов, таким образом, еще больше разграничив с точки зрения законодательной юрисдикции данное направление публичной дипломатии с «информационной деятельностью», которая продолжала регулироваться законом Смита-Мундта.

Потребность в этом законе стала очевидной, когда был истощен источник финансирования публичной дипломатии за счет продажи военной собственности. Также существовала необходимость консолидировать имеющиеся нормативные акты в единое и четкое законодательство²⁸¹ для более эффективной реализации соответствующих программ. В октябре 1960 г. в связи с этим сенатор Дж. Фулбрайт инициировал процедуру законотворчества, запросив политические рекомендации у небольшой группы «лиц с широкими познаниями и заинтересованностью в подобного рода международных программах»²⁸². Именно эти усилия легли в основу закона, подписанного президентом Дж. Кеннеди 21 сентября 1961 г.

Данный нормативно-правовой акт сформулировал цели образовательных и культурных обменов: «позволить правительству США повысить уровень взаимопонимания между американским народом и народами других стран с помощью образовательных и культурных обменов; укрепить связи с другими народами, демонстрируя образовательные и культурные интересы, достижения американского и других народов, а также вклад, внесенный в поддержание мира и благополучия людей на всей планете; поддерживать международное сотрудничество в сферах культуры и образования; и таким образом содействовать развитию отношений между США и другими странами, построенных на принципах дружбы, понимания и мира²⁸³».

Созвучность этих целей тем, что были сформулированным в законе Смита-Мунда, подчеркивает, что оба направления реализации публичной дипломатии, хотя и регулируются отдельными нормативно-правовыми актами, тем не менее представляют собой элементы единой политической технологии, служащей одним и тем же целям.

²⁸¹ Brogi A. et al. *The Legacy of J. William Fulbright: Policy, Power, and Ideology*. 304 p.

²⁸² Johnson W., Colligan F. J. *The Fulbright Program: A History*. P. 281-283

²⁸³ Mutual Educational and Cultural Exchange Act of 1961 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-75/pdf/STATUTE-75-Pg527.pdf> (дата обращения: 01.01.2022).

Существенным изменением стал тот факт, что финансирование обменных программ с принятием данного закона стало полностью обеспечиваться за счет федерального бюджета, а получение средств от продажи зарубежной военной собственности было прекращено. Помимо этого, закон Фулбрайта-Хейса закреплял впервые появившийся в законе «Об обмене в сфере информации и образования» принцип возможности дополнительного финансирования со стороны иностранных правительств, международных организаций и частного сектора. Таким образом, еще в большей степени было подчеркнуто положение публичной дипломатии как одного из ключевых инструментов в арсенале технологий американской внешней политики.

Закон «О взаимных образовательных и культурных обменах» значительно детализировал способы и инструменты реализации целей публичной дипломатии на образовательном и культурном направлениях и, что немаловажно, наконец официально расширил понимание обменных программ за пределы границ программы Фулбрайта. В законе выделяются два направления деятельности: образовательные и культурные обмены. В рамках первого предусмотрено финансирование обучения, исследований, преподавания и другой образовательной деятельности американских граждан за рубежом или иностранных граждан в американских школах и институтах (внутри и за пределами США); а также финансирование поездок и обменов между США и другими странами студентами, практикантами, учителями, преподавателями и профессорами. Закон также предусматривает появление в американских высших учебных заведениях (в результате соглашений, заключаемых госсекретарем) специальных консультантов, чья задача в том, чтобы «помочь иностранным студентам максимально использовать все возможности во время их обучения в американских колледжах и университетах и направить их таланты и инициативы в то русло, которое позволит им стать более эффективными лидерами по возвращении на родину»²⁸⁴.

²⁸⁴ Mutual Educational and Cultural Exchange Act of 1961.

В рамках второго направления предусмотрено финансирование визитов и обменов лидерами, экспертами в конкретных областях, другими влиятельными или выдающимися лицами; финансирование заграничных турне деятелей искусства и атлетов из США; обеспечение представительства США в международных фестивалях, встречах, ассамблеях и соревнованиях, посвященных искусству, театру, музыке, спорту и другим сферам культуры. Полномочия по выделению грантов и заключению соглашений об обменных программах и участии США в соответствующих культурных мероприятиях ложатся на госсекретаря.

Помимо обменных программ и инициатив культурной дипломатии под юрисдикцию этого нормативного акта также попадает учреждение и поддержание за рубежом и в США центров культурных и технических обменов для совместной учебы, тренингов и исследовательской деятельности, так же как и учреждение, и поддержание за рубежом школ и учебных заведений, основанных или спонсируемых американскими гражданами или НКО, включая те заведения, которые выполняют роль демонстрационных центров для методик и практик, принятых в США.

Закон Фулбрайта-Хейса также формализовал начавшийся чуть ранее процесс внедрения за рубежом (в крупных европейских университетах) кафедр изучения американской цивилизации и оформления новой дисциплины «Американские исследования» (англ. *American studies*) в самостоятельную отрасль знаний²⁸⁵. В контексте законодательства процесс распространения «американских исследований» в международной академической среде должен был продолжаться с помощью отправки за границу американских профессоров, учреждения институтов, проведения лекций, семинаров и учебных курсов по таким темам, как американская история, правительство, экономика, язык и литература и прочих предметов, связанных с американской цивилизацией и

²⁸⁵ Цветкова Н.А. Указ. соч. С. 378-394; Цветкова Н.А. *Cultural imperialism: международная образовательная политика в годы холодной войны*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 84-86.

культурой, а также через финансирование изучения этих предметов гражданами других стран.

Еще одним ощутимым результатом принятия закона «О взаимных образовательных и культурных обменах» в 1961 г. стало появление возможности создания межведомственных и прочих консультативных комитетов по соответствующей тематике, что отвечало технологическому характеру процесса становления публичной дипломатии США, так как создание подобных групп было направлено на оптимизацию ресурсов и повышение общей эффективности, что является отличительной чертой формирующихся политтехнологий.

Так, в частности, в 1997 г. была создана Межведомственная рабочая группа по международным обменам и обучению, спонсируемым правительством США (*Interagency Working Group on U.S. Government-Sponsored International Exchanges and Training (IAWG)*). Цель данного межведомственного объединения заключается в улучшении координации и эффективности соответствующей деятельности. В обязанности рабочей группы входит сбор и анализ данных предоставляемых всеми министерствами и правительственными агентствами, занимающимися международными программами обменов и обучения; содействие взаимопониманию и сотрудничеству между ними по данным вопросам; выявление случаев дублирования и пересечения функций разных институтов; разработка скоординированной и финансово-оптимизированной стратегии для всех программ; составление рекомендаций по показателям результативности для всех программ; разработка стратегии по расширению государственно-частного партнерства в этой сфере и по привлечению частного сектора. Фактически работа этой межведомственной группы заключается в контроле за эффективным использованием потенциала, заложенного еще в законе Смита-Мундта, имея в виду полномочия госсекретаря по привлечению широкого спектра человеческих и административных ресурсов как из государственного, так и из частного сектора для реализации целей и задач публичной дипломатии США.

2.2 Институциональная структура

Начало процесса становления институциональной структуры публичной дипломатии США как части единого организационного механизма относится к тому же временному периоду, что и начало оформления соответствующего законодательства. Это связано как с установлением биполярного миропорядка и теми вызовами, которые поставила перед американским политическим руководством холодная война, так и с менее глобальным фактором – необходимостью распорядиться судьбой институтов и техник пропаганды и влияния на иностранное общественное мнение, которые были созданы и апробированы Соединенными Штатами в период двух мировых войн. Что касается конечной точки исследуемого процесса, то отличия между институциональной структурой, действовавшей до конца XX в., и той, что существует в XXI в. в рамках публичной дипломатии США, столь существенны, что в данной работе мы выделяем две версии: институциональную структуру биполярного периода (которая окончательно сформировалась к концу 1970-х гг.) и постбиполярного периода (которая стала преимущественно результатом реформы 1999 г.). Хотя биполярный миропорядок и прекратил свое существование раньше, по разным оценкам с конца 1980-х гг. по 1991 г., именно реформа институтов публичной дипломатии США, прошедшая в 1999 г., подвела черту под биполярным периодом существования соответствующей политической технологии, ликвидировав ключевой институт публичной дипломатии времен холодной войны – Информационное агентство США.

В 1945 г. президент США Г. Трумэн передал Госдепартаменту функции двух ведомств военного времени. Это были Управление по координации межамериканских отношений (*Office of Inter-American Affairs*), которое с 1940 г. занималось противодействием влиянию стран «оси» в Латинской Америке путем

воздействия на общественное мнение²⁸⁶, и Управление военной информации (*Office Of War Information*) (включая радиостанцию «Голос Америки»), которое с 1942 г. обеспечивало связь между фронтом и тылом и занималось военной пропагандой²⁸⁷. Сферу компетенции этих органов объединили с функциями Отдела культурных связей (*Division of Cultural Relations*), который был создан внутренним приказом Госдепартамента в 1938 г. для координации действий как правительства, так и частных организаций²⁸⁸ в области образовательных и культурных обменов со странами преимущественно западного полушария²⁸⁹. В результате в 1946 г., в год принятия закона Фулбрайта, возникло Управление международной информации и культурных связей (*Office of International Information and Cultural Affairs*)²⁹⁰, которое также унаследовало от Управления военной информации сеть постов информационной службы США за рубежом²⁹¹, которые возникли из заграничных библиотек США. Перечисленные шаги хорошо демонстрируют типичный для политтехнологий процесс упорядочивания и рационализации средств достижения политических целей.

В 1948 г. после принятия закона «Об обмене в сфере информации и образования» эта структура была разделена на три подразделения²⁹²: Управление образовательных обменов, ответственное за «медленные инструменты»:

²⁸⁶ Anthony E.D. Records of the Office of Inter-American Affairs [Электронный ресурс] // National Archives and Record Services General Services Administration. Washington, D.C., 1973. P. 1-8. URL: <https://www.archives.gov/files/research/foreign-policy/related-records/rg-229-inter-american-affairs.pdf> (дата обращения: 01.01.2022).

²⁸⁷ Bayles M. *Through a Screen Darkly: Popular Culture, Public Diplomacy, and America's Image Abroad*. Yale University Press. 2014. 336 p.

²⁸⁸ Espinosa J.M. *Inter-American Beginnings of U.S. Cultural Diplomacy, 1936-1948* [Электронный ресурс]. Cultural Relations Programs of the U.S. Department of State: Historical Studies 1976. № 2. 360 p. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED150051.pdf> (дата обращения: 06.11.2018).

²⁸⁹ *Administrative Timeline of the Department of State* [Электронный ресурс] // Official website of the US Department of State. URL: <https://history.state.gov/departmenthistory/timeline/1930-1939> (дата обращения: 06.11.2018).

²⁹⁰ Филимонов Г.Ю. «Мягкая сила» культурной дипломатии США. М.: РУДН, 2010. 212 с.

²⁹¹ *United States Information Agency* [Электронный ресурс] / Department of History. University of San Diego. URL: <http://history.sandiego.edu/gen/20th/usia.html> (дата обращения: 06.11.2018).

²⁹² Nilsen S. *Projecting America, 1958: Film and Cultural Diplomacy at the Brussels World's Fair*. McFarland, 2011. 210 p.

программы обменов, зарубежные библиотеки, связи между институтами; Управление международной информации, ответственное за «быстрые инструменты»: радио, прессу, киноиндустрию; и Управление исполнительного персонала. Соответствующая реструктуризация отражала формирующийся в нормативно-правовой базе принцип разделения реализации публичной дипломатии на два основных направления: связанное с информацией и связанное с образовательно-культурными программами.

Дальнейший процесс становления институциональной структуры публичной дипломатии биполярного образца происходил под влиянием соперничества двух противоречивых тенденций: централизации и децентрализации, у каждой из которых была своя группа сторонников в политических и экспертных кругах. Сторонники первого подхода стремились консолидировать все функции, связанные с публичной дипломатией, внутри одного специального ведомства, работающего в тесном контакте непосредственно с президентом. Соответствующее видение предполагало утверждение публичной дипломатии в статусе технологии внешней политики, имеющей ключевое значение для успеха США в холодной войне и для глобального лидерства. Публичная дипломатия таким образом оказывалась значительно инкорпорирована во внешнеполитическую повестку государства.

В рамках данного подхода наибольшее значение придавалось информационному направлению реализации публичной дипломатии и инструментам, позволяющим в одностороннем порядке транслировать определенные послы иностранной общественности (радиовещание, кинофильмы, пресса и т.п.) для достижения максимально скорых результатов. Более того, использование данных инструментов в достаточно политизированной форме не воспринималось как нечто негативное, а напротив, как адекватно отвечающее существующей политической необходимости. Подобных взглядов придерживались, в частности, Дж. Аллен, помощник госсекретаря по связям с

общественностью в 1948–1949 гг., и У. Бентон, помощник госсекретаря по связям с общественностью и культурным вопросам в 1945–1948 гг.²⁹³

Второй подход, напротив, подразумевал рассредоточение соответствующих полномочий в структуре государственных институтов для фактической деполитизации публичной дипломатии США. Сторонники этой точки зрения в значительной степени предпочитали воспринимать публичную дипломатию не как единую политтехнологию, а выделять отдельные техники в ее составе, каждая из которых имеет свои задачи, инструменты, результаты. Большую значимость в рамках этого подхода имели взаимные человеческие международные контакты, способствующие взаимопониманию между народами, а не целенаправленное манипулирование иностранным общественным мнением. Эти взгляды, естественно, предполагают достижение результатов в долгосрочной перспективе (в частности, за счет обменных программ при условии их деполитизированности), постепенно завоевывая симпатии определенных групп зарубежной общественности. В той или иной степени подобную точку зрения, в частности, разделяли сенатор Дж. Фулбрайт и госсекретарь США в 1947–1949 гг. Дж. К. Маршалл-мл²⁹⁴. Фактически этот подход расходился с процессами оформления политтехнологии, так как она предполагает и наличие элемента политического целеполагания, и комплексное восприятие техник, объединенных определенным алгоритмом применения, а не фокусирование на отдельных приемах. Таким образом, этот подход не предполагал отведения публичной дипломатии роли одного из ключевых инструментов внешней политики США в условиях биполярного миропорядка.

В начале 1950-х гг. в контексте противоречия относительно допустимой степени политизированности публичной дипломатии произошло столкновение сенаторов Дж. Фулбрайта и Дж. Маккарти. Последний вместе с Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности пытался перевести вопрос

²⁹³ Nilsen S. *Projecting America, 1958: Film and Cultural Diplomacy at the Brussels World's Fair*. 210 p.

²⁹⁴ Cull N. *The Cold War and the United States Informational Agency*. Cambridge University Press, 2008. 568 p.

лояльности грантополучателей стипендий Фулбрайта в плоскость национальной безопасности²⁹⁵ и в целом предъявлял претензии американским зарубежным библиотекам и обменным программам относительно того, насколько эффективно они отстаивают национальные интересы США, апеллируя к критическим высказываниям относительно США ряда выпускников соответствующих программ²⁹⁶. Однако сенатору Дж. Фулбрайту удалось отстоять свою позицию по обменным программам.

Истоки этого соперничества двух подходов, как пишет Н. А. Цветкова, лежат в споре «информационалистов и культуралистов», начавшемся еще в годы Второй мировой войны в американских политических и академических кругах по вопросу возможности использования международной образовательной политики для решения конкретных внешнеполитических задач²⁹⁷.

Важным этапом процесса формирования институциональной структуры через соперничество вышеупомянутых подходов стали слушания в Сенате в период с октября 1952 по июнь 1953 гг., известные как «Слушания Фулбрайта-Хикенлупера»²⁹⁸ (*Fulbright-Hickenlooper*). На тот момент Дж. Фулбрайт занимал пост председателя специального подкомитета сената по международным отношениям по вопросам зарубежных информационных программ (*special Senate Foreign Relations Subcommittee on Overseas Information Programs*), а сенатор Б. Хикенлупер, в свою очередь, сменил его на этом посту в 1953 г.

Темой слушаний стала глобальная оценка и реорганизация информационных и культурных обменных программ под эгидой Госдепартамента, а также в целом анализ состояния, эффективности и арсенала

²⁹⁵ Johnson W., Colligan F J. The Fulbright Program: A History. P. 55-65, 68-77.

²⁹⁶ Brogi A. et al. The Legacy of J. William Fulbright: Policy, Power, and Ideology. 304 p.

²⁹⁷ Цветкова Н.А. Cultural imperialism: международная образовательная политика в годы холодной войны. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007.

²⁹⁸ Arndt R.T. The First Resort of Kings: American Cultural Diplomacy in the Twentieth Century. Potomac Books. 2007. P. 258-263, 272-273.

публичной дипломатии США²⁹⁹ в преддверии учреждения Информационного агентства США (ЮСИА) (*United States Information Agency (USIA)*) в августе 1953 г.

Показательно, что неофициальным слоганом агентства было: «Мы рассказываем миру американскую историю» (англ. «*Telling America's Story-to the World*»)³⁰⁰. Дело в том, что английское слово «*story*» в разном контексте может переводиться на русский язык и как «история», и как «байка», и как «литературный рассказ или повесть», и как «сказка», и как «выдумка». Но, конечно, в данном случае по смысловой коннотации наиболее точным переводом стало бы слово «версия». Неофициальный лозунг Информационного агентства США из-за множественности оттенков смысла как нельзя лучше передавал смысл одного из принципов работы публичной дипломатии: рассказывать миру американскую версию (чего угодно: версию восприятия самих себя – Америки, восприятия других стран и мира в целом; версию трактовки своих политических решений или каких-то политических событий и т.п.), иными словами, продвигать в международном массовом сознании американскую призму мировосприятия, так как это исключительно важно для национальных интересов США.

Учреждение агентства являлось большим шагом в становлении публичной дипломатии США как политической технологии, поскольку создание отдельной правительственной структуры для координации соответствующих техник и

²⁹⁹ Overseas Information Programs of the U.S. Hearings Before the United States Senate Committee on Foreign Relations, Subcommittee Under S. Res. 74 on Overseas Information Programs of the U.S., Eighty-Second Congress, Second Session [Электронный ресурс]. 1952. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=umn.31951d02094637q&view=1up&seq=7&skin=2021> (дата обращения: 01.01.2022); Overseas Information Programs of the United States. Hearings Before a Subcommittee of the Committee on Foreign Relations, United States Senate, Eighty-second Congress, Second Session [Eighty-third Congress, First Session] on Overseas Information Programs of the United States [Электронный ресурс]. 1953. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uc1.aa0008077067&view=1up&seq=5&skin=2021> (дата обращения: 01.01.2022).

³⁰⁰ Telling America's story to the world: problems and issues. United States Information Agency. Report to the Congress [Электронный ресурс] // Comptroller General of the United States General Accounting Office. 1974. URL: <https://www.gao.gov/assets/b-118654.pdf> (дата обращения: 01.01.2022).

приемов существенно способствовало процессам оптимизации и рационализации усилий в этом направлении. Однако это не стало полноценной консолидацией во многом из-за оппозиции по этому вопросу сенатора Дж. Фулбрайта, который не стеснялся называть ЮСИА «правительственным ведомством пропаганды»³⁰¹, вкладывая в последнее понятие негативный смысл. Поэтому во время обсуждений он выступал за то, чтобы сохранить всю деятельность, относящуюся к культурному и образовательному направлениям (включая распространение литературы, управление зарубежными библиотеками и информационными центрами, преподавание английского языка за границей, развитие дисциплины американских исследований в зарубежных университетах, обменные программы) в ведении Госдепартамента.

Достигнутый компромисс не мог в полной мере удовлетворить ни одну из сторон. Из всех инструментов культурного и образовательного направлений американской публичной дипломатии в ведении Госдепартамента (а значит, в независимом от ЮСИА положении) остались только обменные программы. Агентство же помимо вещания, печати и кино получило под свою юрисдикцию все остальное.

Такое положение, с одной стороны, препятствовало стремлениям к полной консолидации всех усилий публичной дипломатии при политически мотивированном подходе, а с другой – снижало значимость обменных программ как единственного инструмента, оставшегося за пределами такой внушительной организации, как ЮСИА, и в какой-то степени за пределами оформляющейся политической технологии. Если сравнивать кадровый состав Информационного агентства США и Отдела образовательных и культурных связей Госдепартамента в 1950–1960-е гг., то становится очевидной их несопоставимость: 10 000 сотрудников ЮСИА против 300 сотрудников отдела³⁰². Более того, несмотря на с таким трудом «отвоеванную» автономию, в посольствах США рабочие соглашения между Агентством и Госдепартаментом предусматривали, что общее

³⁰¹ Johnson W., Colligan F.J. The Fulbright Program: A History. P. 81-82.

³⁰² Brogi A. et al. The Legacy of J. William Fulbright: Policy, Power, and Ideology. 304 p.

руководство всеми сотрудниками (как Агентства, так и соответствующего отдела) и их деятельностью будет осуществляться миссией ЮСИА при посольстве.

Ситуация усугубилась в середине 1960-х гг., когда ухудшение отношений между сенатором Дж. Фулбрайтом и президентом Л. Джонсоном из-за последовательной критики первого в адрес правительства, в том числе по поводу войны во Вьетнаме, привело к резкому сокращению финансирования программы Фулбрайта (на 48% в 1968 г.³⁰³), являющейся локомотивом среди всем обменных программ под эгидой Госдепартамента (бюджет программы Фулбрайта составлял примерно три четверти всего бюджета обменных программ³⁰⁴), что привело к уменьшению числа выделенных в 1969-1970 гг. грантов на 30%³⁰⁵.

Компромиссное положение вещей, которое сохраняло «водораздел» между информационным и культурно-образовательным направлениями, а по сути, лишь вело к расцвету одного направления публичной дипломатии и стагнации другого, сохранялось вплоть до конца 1970-х гг. Первым шагом стало слияние Консультативной комиссии по вопросам информации (*U.S. Advisory Commission on Information*) и Консультативной комиссии по образовательным обменам (*U.S. Advisory Commission on Educational Exchanges*) и появление на их месте Консультативной комиссии США по публичной дипломатии в 1977 г.

Комиссия по настоящее время остается значимым элементом организационного механизма публичной дипломатии США. Она состоит из семи участников, назначаемых президентом с согласия Сената. При этом не более четырех из них могут являться представителями одной и той же партии, таким

³⁰³ William J. Fulbright Foreign Scholarship Board 2014 Annual Report [Электронный ресурс]. URL: https://eca.state.gov/files/bureau/ffsb-annual-report_final_printready_12-18.pdf (дата обращения: 01.01.2022);

Effects of the FY 1969 Budget Cut: Backup Budget Statement University of Arkansas Special Collections Division, MC 468, Bureau for Educational and Cultural Affairs Historical Collection (CU), Box 41-4 [Электронный ресурс]. URL: https://uark.as.atlas-sys.com/repositories/2/archival_objects/653553 (дата обращения: 01.01.2022).

³⁰⁴ Brogi A. et al. *The Legacy of J. William Fulbright: Policy, Power, and Ideology*. 304 p.

³⁰⁵ Effects of the FY 1969 Budget Cut: Backup budget statement. University of Arkansas Special Collections Division, MC 468, Bureau for Educational and Cultural Affairs Historical Collection (CU) box 41-4. As cited in: Tournès L., Scott-Smith G. *Global Exchanges: Scholarships and Transnational Circulations in the Modern World*. Berghahn Books. 2017. 356 p.

образом обеспечивается соблюдение принципа равной представленности обеих партий. Участники не являются дипломатическими работниками, получающими заработную плату, и должны представлять различные части общества: образовательную сферу, сферу коммуникаций, научную сферу, техническую сферу, госслужащих, рабочий класс, бизнес-круги и различные профессии. Председателя комиссии назначает президент США. Данная организация подведомственна Государственному департаменту США, который назначает специального госслужащего федерального значения (*designated federal officer (DFO)*). В его задачи входит в том числе подготовка повестки дня для заседаний комиссии и, когда Госдепартамент видит такую необходимость, председательство во время этих заседаний. Также этот госслужащий может принимать на себя роль исполнительного директора комиссии. Функции Комиссия после объединения сохранила те же: оценка эффективности публичной дипломатии США и выработка рекомендаций по ее повышению.

Наконец, в 1979 г. администрация президента Дж. Картера решила произвести масштабную реорганизацию информационных и образовательных программ публичной дипломатии и консолидировать их в обновленном и переименованном годом ранее Информационном агентстве США, которое с той поры и до 1982 г. носило название «Агентство международных связей США» (*US International Communications Agency*). Агентство поглотило Бюро по делам образования и культуры Госдепартамента США (*Bureau of Educational and Cultural Affairs*), и таким образом институциональное разделение между двумя направлениями публичной дипломатии США перестало существовать. Это также можно считать моментом максимальной завершенности технологического становления публичной дипломатии, по крайней мере с институциональной точки зрения.

Стоит отметить, что переименование агентства и обновленное формулирование его миссии представляли собой очередную форму компромисса. Было принято решение отказаться от слогана «Мы рассказываем миру американскую историю», так как новое агентство должно было «не только

рассказывать, но и слушать»³⁰⁶. Обновленное агентство, на взгляд Дж. Картера, должно было в своей деятельности опираться на принцип взаимности, а не одностороннего информационного давления³⁰⁷, отсюда и замена в названии нейтрального «*information*» – «информация» на однозначно диалоговое «*communications*» – «коммуникации». Это должно было «подсластить пилюлю» разделявшим взгляды Дж. Фулбрайта в ситуации, когда обменные программы перестали существовать автономно от основного института публичной дипломатии США.

Ряд экспертов в области американской публичной дипломатии так и не смирились с произошедшими изменениями. Например, Ричард Арндт, выпускник программы Фулбрайта и бывший служащий Отдела культурных и образовательных связей Госдепартамента, назвал это «началом 21-летнего периода упадка» американской публичной дипломатии в целом и обменных программ в частности³⁰⁸. Дальнейшие достижения американской публичной дипломатии в конце XX и начале XXI вв. говорят об обратном. Уилсон П. Дизард-мл., бывший сотрудник Госдепартамента, полагает, что это поглощение было «запоздалым признанием того, что информационные и культурные программы являются взаимодополняющими частями эффективной внешней идеологической стратегии»³⁰⁹. В свою очередь, Аллен Хансен, бывший сотрудник ЮСИА, считает, что опасения о том, что обменные программы будут политизированы и оттого менее популярны, не оправдались. В пользу этих утверждений говорит тот факт, что после консолидации обменных программ в Агентстве международных связей США число иностранных участников не уменьшилось, а напротив, стабильно росло³¹⁰.

³⁰⁶ Mitchell J.M. *International Cultural Relations*. Routledge, 2015. 270 p.

³⁰⁷ Rugh W.A. *American Encounters with Arabs: The "soft Power" of U.S. Public Diplomacy in the Middle East*. Greenwood Publishing Group, 2006. 220 p.

³⁰⁸ Arndt R.T. *The First Resort of Kings: American Cultural Diplomacy in the Twentieth Century*. P. 516-519.

³⁰⁹ Dizard W.P. Jr *Inventing Public Diplomacy: The story of the US Information Agency*. Lynne Rienner Publishers. 2004. P.149.

³¹⁰ Brogi A. et al. *The Legacy of J. William Fulbright: Policy, Power, and Ideology*. 304 p.

Тем не менее новый консенсус оказался еще более эфемерным, чем предыдущий. Во-первых, получив под свою юрисдикцию обменные программы Агентство не могло не адаптировать их в определенной степени к своей общей политической повестке³¹¹, то есть не встраивать их полноценно в технологию, что, конечно, в определенной степени сказывалось отрицательно на уровне креативности и вело к более формализованному подходу в реализации данного направления публичной дипломатии³¹², что весьма характерно для развития политтехнологий, которые постоянно балансируют между «полюсами субъективации и формализации», нуждаясь одновременно в упорядоченной организации и в элементах творческого подхода и импровизации для эффективности³¹³.

Во-вторых, символическое переименование не продлилось долго: в 1982 г. администрация президента Р. Рейгана вернула агентству прежнее название и, по свидетельствам современников³¹⁴, стала практиковать куда более целенаправленный с политической точки зрения подход к реализации публичной дипломатии, уделяя повышенное внимание идеологическому противостоянию с Советским Союзом (в том числе противодействию советским технологиям влияния на иностранное общественное мнение) и позиционируя соответствующую деятельность в качестве неотъемлемого элемента национальной безопасности³¹⁵. По словам Кеннета Адельмана, главы Агентства США по контролю над вооружениями и разоружением того периода, публичная дипломатия не могла не стать одной из самых динамично развивающихся отраслей в США в начале 1980-х годов из-за удачного «сочетания личности (президента – прим. автора), стадии

³¹¹ Ibid.

³¹² Ibid.

³¹³ Политология: политическая теория. Политические технологии: учебник для студентов высших учебных заведений / А.И. Соловьев. М.: Аспект Пресс, 2010. 574 с.

³¹⁴ Tuch H.N. Communicating with the World: U. S. Public Diplomacy Overseas. Palgrave Macmillan. 1990. 244 p.

³¹⁵ Alexandre L. In the service of the state: public diplomacy, government media and Ronald Reagan // Media, Culture, and Society. 1987. Vol. 9 (1). P. 29-46.

технологического прогресса и исторической роли (государства – прим. автора)»³¹⁶.

Таким образом, вопрос балансирования между деполитизированным и политизированным подходами к американской публичной дипломатии был закрыт, а попытки соблюсти некий консенсус прекращены, что весьма логично, если принимать во внимание технологическую природу публичной дипломатии США: в ракурсе политических технологий соответствующий спор изначально носил искусственный характер, так как ни одна из техник, задействованных в арсенале политехнологии, не может быть полностью изолирована от политики и политического целеполагания. В дальнейшем политическая ориентированность отдельных инструментов варьировалась, но само ее наличие под вопрос не ставилось, таким образом, после президентства Р. Рейгана американская публичная дипломатия наконец обрела целостность в этом отношении.

Подводя итог, можно говорить о том, что институциональная структура публичной дипломатии США биполярного периода окончательно сформировалась, когда и образовательное, и культурное, и информационное направления реализации оказались консолидированы внутри единого специализированного правительственного ведомства – Информационного агентства США. Большая часть директоров, возглавлявших агентство, могли не только похвастаться выдающимися профессиональными качествами и высоким уровнем образования, но и были лицами, обладающими личным доверием президента, которых еще до назначения связывали с ним более тесные отношения: активные участники предвыборной кампании, спичрайтеры, персональные юристы и советники, друзья семьи, старые приятели³¹⁷. Данная тенденция позволяла максимально инкорпорировать публичную дипломатию во внешнеполитическую доктрину высшего руководства США, что в том числе позволяло максимально эффективно адаптировать стратегию и тактику

³¹⁶ Adelman K.L. Speaking of America: Public diplomacy in our time [Электронный ресурс] // Foreign Affairs. 1981. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1981-03-01/speaking-america-public-diplomacy-our-time> (дата обращения: 01.01.2022).

³¹⁷ Cull N. The Cold War and the United States Information Agency. 568 p.

реализации публичной дипломатии к изменениям, происходящим на международной арене.

В целом, конец 1970-х и 1980-е гг. неслучайно считается периодом «расцвета» публичной дипломатии США. Ее эффективность стала заметна именно благодаря окончательному оформлению в качестве политической технологии. С формальной точки зрения это выражалось не только в институциональной консолидации и централизации, но и в нормативном закреплении и самого термина «публичная дипломатия» и ее статуса в качестве одной из ключевых для национальных интересов политтехнологий. Последнее произошло в 1982 г., когда Р. Рейган внес соответствующие вопросы в сферу обеспечения национальной безопасности через издание Президентской директивы по национальной безопасности №77 (англ. *National Security Decision Directive 77, NSDD-77*), озаглавленной «Координация публичной дипломатии в контексте национальной безопасности»³¹⁸. Хотя публичная дипломатия и раньше находилась в пределах сферы национальной безопасности: существенная доля планированию программ публичной дипломатии обеспечивалась Советом национальной безопасности США³¹⁹, а директора Информационного агентства США были участниками заседаний СНБ до президентства Р. Никсона³²⁰. Именно на фоне политики «разрядки» Р. Никсона и Г. Киссинджера произошло замедление процесса становления публичной дипломатии, что, в частности, выразилось в исключении директоров ЮСИА из состава постоянных членов СНБ и, как следствие, процесса принятия политических решений и стратегического планирования³²¹. Последнее подчеркивает технологический характер публичной дипломатии: для ее развития и эффективной работы необходимо, чтобы соответствующая деятельность была подчинена конкретной политической цели.

³¹⁸ National Security Decision Directive 77. NSDD-77 [Электронный ресурс] // titled Management of Public Diplomacy Relative to National Security. 1983. URL: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-077.htm> (дата обращения: 01.01.2022).

³¹⁹ Кубышкин А.И., Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США: учебное пособие для вузов. М.: АспектПресс, 2013. 271 с.

³²⁰ Cull N. The Cold War and the United States Information Agency. 568 p.

³²¹ Ibid.

Процессы становления были активны в начале холодной войны, когда стратегическое видение политического руководства США было подчинено логике глобального невоенного противостояния с СССР, в распространении чьего политического и идеологического влияния виделась угроза национальным интересам США и либеральному миропорядку. Однако в конце 1960-х и первой половине 1970-х гг. американское политическое руководство придерживалось курса «разрядки» и идеи возможности сосуществования двух «полюсов силы» без постоянного антагонизма за счет признания сфер влияния и национальных интересов друг друга и, конечно, достижения ядерного паритета. В таких условиях цели публичной дипломатии начинали размываться, а процесс становления, в частности, в сфере формального закрепления – замедляться. Упадок публичной дипломатии и необходимость активно развивать «наступательную» тактику ведения идеологической борьбы США с СССР были, в частности, подробно освещены в докладе, представленном в Комитете по международным делам в Конгрессе США в 1969 г. по результатам симпозиума «Будущее публичной дипломатии США», который прошел 22 июля 1968 г. с участием таких ведущих экспертов по вопросам влияния на общественное мнение, как Э. Галлион, Дж. Гэллага (основателя одноименного института изучения общественного мнения), Э. Бернейса (отца-основателя научного подхода к связям с общественностью, теоретика пропаганды)³²².

1970-е гг. стали периодом нарастания в американском гражданском и академическом обществе пессимистичных настроений и ожиданий скорого упадка США³²³, которым способствовали и экономические проблемы, и поражение во Вьетнаме, и целая совокупность прочих внутренних и внешних

³²² The future of United States public diplomacy. Report no. 6 together with part xi of the hearings on winning the cold war: the U.S. Ideological offensive by the subcommittee on international organizations and movements of the committee on foreign affairs house of representatives [Электронный ресурс] / U.S. Government printing office, Washington, 1969. URL: https://books.google.ru/books?id=yceiZTqr8hcC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 01.01.2022).

³²³ Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. London: Unwin Hyman, 1988.

факторов³²⁴. На этом фоне вновь обострялось восприятие Советского Союза в качестве угрозы: ведь в логике соперничества двух систем в глобальном масштабе, окончательный упадок США означал бы автоматическую победу в соревновании СССР и, как следствие, крах парадигмы либерального миропорядка с центральной ролью США даже в пределах Западного блока. Тем более, что Советский Союз к 1970-м гг., напротив, подошел с хорошими показателями в том, что касалось создания положительного международного имиджа³²⁵. На фоне этого в американском экспертном и политическом мнении проявлялись идеи о том, что именно политика мирного сосуществования несла негативные последствия для США, так как советская сторона использовала ее для укрепления позиций в глобальном противостоянии³²⁶, так и не отказавшись от идеологической борьбы.

Последнего, то есть наличие компонента борьбы идей даже в период «разрядки», не отрицали и советские политические и академические круги³²⁷. Редкое совпадение во взглядах американских и советских экспертов в конце 1960-х – первой половине 1970-х гг. о том, что в сфере влияния на иностранное общественное мнение США уступают СССР не с точки зрения отдельных техник и тем более ресурсов, а с точки зрения рациональной организации соответствующей деятельности в рамках четкого стратегического целеполагания³²⁸, что стало одной из предпосылок нового импульса становления публичной дипломатии США в конце 1970-х гг. как ответа на этот вызов (рисунок 3).

³²⁴ Харкевич М.В. «Мягкая сила»: политическое использование научной концепции. С. 22-29.

³²⁵ Hardt J.P. *The Cold War Economic Gap*. New York, Praeger, 1962.

³²⁶ Allen R. *Peace or Peaceful Coexistence?* Chicago, 1966. 233 p.

³²⁷ Арбатов Г.А. Идеологическая борьба в современных международных отношениях: Доктрина, методы и организация внешнеполитической пропаганды империализма. М.: Политиздат, 1970. 349 с.

³²⁸ См., напр., Burnham J., *The War We Are In: The Last Decade and the Next*. New Rochelle, NY: Arlington House, 1967; Арбатов Г.А. Указ. соч.

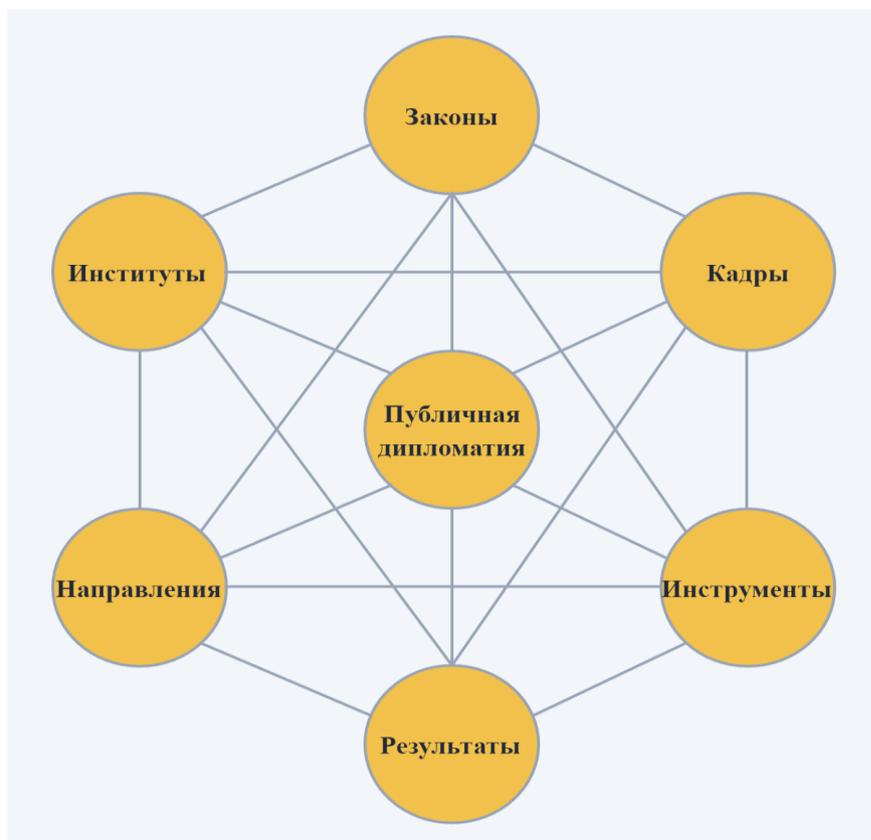

Рисунок 3 – Система организации публичной дипломатии США.

Источник: составлено автором.

С окончанием холодной войны и прекращением биполярного миропорядка роль публичной дипломатии в видении политического руководства США значительно изменилась. Она больше не имела статуса ключевого и необходимого инструмента стратегии утверждения глобального лидерства. Опьянение от победы в крупнейшем противостоянии, и в том числе в его мировоззренческом измерении³²⁹, отсутствие идеологических противников на международной арене³³⁰ и уверенность в том, что имидж США и превосходство продвигаемого ими на глобальном уровне нарратива, уже ничто не сможет поколебать – все эти факторы привели к преобразованиям, значительно

³²⁹ От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Отв. ред. Ф.Г. Войтоловский, Э.Г. Соловьев. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. 204 с.

³³⁰ Nakamura K.H., Weed M.C. U.S. Public Diplomacy: Background and Current Issues: report [Электронный ресурс]. Washington, D.C. Library of Congress, 2009. URL: <https://digital.library.unt.edu/ark:/67531/metadc627029/> (дата обращения: 28.07.2022).

изменившим институциональную структуру публичной дипломатии США и саму политтехнологию в целом.

В 1994 г. был принят закон «О международном вещании» (*International Broadcasting Act, 1994*), благодаря которому был учрежден Совет управляющих по вопросам вещания (*Broadcasting Board of Governors*) в составе ЮСИА, в юрисдикцию которого передавались все органы иновещания правительства США гражданского назначения³³¹. Позднее, в 1999 г., Информационное агентство США было расформировано, а его функции разделены между Госдепартаментом и Советом управляющих по вопросам вещания, ранее бывшем частью ЮСИА, который обрел статус независимого правительственного агентства, известного сегодня как Агентство США по глобальным медиа (*US Agency for Global Media*). Данное ведомство фокусируется на иновещании.

Именно с 1999 г. с появлением должности заместителя госсекретаря по вопросам публичной дипломатии и связям с общественностью (далее – сокр. госсекретаря по публичной дипломатии) (англ.: *Under Secretary for Public Diplomacy and Public Affairs, R*) термин «публичная дипломатия» начинает фигурировать в официальных правительственных документах США на постоянной основе. Замгоссекретаря по публичной дипломатии, таким образом, в современном организационном механизме занимает высшую в публичной дипломатии США руководящую должность. Сам он находится в подчинении у госсекретаря, который, в свою очередь, как член исполнительной власти отвечает перед президентом.

Тенденции кадровой политики на примере лиц, занимавших эту должность, являются одним из индикаторов процесса атрофии публичной дипломатии США постбиполярного периода. За 22 года существования должности заместителя госсекретаря по публичной дипломатии и связям с общественностью на этом посту сменилось 17 человек, восемь из которых являлись исполняющими обязанности заместителя госсекретаря и так и не были окончательно утверждены.

³³¹ The history of U.S. civilian international broadcasting [Электронный ресурс] // Official website of the Broadcasting Board of Governors. URL: <https://www.bbg.gov/who-we-are/history/> (дата обращения: 06.11.2018).

Для сравнения: за 46 лет функционирования ЮСИА должность его руководителя занимали 13 человек, среди которых не было ни одного исполняющего обязанности. В среднем заместители госсекретаря по публичной дипломатии сменяются чаще, чем это делали директора Информационного агентства США: средний срок на посту руководителя американской публичной дипломатии в период с 1999 г. по настоящее время составляет 13 месяцев, тогда как в период с 1953 по 1999 гг. – три с половиной года (в три раза больше). Более того, должность замгоссекретаря по публичной дипломатии и связям с общественностью оказывалась вакантна значительно чаще, чем кресло директора ЮСИА в прошлом: в совокупности за 22 года руководящий пост публичной дипломатии пустовал почти пять с половиной лет или четверть всего времени. Соответственно, в случае с ЮСИА за 46 лет истории агентства оно оставалось без директора в совокупности два с половиной года или 5,5% общего времени. Также наблюдается значительное снижение уровня образования и профессиональных характеристик³³². Все это сигнализирует о негативных тенденциях развития технологии: снижение квалификации высшего должностного лица в этой сфере, частая смена руководства и большие периоды времени, когда должность остается не занятой, указывают на низкую привлекательность соответствующего трудоустройства среди высококвалифицированных специалистов. Тот факт, что подобное положение сохраняется на протяжении десятилетий, в свою очередь, говорит о том, что эта ситуация не оценивается высшим политическим руководством как критически важная, а публичная дипломатия не имеет высокого приоритета в стратегическом видении.

В современной институциональной структуре заместитель госсекретаря по вопросам публичной дипломатии и связям с общественностью курирует четыре структурных подразделения: Бюро образовательных и культурных связей (англ. *Bureau of Educational and Cultural Affairs, ECA*); Бюро по связям с мировой общественностью (англ. *Bureau of Global Public Affairs, GPA*) (ранее – Бюро

³³² Артамонова У. Публичная дипломатия США “без лица” (Кадровый кризис постбиполярной эпохи) // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 12. С. 33-39.

международных информационных программ и Бюро по связям с общественностью); Центр глобального взаимодействия (англ. *Global Engagement Center, GEC*) и Отдел политики, планирования и ресурсов (англ. *Office of Policy, Planning, and Resources, R/PPR*). В его обязанности также входит обеспечение включения публичной дипломатии в работу региональных и функциональных бюро Государственного департамента, равно как и корректировка приоритетных задач публичной дипломатии с учетом деятельности этих бюро.

Бюро образовательных и культурных связей реализует профессиональные, спортивные, культурные и академические обменные программы; программы продвижения английского языка за рубежом; проекты поддержания контактов с бывшими выпускниками соответствующих программ. Также в ведении данного подразделения находится руководство сетью «Американских пространств» (*American Spaces*): американских центров, американских уголков, библиотек и бинациональных центров³³³. Таким образом, можно говорить о том, что данное подразделение фокусируется на инструментах публичной дипломатии, связанных с образованием и культурой. Стоит отметить отдельно, что в составе бюро есть Управление по политическим вопросам (англ. *Policy Unit*), в чьи задачи входит контроль за тем, чтобы реализуемые бюро программы соответствовали целям и задачам внешней политики США: управление выполняет аналитические функции, разрабатывая стратегии использования обменных программ и других зарубежных инициатив в качестве политических инструментов. Таким образом, сохраняются технологические черты публичной дипломатии США с точки зрения наличия обязательного политического целеполагания в основе деятельности и осуществления процессов по анализу, обобщению и оптимизации используемых приемов.

Также заслуживает внимание в составе Бюро образовательных и культурных связей Управление по вопросам государственно-частного партнерства, которое отвечает за привлечение к реализации публичной

³³³ Official webpage of the Bureau of Global Public Affairs. URL: <https://www.state.gov/the-creation-of-the-bureau-of-global-public-affairs/> (дата обращения: 01.01.2022).

дипломатии США частного сектора, НКО и академических институтов как в США, так и по всему миру. Разработка и имплементация этих проектов стратегического сотрудничества является современным воплощением одной из характерных черт публичной дипломатии США, которая была впервые нормативно закреплена в 1948 г. в законе Смита-Мундта – возможность для практически неограниченного расширения круга привлекаемых к реализации политических целей участников и источников ресурсов.

Появление *Бюро по связям с мировой общественностью* в 2019 г. стало крупнейшей реструктуризацией внутри Госдепартамента за предшествовавшие двадцать лет³³⁴: подразделение, исторически отвечавшее за связи с общественностью – за процесс разъяснения внешней политики США и работы Госдепартамента американскому народу, к сильным сторонам которого относились конкретные приемы коммуникации с аудиториями и привлечение заинтересованных лиц; и подразделение, в ведении которого находилось информационное сопровождение внешней политики США за рубежом (наследие ЮСИА), к чьим сильным сторонам относились аналитическая деятельность и создание контента, были объединены в единую структуру, среди задач которой: подробное разъяснение конкретных политических решений или инициатив правительства США, достижение изменений в поведении целевой аудитории по конкретному вопросу, формирование более положительного отношения к США в массовом сознании³³⁵.

Бюро по связям с мировой общественностью реализует скоординированную стратегию глобальной коммуникации в рамках достижения целей внешней политики США и в соответствии с приоритетами, обозначенными Государственным департаментом. В задачи бюро входит определение ключевых

³³⁴ The creation of the Bureau of Global public affairs [Электронный ресурс]. U.S. Department of State, 2019. URL: <https://2017-2021.state.gov/the-creation-of-the-bureau-of-global-public-affairs/index.html> (дата обращения: 31.05.2022).

³³⁵ 2021 Comprehensive annual report on public diplomacy and international broadcasting [Электронный ресурс]. US Advisory Commission on Public Diplomacy, 2022. URL: <https://www.state.gov/2021-comprehensive-annual-report-on-public-diplomacy-and-international-broadcasting-2/> (дата обращения: 31.05.2022).

целевых групп внутренней и иностранной аудитории, проведение целевых информационных кампаний, сотрудничество с глобальными медиа и снабжение загранпредставительств необходимыми материалами и иными формами поддержки для эффективного вовлечения и информирования иностранной общественности. Бюро также несет ответственность за формулирование и поддержание основополагающего нарратива, на базе которого формировалось бы восприятие иностранной общественностью внешней политики США и американских ценностей.

У данного бюро в составе четыре рабочие группы: группа разработки контента (англ. *Content team*); группа цифрового обеспечения (англ. *Digital strategy team*), в ведении которой цифровые каналы и форматы распространения информации; группа работы со СМИ (англ. *Media strategy team*), отвечающая за все вопросы, связанные с прессой; и аналитическая группа (англ. *Research and analytics team*), которая обеспечивает все предыдущие экспертизой и стратегической аналитикой. В юрисдикции данного бюро действует и официальный представитель Госдепартамента. Таким образом, данное бюро специализируется на информационном направлении публичной дипломатии, за исключением иновещания, которое находится в ведении Агентства США по глобальным медиа.

Центр глобального взаимодействия является одной из новейших структурных единиц в системе институтов американской публичной дипломатии. Он был создан в 2016 г. и представляет собой орган, координирующий усилия федерального правительства, касающиеся распознавания, понимания и разоблачения пропаганды и дезинформации других государств (направленной на иностранную общественность за пределами США), которая может повлиять на (или нанести вред) стабильность, безопасность, либо политику США, их партнеров и союзников; а также координирующий усилия по противодействию соответствующим техникам.

Как отмечают Н. А. Цветкова и И. В. Федорова, покидая пост президента Б. Обама существенно расширил полномочия данного подразделения, добавив

«проактивную» функцию по производству и распространению, в частности, антироссийской пропаганды в соцсетях³³⁶. По сути, миссия Центра сводится к выявлению тенденций в мировом информационном пространстве, которые не соответствуют национальным интересам США, т.н. «нарративов дезинформации и пропаганды враждебных государств и негосударственных акторов», а также в осуществлении превентивных действий – распространении нарративов, которые предупредят усилия противника и сделают их, таким образом, бессмысленными³³⁷.

В своей работе центр синтезирует методы анализа больших данных, технологии маркетинга, академическую экспертизу и инструменты частного сектора. Среди его сотрудников есть госслужащие, дипломаты, представители межведомственных правительственных структур и частного сектора. Основной фокус Центра глобального взаимодействия – упорядочивание практикуемых методик контрпропаганды и сведение к минимуму дублирования прилагаемых усилий.

В настоящий момент у Центра есть четыре основных прикладных направления, реализуемые четырьмя рабочими группами для противодействия угрозам (англ. *Threat teams*): российская группа, китайская группа, иранская группа и группа международного терроризма. Каждая группа, соответственно, уполномочена противодействовать информационным кампаниям и экспансии нарративов из определенного источника (в первых трех случаях источник определяется конкретным государством, а в четвертом – экстремистскими группировками). Таким образом, как элемент институциональной структуры публичной дипломатии США Центр глобального взаимодействия наглядно иллюстрирует сразу несколько характерных для политтехнологий черт:

³³⁶ Цветкова Н.А., Федорова И.В. Преемственность и новые направления публичной дипломатии Д. Трампа (2017–2018) // Россия и Америка в современном глобальном мире: Сборник докладов XXVII Российско-американского семинара в СПбГУ. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2020. С. 198-205.

³³⁷ H.R.5681 115th Congress (2017-2018): Global Engagement Center Authorities Act of 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/5681/text> (дата обращения: 01.01.2022).

стремление к обобщению практического опыта и его оптимизации, а также четкую связь с реальными политическими событиями и вызовами, что видно по выбору основных источников угроз в информационной сфере и совпадению этого выбора с общими тенденциями внешней политики США. Более того, деятельность рабочих групп также демонстрирует высокий уровень адаптивности к изменениям в глобальной политике: если до 2019 г. фокус усилий российской группы по противодействию информационным кампаниям и нарративам российского геноза лежал на европейском регионе, а с 2019 г. к нему добавились также Латинская Америка и Субсахарская Африка, что весьма логично с учетом обострения политического кризиса в Венесуэле в начале 2019 г. и подписания соглашения о военном сотрудничестве между Россией и Мали в том же году.

Отдел политики, планирования и ресурсов имеет большое значение в структуре институтов публичной дипломатии, так как является одним из ключевых элементов механизма разработки стратегии для реализации соответствующих целей и задач³³⁸. В отдел входят два управления: ресурсов (англ. *Resources Directorate*) и политического планирования (англ. *Policy and Planning Directorate*). Деятельность первого, помимо прочего, направлена на грамотное распределение финансирования в соответствии с приоритетами национальной безопасности, материально-техническое обеспечение и кадровую политику. Второе, в свою очередь, осуществляет долгосрочное стратегическое планирование, аналитическое обеспечение политтехнологии и постоянно оценивает потенциал и эффективность отдельных программ публичной дипломатии.

Вторым ключевым институтом американской публичной дипломатии после Госдепартамента является *Агентство США по глобальным медиа*. Его миссия заключается в том, чтобы «информировать иностранную общественность, взаимодействовать с ней и устанавливать контакты между народами в контексте

³³⁸ Артамонова У.З. Механизм выработки стратегии публичной дипломатии во внешней политике США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2020. Т. 50, № 4. С. 109-119.

поддержки свободы и демократии»³³⁹. В его состав входят две медийные государственные структуры федерального значения – «Голос Америки» и Офис кубинского вещания. Также агентство осуществляет общее руководство и надзор за четырьмя грантополучателями: «Радио Свобода/Свободная Европа», «Радио Свободная Азия», Ближневосточная сеть вещания и Фонд открытых технологий. Все перечисленные структурные единицы за исключением последней являются инструментами американского иновещания и информационного направления публичной дипломатии США. Что касается Фонда открытых технологий, его деятельность посвящена поддержке новых технологий, что позволяет распространять свободный доступ к интернету по всему миру и противостоять ограничительным мерам в данной области, вводимым правительствами некоторых стран. В первую очередь это ориентировано на обеспечение возможности журналистов Агентства США по глобальным медиа входить в контакт с иностранной аудиторией³⁴⁰.

Управление Агентством осуществляет генеральный директор, ответственный как за технические, так и за административные вопросы, а также за общую стратегию организации и ежедневное руководство ее деятельностью. Его кандидатура выдвигается и утверждается президентом с одобрения Сената. Таким же образом происходит назначение четырех из пяти участников Консультативного комитета по международному вещанию, пятым членом которого в обязательном порядке является госсекретарь. Данное объединение, соответственно, выполняет консультативные функции для генерального директора.

Стоит отметить, что подобная структура руководства сформировалась сравнительно недавно в результате реформы, инициированной в период президентства Б. Обамы. В 2015 г. была учреждена должность исполнительного директора Совета управляющих вещанием (прим. автора – предыдущее название

³³⁹ Official website of the US Agency for Global Media [Электронный ресурс]. URL: <https://www.usagm.gov/who-we-are/mission/> (дата обращения: 01.01.2022).

³⁴⁰ Ibid.

агентства)³⁴¹. В дальнейшем реструктуризация Совета управляющих вещанием стала частью законопроекта оборонного бюджета США на 2016 г., одобренного и подписанного президентом Б. Обамой в 2016 г.³⁴². К генеральному директору перешли полномочия, которые в прошлом лежали на Совете управляющих – комиссии, состоявшей из девяти участников, представляющих обе партии. Суть реформы, таким образом, сводилась к централизации руководства и упрощению процедуры внедрения стратегического видения президента по вопросам публичной дипломатии в деятельность института, ответственного за иновещание: все основные полномочия по управлению агентством оказались сосредоточены в руках директора, назначаемого непосредственно главой государства³⁴³ (рисунок 4).

³⁴¹ В США идет реорганизация органов иновещания [Электронный ресурс] // Служба новостей «Голоса Америки». 2016. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/cn-bbg-restructuring/3636079.html> (дата обращения: 01.01.2022).

³⁴² Obama Signs New Law Restructuring U.S. International Media [Электронный ресурс] // RFE/RL. 2016. URL: <https://www.rferl.org/a/obama-signs-law-restructuring-us-international-media-voa-rferl-board-governors/28194511.html> (дата обращения: 01.01.2022).

³⁴³ Цветкова Н.А. Информационное сдерживание России: новые перспективы в публичной дипломатии США // Труды кафедры американских исследований: Памяти Нины Владимировны Бахаревой / Под ред. Б.А. Ширяева, Н.А. Цветковой, Ю.К. Богуславской. СПб.: Скифия-принт, 2019. С. 136-142.

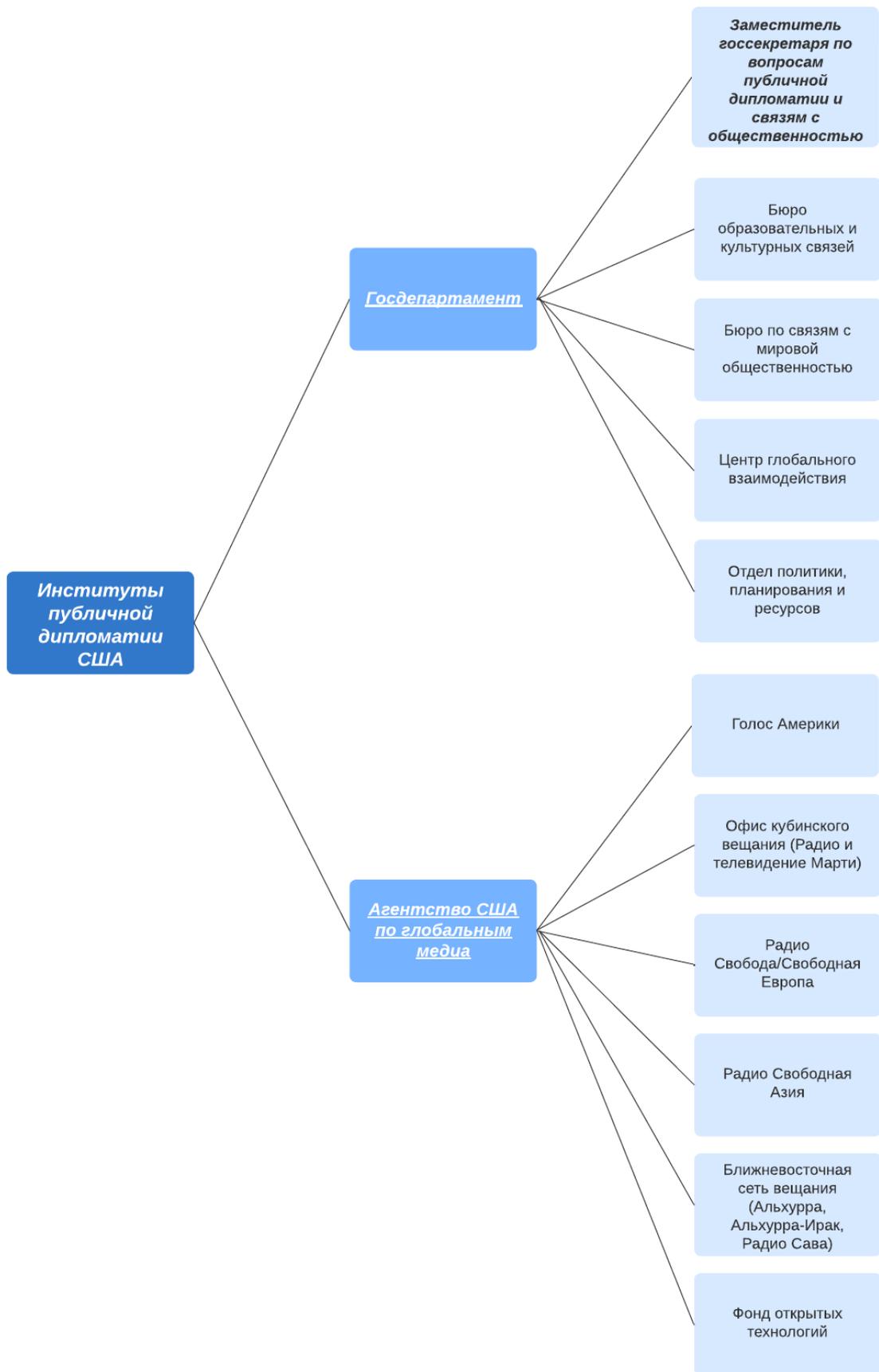

Рисунок 4 – Формальная структура институтов публичной дипломатии США.

Источник: составлено автором.

2.3 Выводы по главе 2

Оформление организационного механизма публичной дипломатии США в значительной степени пришлось на период холодной войны и биполярного миропорядка. С каждым принятым законодательным актом функции публичной дипломатии формулировались все более четко; полномочия ответственных должностных лиц детализировались; источники финансирования стабилизировались; потенциальная целевая аудитория соответствующей деятельности расширялась; число исполнителей, которых можно было привлекать к реализации задач, увеличивалось; формировался механизм постоянного повышения эффективности через систему контроля и оценки.

Сложившаяся законодательная база демонстрирует высокий приоритет публичной дипломатии во внешнеполитическом видении руководства страны на момент принятия соответствующих нормативно-правовых актов. Федеральный бюджет стал на постоянной основе основным источником финансирования, невзирая на узаконенную возможность использования дополнительных альтернативных источников. Законодательством предусматривается использование весьма широкого спектра ресурсов для реализации публичной дипломатии. С одной стороны, существует возможность делегирования соответствующих полномочий в любые госструктуры, а также привлечения к соответствующей деятельности любых госслужащих, чье участие госсекретарь сочтет необходимым. Помимо этого, предусмотрено максимально возможное привлечение к реализации публичной дипломатии частного сектора, что дает возможность обеспечивать участие в процессе реализации публичной дипломатии крайне широкого круга акторов. Институциональная структура в период биполярности в тенденциях своего развития в целом соответствовала тенденциям оформления законодательной базы: от формирования институтов для реализации соответствующих функций до их постепенной консолидации в едином ведомстве и, соответственно, централизации управления публичной дипломатии.

Однако после окончания холодной войны развитие законодательной базы оказалось практически заморожено (не считая принятия новой редакции закона Смита-Мундта в 2013 г., ключевым новшеством которой была отмена запрета давать с территории США доступ к материалам, относящимся к реализуемой публичной дипломатии: иновещанию, описанию программ и т.п.), более современных нормативно-правовых актов, которые имели бы критическое значение для организационного механизма публичной дипломатии США принято не было. Этот факт совместно с рядом тенденций в преобразованиях институтов публичной дипломатии США, произошедших в последние десятилетия, позволяет говорить об атрофии политической технологии и системном кризисе.

Институциональная структура публичной дипломатии США постбиполярного периода была фактически сформирована в 1999 г. под влиянием изменений внешнеполитического видения руководства страны после окончания холодной войны. Разделение функций ЮСИА между Госдепартаментом и Агентством США по глобальным медиа означало нивелирование успехов максимальной консолидации всех функций, что привело к усложнению задачи по координации и оптимизации усилий в реализации различных направлений публичной дипломатии. Поглощение значительной части ЮСИА Госдепартаментом также демонстрировало формальное понижение статуса публичной дипломатии с полноценной политической технологии, для обеспечения которой существовала отдельная организация. Внутри Госдепартамента публичная дипломатия трансформировалась в один из многочисленных аспектов внешней политики. Соответствующая негативная тенденция нашла отражение в проблемах в области кадрового обеспечения публичной дипломатии США и регулярного кризиса руководства в этой сфере.

Что касается преобразований и реформ в системе институтов публичной дипломатии США после 1999 г., нельзя не отметить, что в первую очередь они носили разрозненный и спорадический, а не комплексный и последовательный характер. Таким образом, как политическая технология публичная дипломатия США после окончания холодной войны оказалась не способна в полной мере

реализовать функцию «самонастройки»: изменения в формальной структуре публичной дипломатии, продиктованные трансформацией внешних и внутренних политических факторов, происходили, однако системная организация технологии от этого не оптимизировалась, а напротив, атрофировалась (рисунок 5).

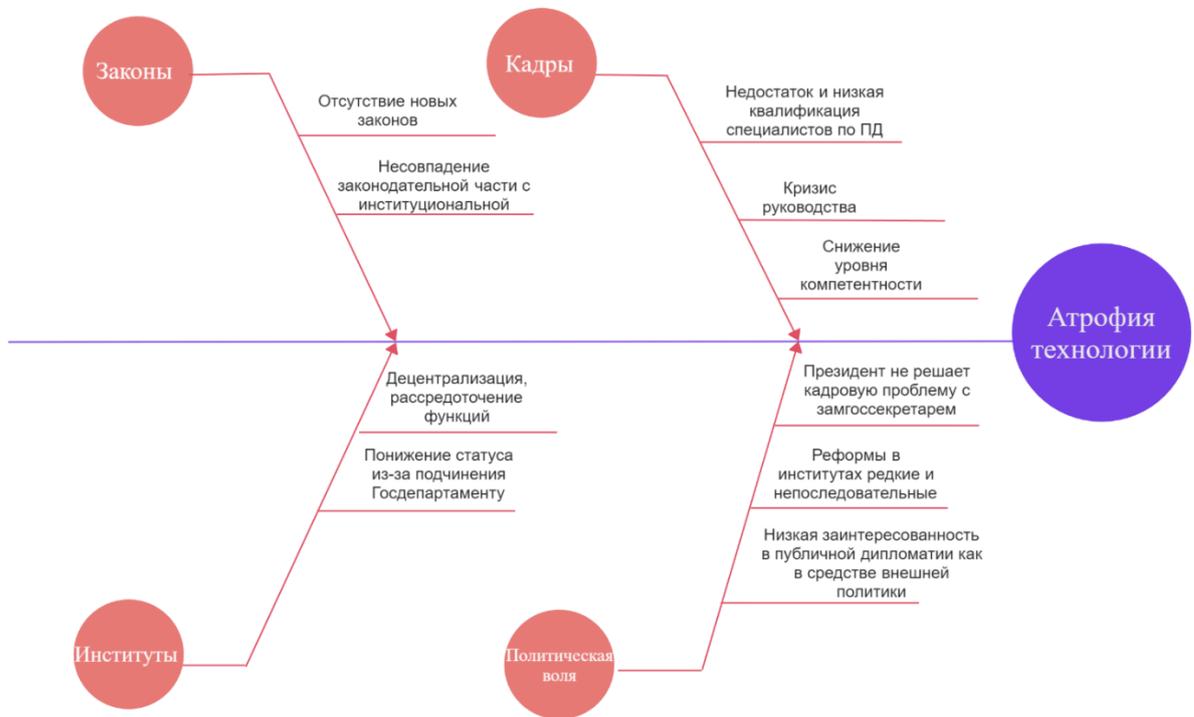

Рисунок 5 – Системный кризис организации публичной дипломатии США.

Источник: составлено автором.

ГЛАВА III. ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ США

Механизм реализации является столь же неотъемлемым компонентом публичной дипломатии США (в значении технологии внешней политики), как и механизм организации. Именно в нем объединены отдельные приемы воздействия на иностранное общественное мнение и техники влияния, обобщение опыта использования которых стало одним из фундаментальных шагов в направлении рационализации соответствующей деятельности в рамках придания ей определенной формы и последовательности действий для оформления политтехнологии.

Приоритетные направления публичной дипломатии США в значительной степени определяются соответствующей нормативно-правовой базой. В законе Смита-Мундта 1948 г. обозначены две основные задачи публичной дипломатии США: содействие ознакомлению иностранной общественности с информацией о США и укрепление взаимопонимания между американским народом и народами других стран. История развития институциональной структуры публичной дипломатии США также отличается характерным разделением на два основных вектора: идет ли речь о двух ведомствах или о двух подразделениях внутри ведомства, одно всегда преимущественно фокусируется на долгосрочных целях с использованием обменных программ, образовательных инициатив, культурно-просветительских проектов; а другое – на краткосрочных целях, прибегая к помощи теле- и радиовещания, организации информационных кампаний, взаимодействия с прессой.

Современная институциональная структура публичной дипломатии США, разделяющая функции между двумя ключевыми ведомствами – Госдепартаментом и Агентством США по глобальным медиа, частично отражает эту двойственность. Основным звеном в структуре подразделений Госдепартамента соответствующего профиля является Бюро образовательных и культурных связей. Несмотря на существование внутри Госдепартамента еще и

Бюро по связям с мировой общественностью и Центра глобального взаимодействия, миссия которых связана с реагированием на ситуацию в режиме реального времени, а значит, ориентирована больше на краткосрочные цели и информационное воздействие (или в случае Центра – также контринформационное воздействие), тот факт, что более 80% финансирования публичной дипломатии внутри Госдепартамента выделяется на Бюро образовательных и культурных связей³⁴⁴, позволяет говорить о доминировании соответствующего направления внутри Госдепартамента.

Аналогичное положение дел характеризует Агентство США по глобальным медиа. Являясь вторым ключевым институтом современной публичной дипломатии США, а также структурой, чья деятельность непосредственно посвящена инновещанию и информированию иностранной общественности, агентство тем не менее реализует некоторые виды деятельности, ориентированные на долгосрочные цели, которые имеют нечто общее с категориями образования и культуры: например, образовательные радиопрограммы «Голоса Америки» или стратегия распространения американской поп-музыки через Ближневосточную сеть вещания. Однако основные усилия агентства сосредоточены на информационных видах деятельности.

В рамках этого исследования выделяется три приоритетных направления реализации: образовательно-просветительское, информационно-агитационное и культурно-развлекательное. Авторская типология опирается в том числе на труд Гиффорда Малоуна, в котором он определял публичную дипломатию как собирательное и описательное название для деятельности государства, направленной за рубеж, в области информации, образования и культуры, а также

³⁴⁴ Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting 2021 [Электронный ресурс] // United States Advisory Commission on Public Diplomacy. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/03/2021-ACPD-Annual-Report-508-WEB.pdf> (дата обращения: 11.01.2022).

как международную информационную, образовательную и культурную деятельность США в мирное время³⁴⁵.

Первое направление будет обозначено как «образовательно-просветительское», оно объединяет в себе техники и приемы публичной дипломатии, которые связаны со сферами образования, культуры и науки: от обменных студенческих программ до межгосударственного научного сотрудничества, от американских центров и библиотек за рубежом до участия американского искусства в международных выставках и фестивалях. В связи с многообразием соответствующих практик было принято решение включить в формулировку названия этого направления публичной дипломатии США эпитет «просветительское», так как он позволяет охватить аспекты, не подпадающие строго под категорию образования: связанные с наукой, культурой, искусством и т.п.

Все техники и приемы этого направления объединяет их «медленный» характер. Это те элементы политтехнологии, которые, во-первых, требуют длительного планирования с привлечением экспертной аналитики широкого профиля. Во-вторых, процесс реализации техник и практик от запуска проекта до получения результата характеризуется как долгосрочный, потому что это направление фокусируется на той задаче, которая в нормативных документах обозначается как «культивация взаимопонимания между народами». Соответственно, речь идет о тех приемах воздействия на иностранное общественное мнение, которые призваны не изменить конкретное поведение в данный момент, а трансформировать систему убеждений и ценностей с перспективой получения ощутимого результата через много лет. В-третьих, долгий процесс планирования и длительная реализация приводят к тому, что в случае успеха эффект от соответствующих техник также сохраняется в долгосрочной перспективе.

³⁴⁵ Malone G.D. Political Advocacy and Cultural Communication: Organizing the Nation's Public Diplomacy. Lanham, MD: University Press of America, 1988. 162 p.

Второе приоритетное направление публичной дипломатии США было решено обозначить как «информационно-агитационное». При выборе формулировки была учтена недостаточность эпитета «информационный» для передачи технологического смысла, вкладываемого в название направления публичной дипломатии США, поскольку те приемы и техники, которые оно включает нацелены не только и не столько на распространение информации или информирование аудитории, сколько на получение от этих процессов определенного политически значимого результата. При выборе дополнительного эпитета «агитационный» за основу принимались такие определения термина «агитация», как «деятельность, имеющая целью распространение в обществе известного настроения, воззрений в пользу какой-нибудь идеи или предприятия»³⁴⁶ и «деятельность, преследующая цель убедить кого-нибудь в чем-нибудь, склонить к чему-нибудь»³⁴⁷. Помимо этого, эпитет «агитационный» был выбран нами в качестве наиболее подходящего эквивалента английского термина «*advocacy*», которым западные эксперты часто обозначают направление публичной дипломатии, связанное с «быстрыми» инструментами: прессой, иновещанием и официальным информационным сопровождением внешней политики³⁴⁸. В свою очередь, «*advocacy*» определяется как «любое действие, направленное на поддержку, отстаивание или продвижение какой-либо идеи, плана, политического решения и т.п.»³⁴⁹.

Информационно-агитационное направление, среди основных задач которого – знакомство иностранной аудитории с информацией о США и с позицией США по значимым для американских внешнеполитических интересов вопросам, рассчитано преимущественно на реализацию кратко- и среднесрочных целей с помощью «быстрых» инструментов: официальных заявлений, ведения

³⁴⁶ Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка: материалы для лексической разработки заимствованных слов в рус. лит. речи: м портр. и краткой биогр. А.Н. Чудинова / Сост. под ред. А.Н. Чудинова. СПб.: В. И. Губинский, [1910]. 676 с.

³⁴⁷ Толковый словарь иностранных слов Л.П. Крысина. М: Русский язык, 1998. 846 с.

³⁴⁸ См., напр., Leonard M., Small A., Rose M. Op. cit.; Cull N. Public Diplomacy: Taxonomies and Histories. P. 31-54.

³⁴⁹ Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus. Cambridge University Press, 2008. 1799 p.

аккаунтов в социальных сетях, теле- и радиовещания, взаимодействия с прессой в различных форматах, проведения целенаправленных информационных кампаний и т.д. Соответствующие техники и приемы воздействия относятся к инструментам тактического реагирования: они не требуют длительной разработки, так как существует относительно универсальный базовый набор средств для применения в конкретных ситуациях. В сфере информационно-агитационного направления находится кризисный менеджмент в информационном пространстве (нивелирование, например, резко негативной реакции в иностранном общественном мнении, вызванной каким-то заявлением политического руководства США), лоббирование политических инициатив (обеспечение информационной поддержки за рубежом в контексте подписания, например, двустороннего соглашения) и т.д. Соответственно, процесс реализации этих техник также менее длителен, чем приемы образовательно-просветительского направления: как правило, задача, для решения которой они применяются, требует быстрого реагирования и мгновенного результата. Однако это также означает, что и эффект от приемов информационно-агитационного направления краткосрочен: оказываемое на иностранное общественное мнение влияние носит поверхностный и ограниченный характер, если воздействие не повторяется регулярно³⁵⁰.

В рамках этого исследования было признано целесообразным выделить также третье – не столь очевидное по институциональной структуре и законодательной базе, но не менее значимое направление публичной дипломатии США, которое будет обозначено как *«культурно-развлекательное»*. Спектр потенциальных инструментов крайне широк и может включать в себя продукцию кинематографа, развлекательные тематические парки, популярную музыку, художественную литературу, товары с символикой определенных брендов, компьютерные игры и т.п. в той степени, в которой все эти элементы оказывают влияние на международное общественное мнение о США в положительном ключе и помогают продвижению нарративов, имеющих критическое значение для

³⁵⁰ Крысько В.Г. Указ. соч.

американских национальных интересов и национальной безопасности. Чтобы подчеркнуть вариативность составляющих этого направления в формулировке названия направления был выбран эпитет «культурное», который в данном случае апеллирует к массовой культуре, так как в отличие от классического понимания культуры это понятие позволяет включить в себя элементы культуры быта, культуры потребления, то есть в том числе товары и услуги. Эпитет «развлекательное», в свою очередь, был добавлен чтобы подчеркнуть вышеупомянутую специфику, а также указать на основной принцип воздействия, лежащий в основе практик, попадающих в категорию этого направления публичной дипломатии США: массовая культура в своем развлекательном измерении позволяет установить контакт с самыми разными группами иностранной общественности вне зависимости от таких факторов, как пол, возраст, национальность, вероисповедание, политические предпочтения.

Стоит оговорить, что в данном случае, как и всегда в контексте политтехнологий, речь не идет о рассмотрении перечисленных элементов вне контекста политического целеполагания. Они могут рассматриваться как инструменты публичной дипломатии только в том случае, если задействованы в определенной технике или приеме воздействия на общественное мнение, которые встроены в общие алгоритмы решения задач публичной дипломатии США.

У культурно-развлекательного направления есть несколько принципиальных отличий от двух других направлений. Во-первых, оно относится к тем элементам рассматриваемой политической технологии, которые в наименьшей степени формализованы и нормативно закреплены. Этот факт делает применяемые в рамках направления техники и приемы в большей степени подверженными влиянию креативных тенденций, импровизации и, как следствие, развития в целом. Однако нельзя утверждать, что соответствующее направление полностью автономно от организационного механизма публичной дипломатии: это противоречило бы принципам устройства политтехнологий, которые требуют хотя бы минимального нормативного закрепления. В этом случае такую роль выполняют те положения законодательной основы публичной дипломатии США,

которые предусматривают возможность привлечения в случае необходимости максимально широкого спектра ресурсов и акторов для реализации целей публичной дипломатии, в том числе из частного сектора.

Из этого вытекает вторая особенность: значительная доля участия коммерческой сферы в реализации этого направления. При этом форматы взаимодействия между ней и государственным сектором (инициатором планирования публичной дипломатии) оформлялись в рамках одного из типичных для становления политтехнологий подходов: обобщения практического опыта и придания ему новых форм в рамках рационализации и повышения эффективности, в связи с чем речь идет о взаимовыгодном сотрудничестве правительственных структур и частного сектора, которое обретает черты составного элемента публичной дипломатии.

Наконец, из-за своей специфики культурно-развлекательное направление, не будучи строго зафиксированным в институциональной структуре механизма, касается наиболее завуалированных и опосредованных приемов и техник реализации публичной дипломатии. С одной стороны, это придает ему комплементарный характер в отношении других направлений, оно ориентировано на внесрочные задачи, процесс планирования в этом случае нельзя назвать ни скорым, ни долгим – он, скорее, спорадический, так как в большей степени определяется «самонастройкой» технологии, нежели целенаправленной аналитикой. При этом процесс реализации до достижения результата также нельзя поставить в хронологические рамки, так как применение соответствующих инструментов может одновременно рассматриваться как в контексте решения долгосрочных стратегических задач наравне с другими «медленными» инструментами, так и в контексте тактических кратко- и среднесрочных задач вместе с «быстрыми» инструментами. Длительность сохранения эффекта сложно предсказать по этой же причине, а еще из-за выдающейся субъектности этого направления, диктуемой упомянутой высокой для политтехнологий степенью креативности и импровизации. Однако, с другой стороны, по всем тем же причинам в культурно-развлекательном направлении публичной дипломатии

США заложен крайне высокий потенциал успешности, так как его технологическая природа в наименьшей степени заметна, что при воздействии на массовое сознание дает соответствующим техникам и приемам преимущество.

Направления реализации публичной дипломатии, таким образом, представляют достаточно широкие исследовательские категории. В рамках данного исследования невозможно проанализировать все инструменты (в значении «средство, способ достижение чего-либо»), применяемые в рамках каждого направления. Поэтому каждое из трех приоритетных направлений публичной дипломатии США будет проанализировано на примере одного инструмента: обменных программ под эгидой Госдепартамента США, иновещания и американского кинематографа.

С целью сохранить технологический фокус при анализе этих инструментов, поскольку в качестве инструментов публичной дипломатии США они могут быть рассмотрены только при условии их восприятия в качестве структурных элементов политтехнологии, будет применена авторская матрица критериев, призванных проявить функциональное предназначение каждого из инструментов в системе публичной дипломатии США: а) *принцип воздействия*; б) *техники*; в) *целевая аудитория*; г) *оказываемый эффект*; д) *уровень политизированности*.

Принцип воздействия – это критерий, обеспечивающий, что каждый рассматриваемый инструмент возможно анализировать с точки зрения целенаправленного воздействия на людей, которое оказывает государство с его помощью в рамках публичной дипломатии. *Техника* (понимаемая как совокупность навыков и приемов в каком-либо виде деятельности) – это более узкое понятие, чем технология, соответственно, этот критерий служит для выделения нескольких конкретных способов оказания воздействия, задействованных каждым инструментом публичной дипломатии. *Целевая аудитория* – это критерий, позволяющий сопоставить разные инструменты в рамках одной политической технологии по принципу того, на кого они ориентированы. Специфика целевой аудитории помогает при анализе целей и задач политической технологии, а границы целевой аудитории – при анализе

масштаба технологии. *Оказываемый эффект* (подразделяемый на эффекты узкой и широкой направленности) – это критерий, позволяющий проанализировать инструменты публичной дипломатии с точки зрения потенциального или реального результата их применения. *Уровень политизированности* – это особо значимый критерий для анализа инструментов политической технологии, позволяющий дифференцировать инструменты публичной дипломатии по данному признаку, но вместе с тем подчеркивающий, что отсутствие политизированности в каком-либо из них невозможно из-за политико-технологических характеристик публичной дипломатии.

3.1 Обменные программы

Образовательно-просветительское направление публичной дипломатии США будет рассмотрено на примере такого инструмента, как обменные программы под эгидой Госдепартамента. Во-первых, это одна из старейших практик, из обобщения которых в XX в. оформилась технология публичной дипломатии США. Н. А. Цветкова упоминает о нескольких обменных программах между США и Кубой, а также США и Китаем, организованных Государственным департаментом в конце XIX в., после американо-испанской войны 1898 г.³⁵¹, как о первых подобных инициативах. Первые шаги в направлении формального закрепления соответствующих практик в структуре государственных институтов США относятся к 1938 г. и созданию Отдела культурных связей в Госдепартаменте³⁵², который еще не занимался реализацией программ, но всячески поощрял подобные инициативы среди фондов, университетов и колледжей³⁵³. С началом холодной войны и стартом процесса становления публичной дипломатии США как политтехнологии, начался так называемый

³⁵¹ Цветкова Н.А. Указ. соч. С. 378-394.

³⁵² Administrative Timeline of the Department of State [Электронный ресурс] // Official website of the US Department of State. URL: <https://history.state.gov/departmenthistory/timeline/1930-1939> (дата обращения: 06.11.2018).

³⁵³ Espinosa J.M. Inter-American Beginnings of U.S. Cultural Diplomacy, 1936-1948 [Электронный ресурс] // Cultural Relations Programs of the U.S. Department of State: Historical Studies. 1976. № 2. 360 p. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED150051.pdf> (дата обращения: 06.11.2018).

золотой век международных обменов³⁵⁴. Надо отметить, что обменные программы, оказавшись в системе составных элементов политтехнологии, стали подвержены общим тенденциям развития публичной дипломатии США.

В частности, определенный упадок этого направления был отмечен в конце 1960-х – первой половине 1970-х гг., это было причиной не только разногласий между основным лоббистом обменных программ – сенатором Фулбрайтом и администрацией Л. Джонсона, но и политическим курсом администрации Р. Никсона, нацеленной на нивелирование компонента идейного антагонизма с СССР в стратегическом видении, что повлекло за собой, как уже отмечалось, определенное понижение статуса публичной дипломатии в арсенале критически значимых технологий внешней политики США. Соответственно, период президентства Р. Рейгана, отличавшийся повышенным интересом политического руководства США к публичной дипломатии, имел также положительные последствия для обменных программ: именно за годы президентства Р. Рейгана и его преемника Дж. Буша-старшего уровень государственного финансирования обменных программ в США (с поправкой на инфляцию³⁵⁵) впервые сравнялся с таковым до масштабных сокращений 1969 г.

Общая негативная тенденция, овладевшая публичной дипломатией США в 1990-е гг. в связи с окончанием холодной войны затронула в том числе обменные программы, и даже подъем активности в этой сфере, последовавший за террористической атакой 11 сентября 2001 г., по мнению ряда экспертов³⁵⁶, не вернул той изначальной приверженности использованию обменных программ для реализации стратегических целей публичной дипломатии по культивации международных связей для создания сети единомышленников в долгосрочной

³⁵⁴ Tournès L., Scott-Smith G. *Global Exchanges. Scholarships and Transnational Circulations in the Modern World*, New York- Oxford, Berghahn, 2018, 344 p.

³⁵⁵ United States General Accounting Office (GAO), Report to the Chairman, Committee on the Budget, House of Representatives: US Information Agency: Options for Addressing Possible Budget Reductions, GAO/NSIAD-96-179 [Электронный ресурс]. Washington, DC: GAO, 1996. "URL: <http://www.gao.gov/assets/160/155584.pdf> (дата обращения: 01.01.2022).

³⁵⁶ Atkinson C. *Global networks, soft power and the US military* // Tournès L., Scott-Smith G. *Global Exchanges. Scholarships and Transnational Circulations in the Modern World*. New York- Oxford, Berghahn, 2018. P. 262-275.

перспективе, потому что большее внимание обращалось на решение задач тактического характера: например, увеличение числа военных обменных программ в контексте укрепления национальной безопасности перед лицом глобальной террористической угрозы или увеличение финансирования обменных программ, нацеленных на мусульманские регионы, для преодоления волны негатива в локальном общественном мнении, последовавшей за вторжением вооруженных сил США в Афганистан и Ирак.

В современной институциональной структуре публичной дипломатии США обменные программы относятся к сфере ответственности Бюро образовательных и культурных связей Госдепартамента США. И это вторая причина выбора данного инструмента в качестве исследуемого примера, так как таким образом станет возможным проанализировать роль в реализации публичной дипломатии США непосредственно американского внешнеполитического ведомства, которое представляет собой ключевой на данном этапе институт в формальной структуре американской публичной дипломатии.

Миссия Бюро образовательных и культурных связей заключается в разработке и реализации обменных программ, направленных на достижение целей внешней политики и национальной безопасности США через установление и поддержание взаимопонимания с другими странами³⁵⁷. Среди его официальных задач: обеспечение американского глобального лидерства; поддержание конкурентного преимущества США в мире; противодействие дезинформации, исходящей от иностранных правительств; и продвижение американских ценностей за рубежом³⁵⁸.

Принцип воздействия данного инструмента публичной дипломатии США заключается в том, что посредством программ обменов осуществляются поездки

³⁵⁷ Bureau of Educational and Cultural Affairs [Электронный ресурс]: official web site. URL: <https://www.state.gov/about-us-bureau-of-educational-and-cultural-affairs/> (дата обращения: 01.01.2022).

³⁵⁸ Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting 2020 [Электронный ресурс] // United States Advisory Commission on Public Diplomacy. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2021/08/ACPD_2020Report_FINAL_DIGITAL_508-1.pdf (дата обращения: 11.01.2022).

иностранцев в США и, наоборот, благодаря чему устанавливаются личные контакты между представителями народов, а продолжительность периода взаимодействия позволяет им обмениваться опытом, идеями, взглядами и, как следствие, улучшить взаимопонимание. Таким образом, с точки зрения психологического воздействия на сознание личности или группы людей обменные программы можно отнести к категории «контактных» средств³⁵⁹. Контактное воздействие в целом считается наиболее эффективным из-за элемента обратной связи – возможности оценивать реакцию объекта воздействия в процессе и корректировать практику соответствующим образом. Помимо этого, контактный характер обменных программ дает возможность как можно лучше продемонстрировать иностранцам Соединенные Штаты: образ жизни, профессиональные практики, мировоззрение, государственное и социальное устройство.

Можно выделить два основных вида *техник*, которые применяются при использовании данного инструмента: *академические обменные программы* (для школьников, студентов и ученых, подразумевающие учебный процесс и/или исследовательскую деятельность; к этой же категории относятся программы продвижения за рубежом английского языка) и *общегражданские обменные программы* (для представителей сферы искусства, спортсменов, молодежи и профессионалов, связанные со стажировками и иной деятельностью, носящей профессиональный, а не учебный характер). Программы также различаются по способу реализации. Одни полностью реализуются самим Бюро, другие – совместно с партнером (неправительственной/некоммерческой организацией, иностранным правительством, иностранным университетом и т.д.), а некоторые Бюро лишь финансирует косвенно, выделяя финансирование соответствующим неправительственным организациям (например, *Hollings Center, East-West Center, Solidarity Center* и пр.). В таких случаях Бюро контролирует финансовые вопросы, но не вопросы организации самой программы: участвуют только те организации, которые заслуживают доверия Госдепартамента. Профессор Дж. Скотт-Смит,

³⁵⁹ Крысько В.Г. Указ. соч.

старший научный сотрудник Центра американских исследований им. Рузвельта в Лейденском университете, полагает, что НКО активно вовлекаются в той или иной роли в реализацию обменных программ, так как обеспечивают видимость политической нейтральности³⁶⁰. Помимо этого, существует такая подкатегория, как *частные обмены*. В их случае кураторство и надзор по-прежнему остаются в юрисдикции соответствующей структуры Госдепартамента, но финансирование они получают полностью из частного сектора.

В отличие от тех программ, которые реализуются совместно с НКО, эти по своему содержанию, организации и реализации жестко контролируются Госдепартаментом, и те спонсоры, чей подход в итоге не устроил правительство, могут быть исключены из процесса³⁶¹. По своему характеру эти программы также могут быть как академическими, так и общегражданскими. Среди них особенно известны следующие: *Au Pair* (участники оказывают помощь по дому и присматривают за детьми, параллельно обучаясь в американском университете), *Camp Counselor* (участники работают вожатыми в летних американских лагерях), *Summer Work Travel* (иностранные студенты летом работают на неквалифицированных должностях в США, а затем месяц путешествуют по стране), *Secondary School Student* (участники в возрасте 15–18 лет посещают американскую школу и проживают в принимающей семье) и другие.

Бюджет Бюро образовательных и культурных связей, запланированный на 2023 финансовый год, составляет 741,3 млн долл., то есть около 34% от общей суммы государственного финансирования публичной дипломатии США (около 2,2 млрд долл.)³⁶². Большая доля в финансировании выделяется только на Агентство США по глобальным медиа. Среди же всех подразделений

³⁶⁰ Scott-Smith G. Op. cit. P. 173-195.

³⁶¹ Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting 2021 [Электронный ресурс] // United States Advisory Commission on Public Diplomacy. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/03/2021-ACPD-Annual-Report-508-WEB.pdf> (дата обращения: 11.01.2022).

³⁶² Ibid; Fiscal year 2023 [Электронный ресурс] // Congressional Budget Justification. Department of State, Foreign Operations, and Related Programs. URL: <https://www.alliance-exchange.org/wp-content/uploads/2022/04/FY2023-Congressional-Budget-Justification.pdf> (дата обращения: 01.01.2022).

Госдепартамента, задействованных в публичной дипломатии, Бюро образовательных и культурных связей безусловный лидер по распределению бюджета: около 80% от всего финансирования, выделяемого Госдепартаменту по линии публичной дипломатии.

Как среди академических, так и среди общегражданских программ, можно выделить «проекты-локомотивы», которые обладают наиболее долгой историей, значительным масштабом и заметными достижениями. По совокупному количеству выпускников обменных программ безусловными лидерами являются программа Фулбрайта и Международная гостевая программа лидерства – более полумиллиона человек. По мнению некоторых экспертов, данный факт позволяет говорить о том, что фактически история американских обменных программ после Второй мировой войны (то есть с началом оформления публичной дипломатии США как политтехнологии) – это в значительной степени история двух вышеназванных инициатив³⁶³, которые представляют как раз обе основные техники: академического и общегражданского обмена.

Среди академических крайне значимым, в том числе по объемам финансирования, является блок программы Фулбрайта, считающейся одной из наиболее престижных стипендиальных программ в мире (технически программа Фулбрайта – это обобщающее название, под которым объединено несколько отдельных инициатив различного профиля, однако ключевыми среди них являются программа для студентов и программа для ученых). 60 выпускников стали лауреатами Нобелевской премии, 86 – лауреатами Пулитцеровской премии, а 37 были или являются главами государств и председателями правительств, среди них: король Испании Филипп IV, бывший президент Афганистана А. Гани, экс-президент Хорватии К. Грабар-Китарович и другие.

Около 76% бюджета образовательных и культурных инициатив приходится на эту программу. Она существует с 1946 г. и состоит из четырех основных компонентов: программы Фулбрайта для иностранных студентов (*Fulbright*

³⁶³ Johnson L.R. The Fulbright Program and the philosophy and geography of US exchange programs since World War II // Tournès L., Scott-Smith G. Global Exchanges. Scholarships and Transnational Circulations in the Modern World. New York – Oxford, Berghahn, 2018. P. 173-187.

Foreign Student Program), программы Фулбрайта для американских студентов (*Fulbright U.S. Student Program*), программы Фулбрайта для иностранных ученых (*Fulbright Visiting Scholar Program*) и программы Фулбрайта для американских ученых (*Fulbright U.S. Scholar Program*). В каждую из них включены несколько более узконаправленных программ: например, программа Фулбрайта для преподавателей иностранного языка – это часть программы Фулбрайта для иностранных студентов. Интересен тот факт, что эти инициативы не распространяются на те страны, с которыми у США нет официальных дипломатических отношений, и на те, в которых нет американских диппредставительств.

В категории общегражданских программ заслуживает внимания Международная гостевая программа лидерства, МГПЛ (*International Visitor Leadership Program, IVLP*), бюджет которой составляет примерно половину от всей суммы, выделяемой на эту категорию программ³⁶⁴. Это одна из известнейших программ для иностранных элит. Программа начинает отсчет своей истории с 1940 г., когда Нельсон Рокфеллер, возглавлявший Управление по координации межамериканских отношений, организовал визит в США 130 латиноамериканских журналистов. Тем не менее формально она была окончательно консолидирована в рамках нормативно-правовой базы публичной дипломатии США в период с 1948 по 1952 гг. и до 2004 г. носила название «Международная гостевая программа» (*International Visitor Program*)³⁶⁵. Посол У. Раф, профессор публичной дипломатии в Университете Тафтса, называл ее наряду с программой Фулбрайта одними из наиболее важных инициатив в данной сфере с точки зрения сотрудников американских посольств, ответственных за публичную дипломатию³⁶⁶.

³⁶⁴ Johnson L.R. Op. cit. P. 173-187.

³⁶⁵ IVLP. Program History [Электронный ресурс]. URL: <https://eca.state.gov/ivlp/about-ivlp/program-history> (дата обращения: 01.01.2022).

³⁶⁶ Rugh W. Front Line Public Diplomacy. How US Embassies Communicate with Foreign Publics. Palgrave Macmillan US. 2014. 276 p.

В рамках этой программы каждый год действующие или будущие лидеры со всего мира в количестве около 5000 человек совершают краткосрочные (не более одного месяца) поездки в США. Кандидатов для участия в этой программе выдвигают и впоследствии отбирают сотрудники посольств США. Это одна из немногих правительственных обменных программ, не требующая от участников владения английским языком. По оценкам Консультативной комиссии США по публичной дипломатии, она является одним из наиболее эффективных инструментов для «оказания влияния на иностранных лиц, принимающих решения, по вопросам, относящимся к приоритетам внешней политики США»³⁶⁷. Более 500 нынешних либо бывших глав государств или председателей правительств принимало участие в МГПЛ³⁶⁸: Н. Саркози, В. Ж. Д'эстен, Ф. Фийон, Л. Жоспен (Франция); В. Брандт, Г. Шмидт, Г. Шредер (Германия); М. Тэтчер, Г. Браун, Т. Блэр (Великобритания); З. Жвания, М. Саакашвили (Грузия); Л. Кравчук, Л. Кучма (Украина); А. Квасьневский, Д. Туск (Польша); Х. Карзай (Афганистан); А. Садат (Египет); Н. Моди (Индия); Д. Русеф (Бразилия); А. Гутерриш (Португалия) и многие другие.

Распределение финансирования и тот факт, что наибольшей известностью и популярностью пользуются две рассмотренные выше программы, позволяет лучше оценить ситуацию в том, что касается *целевой аудитории* данного инструмента публичной дипломатии. Хотя более целесообразно было бы говорить о целевых группах, так как сама суть обменных программ предполагает определенный элемент выборочности. Целевую аудиторию обменных программ, таким образом, можно разделить на две основные группы: «молодежь» и «лидеры». Группа «лидеры» может включать в себя актуальных лидеров, потенциальных лидеров, молодых лидеров, представителей различных элит: коммерческой, политической, интеллектуальной и проч. Группа «молодежь» включает в себя школьников, студентов, аспирантов, молодых специалистов, лидеров, ученых и т.д.

³⁶⁷ Rugh W. Op. cit.

³⁶⁸ Bureau of Educational and Cultural Affairs [Электронный ресурс]: official web site. URL: <https://www.state.gov/about-us-bureau-of-educational-and-cultural-affairs/> (дата обращения: 01.01.2022).

По данным Бюро образовательных и культурных связей, 59% всех реализуемых программ фокусируются на молодежи и молодых лидерах, а треть на ведущих мыслителях и лидерах общественного мнения – на интеллектуальных элитах³⁶⁹. По данным 2022 г.³⁷⁰ Госдепартамент финансирует, реализует и/или курирует 50 программ, нацеленных на иностранцев. Из них 15 программ являются академическими обмены, а 35 – общегражданскими. Десять программ рассчитаны на школьников-старшеклассников, шесть – на студентов бакалавриата, две – на магистров и аспирантов. Среди общегражданских программ большинство ориентировано на лидеров в различных областях: 15 программ, пять из которых рассчитаны строго на молодежь. Аналогична ситуация и с пятью программами, ориентированными на спорт, искусство и творчество, три из которых набирают участников исключительно среди молодежи. Вторая крупнейшая целевая группа неакадемических обменов фокусируется на «авторитетах для молодежи» (англ. «*youth influencers*»). Это совокупность из десяти программ, в которых могут участвовать учителя младших, средних и старших классов, преподаватели и лекторы высших учебных заведений, в том числе специализирующиеся на дисциплинах из области американских исследований, учителя иностранных языков, в особенности преподаватели английского как иностранного языка, спортивные тренеры. В определенной степени к этой же категории можно отнести и четыре обменные программы для ученых и исследователей, которые тоже часто выполняют функции преподавателей либо научных руководителей.

Выбор приоритетных целевых групп определяется как их способностью воспринимать американскую публичную дипломатию, так и их способностью оказывать влияние на формирование общественного мнения и процесс принятия

³⁶⁹ Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting 2021 [Электронный ресурс] // United States Advisory Commission on Public Diplomacy. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/03/2021-ACPD-Annual-Report-508-WEB.pdf> (дата обращения: 11.01.2022).

³⁷⁰ Bureau of Educational and Cultural Affairs [Электронный ресурс]: official web site. URL: <https://www.state.gov/about-us-bureau-of-educational-and-cultural-affairs/> (дата обращения: 01.01.2022).

решений в своих странах. Что касается первой категории, примером как нельзя лучше служит программа МГПЛ: повлияв на мнение лидера, можно распространить точку зрения среди иностранной общественности, которая признает его авторитет. Такая практика позволяет публичной дипломатии охватить существенно большую аудиторию, чем непосредственные участники программ обменов. Во-вторых, высоки шансы, что участники являются либо станут в будущем лицами, принимающими решения в своей стране, что крайне выгодно для национальных интересов США, так как уровень взаимопонимания с ними будет достаточно высоким.

Более того, американские обменные программы в определенной мере нацелены на культивацию лидерских качеств у своей аудитории: эти инициативы изначально отличались тем, что практиковали формирование небольших групп³⁷¹. Не только потому, что это позволяло наилучшим образом подобрать подход к каждому из участников. Подобное положение вещей подчеркивает престижность участия: ограниченное количество мест и выделенных стипендий создает ощущение элитарности³⁷². Человек же, уверенный в своих достижениях, в том, что он выделяется среди остальных, более склонен к реализации лидерских амбиций, созданию вокруг себя группы единомышленников, распространению своих взглядов среди окружающих.

Если целевая группа лидеров значима в первую очередь за счет того воздействия, которое может оказать на события в своей стране, ее население и правительство, то целевая группа молодежи важна по нескольким причинам: из-за большого потенциала активности – готовности учиться, строить карьеру, участвовать в проектах, высокой по сравнению со зрелым населением продолжительности жизни и уровня своей восприимчивости. Податливость человеческой психики к любому психологическому воздействию снижается по

³⁷¹ Цветкова Н.А. Указ. соч. С. 378-394.

³⁷² Kelley J. How do you spot a future world leader? [Электронный ресурс] // BBC news. 29 March 2011. URL: <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:h8M-ByQ3RAcJ:https://www.bbc.com/news/magazine-12880901+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (дата обращения: 11.02.2022).

мере накопления жизненного опыта, научных и профессиональных знаний³⁷³. Школьники и студенты более открыты новому опыту, легче адаптируются к непривычным условиям, их мировоззрение еще находится на этапе формирования, их взглядам присуща гибкость и несвойственна «закостенелость».

Именно во взаимосвязи с «молодежной» целевой группой выделяется подгруппа «авторитетов для молодежи». Публичная дипломатия США начала обращать на нее повышенное внимание в период президентства Дж. Буша после террористической атаки 11 сентября 2001 г.³⁷⁴, так как приблизительно половину населения арабского и мусульманского мира составляла молодежь в возрасте младше 25 лет³⁷⁵. Сотрудники администрации образовательных учреждений, учителя и лекторы имеют непосредственный контакт с молодежью своих стран и, что еще важнее, обладают авторитетом в ее глазах. Соответственно, они способны играть роль «ретранслятора» публичной дипломатии США, распространяя полученные впечатления и опыт, а также сформировавшиеся в связи с этим идеи и установки. Научный сотрудник Американского центра публичной дипломатии (*USC Center on Public Diplomacy*), научно-аналитической и образовательной организации, в 2015–2017 гг., Эли Фишер полагает, что образовавшиеся в результате обменных программ транснациональные группы единомышленников помогли распространению в европейских высших учебных заведениях во второй половине XX – начале XXI вв. такой дисциплины, как «Американские исследования» и ей подобных³⁷⁶. Н. А. Цветкова, в свою очередь, отмечает, что именно в краткосрочных стажировках для представителей академических кругов и экспертного сообщества лежала основа тактики США по внедрению в зарубежных высших учебных заведениях дисциплин из области социальных наук и дисциплин, связанных с североамериканскими исследованиями, с целью оказания влияния на иностранное общественное мнение в рамках продвижения

³⁷³ Крысько В. Г. Указ. соч.

³⁷⁴ Rugh W. Op. cit.

³⁷⁵ Hart E. The New Exchanges: Challenges and Opportunity for U.S. Public Diplomacy in the Middle East [Электронный ресурс] // Public Diplomacy Council website. 2008. URL: <http://publicdiplomacycouncil.org/tufts-papers> (дата обращения: 15.01.2022).

³⁷⁶ Fisher A. Collaborative Public Diplomacy (Global Public Diplomacy). Palgrave. 2013. 256 p.

американской либеральной идеологии и обеспечения внешнеполитических интересов США³⁷⁷.

Несмотря на, казалось бы, четкие границы целевой аудитории данного инструмента публичной дипломатии, все не так однозначно. Как уже было сказано, в фокусе соответствующих программ находятся определенные группы иностранной общественности. Тем не менее их все отличает способность распространять полученную информацию за пределы своей группы, что порождает прогрессирующий эффект. Таким образом, можно говорить о промежуточном уровне охвата аудитории между безусловно широким (ориентированным на иностранную общественность во всем ее многообразии) и безусловно ограниченным (ориентированным на конкретную группу и не предусматривающим системного распространения за ее пределы).

У данного инструмента публичной дипломатии есть два основных типа оказываемых *эффектов: узкой и широкой направленности*. В первом случае можно рассматривать обменные программы как тактическое средство для разрешения конкретной проблемы. Речь идет о ситуациях, когда появляется необходимость скорректировать иностранное общественное мнение по некоему вопросу, имеющему значение для национальных интересов США. Это может касаться снижения уровня негатива в иностранном общественном мнении, поддержания необходимой точки зрения среди лиц, принимающих решения, а также лиц, оказывающих влияние на общественное мнение (политиков, журналистов, экспертов).

Например, в 1959 г. между США и Испанией было подписано соглашение о реализации программы Фулбрайта. Это было напрямую связано с размещением в Испании совместной базы военной авиации, по причине чего США стремились поспособствовать усилению интереса к Америке среди испанских студентов. Похожая ситуация произошла в Новой Зеландии в 1965–66 гг., когда рост количества усилий по укреплению образовательных связей с этой страной (рост

³⁷⁷ Цветкова Н.А. Указ. соч. С. 378-394.

грантов по программам Фулбрайта и МГПЛ) был связан с необходимостью обеспечить участие ее войск в войне во Вьетнаме.

Один из характерных примеров, подробно рассмотренных в работе профессора Дж. Скотт-Смита³⁷⁸, относится к периоду 1980-х гг., когда идея модернизации ядерных сил НАТО, включавшая в себя размещение крылатых ракет Томагавк и баллистических ракет Першинг в Западной Европе, вызвала общественный протест в Великобритании, Западной Германии и Нидерландах. В этой связи МГПЛ использовалась, чтобы дать возможность членам политического и оборонного сообществ этих государств пообщаться со своими американскими коллегами в неофициальной обстановке. Помимо этого, в программу привлекали экспертов по оборонным вопросам, журналистов, освещающих эту тематику, и напрямую связанных с этим вопросом членов парламента. Основной упор делался на то, чтобы усилить уже существующие положительные мнения в этих кругах для противодействия волне негативного общественного мнения.

Аналогичным образом был задействован данный инструмент публичной дипломатии в период активного укрепления связей между демократической партией США и лейбористской партией Великобритании в те же годы. Молодым британским политикам (включая Т. Блэра и Г. Брауна) были предложены поездки в США по линии МГПЛ для ознакомления с американской политической обстановкой. Эта инициатива должна была снизить уровень поддержки лейбористами идеи одностороннего ядерного разоружения Великобритании³⁷⁹.

Закрепление результатов холодной войны и складывавшегося сразу после нее мироустройства тоже попадало в технологический фокус американских обменных программ. После 1989 г. программа Фулбрайта сразу же распространилась на Польшу, Чехию, Словакию, Венгрию, Румынию и Болгарию; открылись ее представительства в Москве, Киеве и Пекине, а новые общегражданские обменные программы – программа им. Х. Хамфри и программа им. Э. Маски – расширили набор участников так, чтобы охватить

³⁷⁸ Scott-Smith G. Op. cit. P. 173-195.

³⁷⁹ Scott-Smith G. Op. cit. P. 173-195.

посткоммунистическую Восточную Европу, поскольку должны были играть роль одного из ключевых инструментов в «демократическом транзите» этих государств³⁸⁰.

Профессор МГИМО и специалист по «цветным революциям» Е. Г. Пономарева также указывает на то, что одним из факторов, сформировавших «благодатную почву» для «Арабской весны» было вовлечение в американские обменные программы арабской молодежи в предшествующие ей 7 лет. При этом характер программ, как правило, был таким, чтобы сфокусировать участников на вопросах, касающихся основ демократии и гражданского общества, политтехнологий и основ протестного движения. В дальнейшем именно эта молодежь приняла активное участие в свержениях старых режимов арабского мира. Характерно, что если в ранние двухтысячные число участников соответствующих программ из стран ближневосточного региона исчислялось тысячами, то в период с 2004 по 2009 г., в преддверии «Арабской весны», уже сотнями тысяч³⁸¹.

Если говорить о более современных эпизодах, то в конце 2017 г. было объявлено о начале переговоров о переименовании бывшей Югославской Республики Македония в Северную Македонию, что должно было разрешить длительный спор между этим государством и Грецией, не признающей ее название. Эти разногласия, в частности, мешали вступлению Македонии в НАТО, которое состоялось в итоге в 2019 г., после достижения консенсуса с Грецией в 2018 г. Переговоры вызвали негативную реакцию греческой общественности. В 2018 г. для Греции было выделено на десять больше, чем в предыдущем году, стипендий Фулбрайта, причем большее количество было предложено профессорам и ученым, а не студентам, т.е. членам экспертного сообщества³⁸²,

³⁸⁰ Johnson L.R. The Fulbright Program and the philosophy and geography of US exchange programs since World War II. P. 173-187.

³⁸¹ Пономарева Е.Г. Вывихнутый век. Кто его вправит? Хаос, конфронтация, интеграция. М.: Книжный мир, 2016. 352 с.

³⁸² Fulbright Program [Электронный ресурс]: official web site. URL: <https://www.fulbright.gr/> (дата обращения: 14.02.2022).

имеющим возможность оказать влияние на общественное мнение, и лиц, принимающих решения.

Годом ранее в США отправилась греческая делегация из девяти представителей бизнес-кругов по линии МГПЛ с целью получения опыта по увеличению благосостояния страны³⁸³. Эта поездка совпала по времени со встречей президента США Д. Трампа и премьер-министра Греции А. Ципраса в Белом Доме, на которой обсуждались инвестиции США в Грецию и сотрудничество в энергетической сфере (за несколько месяцев до этого правительство Греции одобрило совместную разработку месторождений в районе о. Крит американскими компаниями *Total* и *Exxon Mobil* с греческой *Hellenic Petroleum*³⁸⁴). Таким образом, обмены были призваны, как и в предыдущих примерах, укрепить проамериканскую позицию элит (экспертов, предпринимателей), чтобы нивелировать эффект от негативного общественного мнения по политическому вопросу и предупредить появления препятствий для достижения соглашения между Грецией и Северной Македонией, а значит, и вступления последней в НАТО.

Что касается *эффекта широкой направленности*, то, прежде всего, данный инструмент публичной дипломатии поддерживает и укрепляет уже имеющиеся в обществе положительные представления о США, и соответственно, вносит вклад в поддержание позитивного имиджа государства за рубежом. Это подтверждается стабильно высокими показателями числа участников программ и числа тех из них, кто добился выдающихся успехов в жизни. 42 выпускника на сегодняшний день являются членами Конгресса США, а 589 выпускников – нынешними или бывшими главами государств и председателями правительств по всему миру.

³⁸³ Kostoulas V. Serving up America's 'recipe' for economic success – State Dept.'s IVLP program sends 9 Greeks to US [Электронный ресурс] // Naftemporiki. 2017. URL: <https://www.naftemporiki.gr/printStory/1288174> (дата обращения: 14.02.2022).

³⁸⁴ Ioannou L. Trump's message to Tsipras: US may boost investments in Greece, a key NATO ally [Электронный ресурс] // CNBC. 2017. URL: <https://www.cnbc.com/2017/10/17/trumps-message-to-tsipras-us-may-up-investment-in-nato-ally-greece.html> (дата обращения: 14.02.2022).

Около 15% послов иностранных государств в США также являются выпускниками этих программ³⁸⁵.

Благодаря обменов стабильно возрастает число иностранных студентов, обучающихся в США: от 25 464 в 1948 г. до 1 095 299 в 2018/19 учебном году и их доля от общего числа студентов в стране: 1,1% и 5,5%, в 1948 г. и в 2019 г. соответственно³⁸⁶. За все годы отрицательная динамика наблюдалась лишь трижды: в 1971 г., в год «Никсоновского шока» и фактической остановки Бреттон-Вудской системы, в период 2003–2005 гг., когда международный имидж США переживал одну из сильнейших вспышек международного антиамериканизма на фоне вторжения в Ирак, и с 2019 г. по 2021 г. в связи с пандемией COVID-19.

Несмотря на сложность оценки эффективности подобного инструмента, как и публичной дипломатии в целом, определенное влияние обменных программ на, по крайней мере, убеждения непосредственных иностранных участников подтверждается исследованиями, которые проводит Консультативная комиссия США по публичной дипломатии: 89% иностранных участников обменов, опрошенных после завершения программ в 2018 году, сообщили, что стали более положительно относиться к США, а 93% выразили согласие с утверждениями в поддержку демократических ценностей³⁸⁷.

В свою очередь, в докладе, опубликованном Бюро образовательных и культурных связей в 2020 г. на основании исследования общественного мнения среди участников одной из общегражданских обменных программ для молодых лидеров (*Professional Fellows Program*) за период 2012–2017 гг., указано, что у

³⁸⁵ Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting 2021 [Электронный ресурс] // United States Advisory Commission on Public Diplomacy. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/03/2021-ACPD-Annual-Report-508-WEB.pdf> (дата обращения: 11.01.2022).

³⁸⁶ Institute of International Education [Электронный ресурс]: official web site. URL: <https://www.iie.org/Research-and-Insights/Open-Doors/Data/International-Students/Enrollment> (дата обращения: 15.01.2022).

³⁸⁷ Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting 2019 [Электронный ресурс] // United States Advisory Commission on Public Diplomacy. URL: <https://www.state.gov/2019-comprehensive-annual-report-on-public-diplomacy-and-international-broadcasting/> (дата обращения: 21.01.2022).

66% респондентов после программы изменились представления об американской культуре и американском народе на «крайне положительные», а у 38% в том же ключе изменились взгляды на американскую политическую систему³⁸⁸.

Профессор Университета Чукурова (Адана, Турция) Ясемин Киркгез, специалист по педагогике, исследовала эффект, который оказало участие в обменной программе Фулбрайта для преподавателей английского как иностранного на турецких педагогов. Ее работа была опубликована в 2017 г.³⁸⁹ Я. Киркгез удалось установить, что соответствующий опыт побудил всех опрошенных участников обменной программы критически пересмотреть свои взгляды на образование, культуру и демократию, переосмыслить свои прошлые убеждения, что привело к личностной трансформации и, как следствие, лучшему усвоению новых точек зрения.

В частности, большинство опрошенных утверждали, что после поездки в США стали инкорпорировать либерально-демократические и мультикультурные ценности в свою педагогическую практику на ежедневной основе, а некоторые из них сменили фокус своей профессиональной деятельности с английского языка как иностранного на изучение и преподавание английского языка как языка международного общения. Последнее очевидно демонстрирует смену фокуса участника обменной программы, имеющей опосредованное гипотетическое значение для национальных интересов и целей публичной дипломатии США: дальнейшее укрепление позиций английского языка (и его американского варианта) в международном общественном мнении в роли общепринятого «лингва франка» вносит неоспоримый вклад в сохранение и продвижения концепции американского глобального лидерства, поскольку именно общий язык

³⁸⁸ Professional Fellows Program FY 2012 FY 2017. Evaluation Report. 2020 [Электронный ресурс] // Evaluation Division, Bureau of Educational and Cultural Affairs, United States Department of State. URL: https://eca.state.gov/files/bureau/pfp_final_report__12_1_2020_508_final_1.pdf (дата обращения: 21.01.2022).

³⁸⁹ Kirkgoz Y. Exploring the Impact of the Fulbright Foreign Language Teaching Assistant Program on Grantees' Educational and Cultural Beliefs and Practices. P. 131-156.

способствует укреплению транснациональных пространственных связей³⁹⁰.

Эффект широкой направленности, таким образом, достигается за счет совокупности факторов. В фокусе программ, в первую очередь, находятся иностранные граждане, уже испытывающие положительные эмоции или хотя бы интерес по отношению к США. Для достижения желаемого результата в публичной дипломатии огромное значение играет контекст: гораздо больше шансов завоевать сердца и умы публики, заранее расположенной хоть в малейшей степени к государству-инициатору³⁹¹. Тем более, что крайне сложно в принципе кардинально изменить установки в человеческом сознании с точки зрения воздействия на психологию. Усиление же уже существующих идей, убеждений и ценностей, наоборот, относится к наиболее легкодостижимым видам манипуляции человеческим сознанием³⁹².

Обменные программы помогают укрепить положительный имидж США еще и потому, что позволяют продемонстрировать иностранным участникам достижения американской системы образования, науки, определенные преимущества внутригосударственного устройства, и что немаловажно – распространить среди этой аудитории американские идеалы и ценности. Этот принцип, говоря об американском лидерстве, в свою время озвучивал Дж. Най³⁹³, отдельно подчеркивая, что если страна сможет установить международные нормы, соответствующие ее ценностям и интересам, то с наибольшей вероятностью любые ее действия будут иметь легитимность в глазах международного сообщества.

Рассматриваемый инструмент публичной дипломатии США отличается *средним уровнем политизированности*, что является одним из его преимуществ. На протяжении большей части истории его существования формально

³⁹⁰ Прохоренко И.Л. Указ. соч.

³⁹¹ Nye J.S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York, Public Affairs, 2009. 208 p.

³⁹² Крысько В.Г. Указ. соч.

³⁹³ Nye J.S. *Op. cit.*

деполитизированный статус обменных программ подчеркивался соответствующим разделением американских институтов публичной дипломатии. За счет такой дистанции подобные инициативы избегали репутации пропагандистского механизма, вызывая минимум негативной реакции со стороны иностранных правительства и народов. Даже в годы холодной войны в них участвовали члены социалистического лагеря. К концу 1970-х годов представители интеллектуальной элиты всех стран Восточной Европы принимали участие в американских обменах, а с 1985 г. и студенты тоже³⁹⁴, что способствовало дальнейшему прозападному курсу этих стран (как во внутренней, так и во внешней политике) и их последующему политическому отдалению от России как преемницы Советского Союза.

Программы обменов, тесно связанные со сферами образования и коммуникации, осуществляют посредничество в таких направлениях человеческой активности, как путешествия, изучение чужого опыта и культуры, общение и расширение кругозора. Однако говорить о низком уровне политизированности не позволяет факт наличия программ, ориентированных на круги лиц, принимающих решения, партийные элиты и т.п., то есть на людей, непосредственно имеющих отношение к политической сфере; а также официальное целеполагание Бюро образовательных и культурных связей Госдепартамента США, в рамках которого подчеркивается, что создание и поддержание межчеловеческих связей с помощью программ *«должно служить целям американской внешней политики и национальной безопасности»*³⁹⁵.

3.2 Иновещание

Не менее интересным с точки зрения исследования является и информационно-агитационное направление американской публичной дипломатии, представленное различными инструментами: частными

³⁹⁴ Цветкова Н.А. Указ. соч. С. 378-394.

³⁹⁵ Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting 2021 [Электронный ресурс] // United States Advisory Commission on Public Diplomacy. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/03/2021-ACPD-Annual-Report-508-WEB.pdf> (дата обращения: 11.01.2022).

американскими медиа, американской системой иновещания, службами по связям с общественностью правительственных структур и т.д. Данное направление является особенно значимым по своей сути в эпоху избыточного предложения информации на глобальном рынке, многообразии и высокой доступности ее источников, феномена «фейковых новостей» и других прямых и косвенных последствий глобализации и технологического прогресса, существенно трансформировавших международную информационную среду в последние несколько десятилетий.

Это направление американской публичной дипломатии, сфокусированное на решение кратко- и среднесрочных задач, в существенной степени выросло из военной пропаганды. Поэтому с точки зрения систематической реализации государством его можно назвать старейшим: первые попытки централизованно организовать соответствующую деятельность были предприняты в период Первой мировой войны, когда американское правительственное агентство «Комитет общественной информации» (*Committee on Public Information*), известное так же как «Комитет Крила» по имени директора – Джорджа Крила, чьей основной задачей было информирование американского народа об участии США в войне в целях создания патриотического нарратива в общественном мнении, частично распространило свою деятельность по «информированию о целях войны и методах ее ведения»³⁹⁶ на зарубежную аудиторию: преимущественно в странах Латинской Америки и Европы.

Однако полноценная институционализация информационно-агитационного направления публичной дипломатии США берет свой отсчет со Второй мировой войны. Именно на базе Управления военной информации (*United States Office of War Information, OWI*), правительственного агентства, существовавшего с 1942 по 1945 г., внутри которого начала свою жизнь радиостанция «Голос Америки» (*Voice of America, VOA*), впоследствии происходило развитие институтов публичной дипломатии США. В 1945 г. президент США Г. Трумэн обозначил

³⁹⁶ Mock J.R. The Creel Committee in Latin America // *Hispanic American Historical Review*. 1942. Vol. 22. P. 262-279, 266-267, 269-270, 272-274.

взаимодействие с иностранной общественностью в качестве одного из ключевых направлений американской государственной политики: «То состояние, в котором на сегодняшний день пребывают международные отношения, делает необходимым для Соединенных Штатов поддержание информационной деятельности за рубежом в качестве неотъемлемой части внешней политики»³⁹⁷.

После Второй мировой войны «Голос Америки» перешел в юрисдикцию Госдепартамента. С прекращением войны и отсутствием нужды в военной пропаганде иновещанию могло бы грозить забвение³⁹⁸, если бы не начало холодной войны, побудившее правительство США переосмыслить значение и возможности использования данного инструмента. Уже в 1947 г. «Голос Америки» начал вещание на русском языке³⁹⁹, хотя еще в 1945 г., среди 40 языков вещания этой радиостанции русского не было⁴⁰⁰. Это укладывается в общий тренд оформления политтехнологии публичной дипломатии в США в качестве ответа на вызов формирования биполярного миропорядка и позиции СССР в качестве единственного равноценного альтернативного центра силы.

Если «Голос Америки» мог похвастаться «военным происхождением», то «Радио Свободная Европа/Радио Свобода» (*Radio Free Europe/Radio Liberty (RFE/RL)*) своим появлением во многом обязано спецслужбам. «Радио Свободная Европа» начало вещание в 1950 г. Оно было направлено на страны социалистического блока: Болгарию, Чехословакию, Венгрию, Польшу и Румынию, а с 1975 г. – также на прибалтийские советские республики, так как

³⁹⁷ Executive Order 9608. Providing for the Termination of the Office of War Information, and for the Disposition of Its Functions and of Certain Functions of the Office of Inter-american Affairs. NARA, “Statement by the President for EO 9608”, 31 August, 1945, RG 208, Entry 6H, Box 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/executive-order-9608-providing-for-the-termination-the-office-war-information-and-for-the> (дата обращения: 01.01.2022).

³⁹⁸ Puddington A. *Broadcasting Freedom: The Cold War Triumph of Radio Free Europe and Radio Liberty*. University Press of Kentucky. 2000. 408 p.

³⁹⁹ В 1949 г. на украинском, в 1951 г. на армянском, азербайджанском, грузинском, эстонском, латвийском, литовском, татарском, в 1956 г. на белорусском, в 1972 г. на узбекском.

⁴⁰⁰ Bayles M. *Through a Screen Darkly: Popular Culture, Public Diplomacy, and America's Image Abroad*. Yale University Press. 2014. 336 p.

США не признавали вхождение Латвии, Литвы и Эстонии в состав СССР законным.

«Радио Свободная Европа» было учреждено Национальным комитетом за Свободную Европу (*National Committee for a Free Europe*), «ширмовой» организацией ЦРУ⁴⁰¹, созданной в 1946 г. Комитет занимался антикоммунистической пропагандой с целью противодействия советскому влиянию в Европе. Основателем данной организации был американский дипломат и разведчик, впоследствии возглавивший ЦРУ – Ален Далес. Участниками комитета стали наиболее влиятельные в то время американцы-представители различных сфер: будущий президент Д. Эйзенхауер, генерал Л. Клэй, кинопродюсер С. Демилль, медиамагнат Г. Люс⁴⁰², архитектор американской послевоенной внешней экономической политики У. Клейтон, помощник госсекретаря А. А. Берл, нью-йоркский инвестиционный банкир Ф. Альтшуль и другие.

Также определенную роль в создании «Радио Свободная Европа» сыграл Дж. Кеннан, американский дипломат, автор концепции «сдерживания» Советского Союза⁴⁰³. Хотя официально он не имел отношения ни к Комитету, ни к радиостанции, ее внутренние документы, датированные 1949 г., упоминают его как «отца-основателя» данного проекта, помимо этого Кеннан был лично знаком с большинством участников Комитета⁴⁰⁴, многие из которых так же, как он, закончили Принстонский университет. Его участие в соответствующих процессах вполне объяснимо с учетом продвигаемой Дж. Кеннаном концепции «политической войны», в рамках которой ключевым аспектом являлось противостояние с использованием невоенных средств. Тем более, что

⁴⁰¹ Prados J. *Safe for Democracy: The Secret Wars of the CIA*. IvanR. Dee. 2006. 736 p.

⁴⁰² Теленьга М.П. Эволюция системы информационного сопровождения внешней политики США: 1946-1999 гг. Краснодар, 2017. 209 с.

⁴⁰³ Великая А.А. Значение наследия Дж. Ф. Кеннана для внешней политики США // Научно-аналитический журнал *Обозреватель – Observer*. 2017. № 5 (328). С. 105-112.

⁴⁰⁴ Puddington A. *Broadcasting Freedom: The Cold War Triumph of Radio Free Europe and Radio Liberty*. University Press of Kentucky. 2000. 408 p.

«политическая война» в значительной степени опиралась на идеи влияния на информационное пространство и убеждения общественности.

На три года позже, в 1953 г., начало свое вещание «Радио Свобода» (изначальное название: «Радио освобождения от большевизма»), нацеленное уже непосредственно на Советский Союз. Ему также предшествовало создание аналогичного объединения – Американского комитета за освобождение от большевизма (*American Committee for Liberation from Bolshevism, Amcomlib*), являвшегося частью операции ЦРУ. Первым его председателем стал Евгений (Юджин) Лайонс, а среди участников были также адмирал А. Кирк, журналист У. Г. Чемберлен и другие. Если основным критерием для участия в первом комитете была влияние, то во втором – знания о советских реалиях⁴⁰⁵.

В 1972 г. ЦРУ прекратило финансирование этих радиостанций в связи с широким общественным и политическим резонансом, который был спровоцирован журналистскими расследованиями, обнародовавшими финансовые связи ЦРУ с формально неправительственными организациями⁴⁰⁶, а через четыре года радиостанции были объединены в одну и в дальнейшем финансировались из государственного бюджета США.

Таким образом, если «Голос Америки» представлял пример того, как ранее существующая практика (преимущественно военная тактическая радиопропаганда) была инкорпорирована в оформляющуюся политтехнологию, соответствующим образом трансформирована и адаптирована под конкретные политические цели – холодная война и сопутствующее ей соперничество сверхдержав за «сердца и умы» мировой общественности, то «Радио Свобода» и «Радио Свободная Европа», напротив, создавались непосредственно под политические цели холодной войны уже в процессе оформления технологии публичной дипломатии США, то есть в определенной мере могут считаться продуктом именно той эпохи и той международной политической обстановки,

⁴⁰⁵ Puddington A. Op. cit.

⁴⁰⁶ Mickelson S. *America's Other Voice: the Story of Radio Free Europe and Radio Liberty*. New York, NY: Praeger Publishers, 1983. 269 p.

которым, в свою очередь, было необходимо адаптироваться уже после трансформации миропорядка в конце XX в.

Помимо этого, в 1985 г. был сформирован Офис кубинского вещания, запустивший в том же году «Радио Марти»⁴⁰⁷, а в 1990 г. – одноименный телеканал. Это было одним из проявлений активного развития публичной дипломатии США в период президентства Р. Рейгана: тогда происходило не только упорядочивание и оптимизация существующих элементов политтехнологии (на уровне законодательства, институтов, объемов финансирования), но и на уровне внедрения новых инструментов в арсенал публичной дипломатии.

В 1996 г. начало вещание «Радио Свободная Азия», программы которого направлены на шесть стран: Китай, Северную Корею, Лаос, Камбоджу, Мьянму и Вьетнам. Не последнюю роль в этом сыграли нестабильные отношения США с Китаем, резко ухудшившиеся после событий 1989 г.; тенденции возвращения к маоизму в китайском обществе и ухудшение здоровья Дэн Сяопина; преддверие возвращения суверенитета над Гонконгом Китаю. Первая попытка запустить эту радиостанцию состоялась еще в 1950-х гг. способом аналогичным другим подобным радиостанциям: через финансируемый ЦРУ Комитет за Свободную Азию, который был основан в 1951 г. и сменил название на Фонд Азии в 1954 г. Однако уже в 1955 г. вещание было прекращено. Вероятно, что это было связано с процессом китайско-американских переговоров по Тайваню, так как именно в этот год они впервые были подняты на уровень послов с уровня консульских представителей. Фонд же существует по сей день, хотя его партнерство с ЦРУ закончилось еще в конце 1960-х гг.⁴⁰⁸

Самой молодой структурой американского иновещания стала Ближневосточная сеть вещания, состоящая из телевизионных сетей «Альхурра» и

⁴⁰⁷ Название было дано в честь Хосе Марти кубинского поэта и лидера освободительного движения Кубы от Испании.

⁴⁰⁸ Crewdson J. Worldwide Propaganda Network Built by the C.I.A. [Электронный ресурс] // New York Times. 1977. URL: <https://www.nytimes.com/1977/12/26/archives/worldwide-propaganda-network-built-by-the-cia-a-worldwide-network.html> (дата обращения: 16.02.2022).

«Альхурра-Ирак», «Радио Сава» и электронных платформ (*Alhurra.com*; *RadioSawa.com*; *Irfaasawtak.com*; *MaghrebVoices.com*; *ElSaha.com*), а также соответствующих аккаунтов в социальных сетях. Ближневосточная сеть вещания была создана после террористической атаки 11 сентября 2001 г. «Радио Сава» было запущено в 2002 г., заменив арабскую службу «Голоса Америки». Кабельный телеканал «Альхурра» на арабском языке начал работу в 2004 г. Решение о запуске канала стало результатом желания правительства США сбалансировать антиамериканскую предвзятость ведущих арабских новостных каналов, чтобы улучшить имидж США в глазах арабского мира⁴⁰⁹.

В современной структуре институтов публичной дипломатии США ключевым ведомством, реализующим информационно-агитационное направление и объединяющим вышеперечисленные радиостанции, является правительственное Агентство США по глобальным медиа, АСГМ (*United States Agency for Global Media, USAGM*). Миссия агентства заключается в том, чтобы «информировать людей во всем мире, устанавливая с ними связи и привлекать их к сотрудничеству во имя свободы и демократии»⁴¹⁰. По сути, АСГМ является организацией, отвечающей за американское государственное международное вещание или иновещание.

Представляется целесообразным, принимая во внимание значительную роль этого института в механизме организации публичной дипломатии США, рассмотреть реализацию информационно-агитационного направления на примере именно иновещания. Одной из специфических характеристик данного инструмента является тот факт, что иновещание (в отличие, например, от частных американских медиа или правительственных пресс-служб) изначально ориентируется на исключительно зарубежную аудиторию. До принятия в 2013 г. поправки к закону «Об обмене в сфере информации и образования» 1948 г. американской государственной системе международного вещания было

⁴⁰⁹ Leung R. The Image War [Электронный ресурс] // CBS News. 2004. URL: <https://www.cbsnews.com/news/the-image-war/> (дата обращения: 16.02.2022).

⁴¹⁰ US Agency for Global Media [Электронный ресурс]: official website of the URL: <https://www.usagm.gov/who-we-are/mission/> (дата обращения: 01.01.2022).

запрещено давать гражданам США доступ к своим материалам и программам. С учетом актуального законодательства АСГМ может предоставить доступ к некоторым материалам по запросу, а некоторые находятся в свободном доступе в интернете, тем не менее создание материалов, нацеленных на население США, по-прежнему запрещено⁴¹¹.

С формально-организационной точки зрения Агентство США по глобальным медиа состоит из двух федеральных структур – мультимедийной новостной организации «Голос Америки» и телекоммуникационной компании «Офис кубинского вещания», а также трех грантополучателей, финансируемых и контролируемых Агентством: некоммерческой мультимедийной вещательной корпорации «Радио Свобода/Свободная Европа», некоммерческой мультимедийной новостной корпорации «Радио Свободная Азия» и мультимедийной новостной организации «Ближневосточная сеть вещания».

С развитием технологического прогресса и расширением потенциальной аудитории американского иновещания увеличивалось и количество альтернативных радиостанциям платформ для распространения информации. На определенном этапе американское иновещание распространилось на телевидение. Это технологическое нововведение в системе американского иновещания – во многом заслуга Чарльза Уика⁴¹², занявшего пост директора Информационного агентства США в 1981 г., так как в его сферу бизнес-интересов до данного назначения входили в том числе кинематограф и телевидение⁴¹³. В 1983 г. был запущен кабельный и спутниковый телеканал «Ворлднет» (*Worldnet*), изначально называвшийся «Евронет» (*Euronet*), с круглосуточным вещанием и глобальной ориентацией, чьей задачей было продемонстрировать миру «сбалансированный и достоверный образ американского общества, политики и народа»⁴¹⁴. Став первой

⁴¹¹ Ibid.

⁴¹² Staar R. Op. cit.

⁴¹³ Tuch H.N. *Communicating with the World: U. S. Public Diplomacy Overseas*. Palgrave Macmillan. 1990. 244 p.

⁴¹⁴ Worldnet Fact Sheet [Электронный ресурс] // Worldnet. 1999. URL: <https://web.archive.org/web/19990421084105/http://www.ibb.gov/worldnet/wntfaq.html> (дата обращения: 16.02.2022).

в мире регулярной спутниковой международной телесетью, Ворлднет смог установить «контакт» между Вашингтоном и более чем пятьюдесятью странами на всех континентах⁴¹⁵, что представляло собой крайне высокое достижение по меркам того времени: это еще одна серьезная «веха» в развитии публичной дипломатии США, достигнутая в результате приверженности администрации Р. Рейгана высокой оценке значимости соответствующей политической технологии. Программы передач включали художественные и документальные фильмы, передачи и шоу различной тематики, в том числе политического и социально значимого содержания. Впоследствии «Ворлднет» был поглощен «Голосом Америки».

Последний, в свою очередь, в 1994 г. стал первой международной службой вещания, предложившей доступ к своим материалам через интернет, а сегодня каждая из структур АСГМ имеет аккаунты в социальных сетях (*Facebook, Twitter, Instagram, YouTube и др.*). Помимо этого, на сегодняшний день веб-сайты каждой структуры иновещания предлагают не только трансляцию теле- и радиопередач, но и дополнительный контент: авторские статьи, колонки, комментарии, интервью, блоги, инфографику и прочее.

Принцип воздействия данного инструмента публичной дипломатии заключается в распространении среди иностранной общественности с использованием всех перечисленных методов информации, преимущественно касающейся актуальных событий и относящейся к темам политической и социальной направленности. В частности, по данным исследования, проведенного Агентством США по глобальным медиа, большая часть российской аудитории «Радио Свобода», «Голоса Америки» и канала «Настоящее время» (их совместный проект) интересуется в первую очередь новостными и информационными программами этих каналов вещания, которые рассказывают о событиях в России и в мире, при этом среди аудитории «Голоса Америки» 69%

⁴¹⁵ Staar R. Op. cit.

обращаются к нему конкретно для получения информации по тематике прав человека⁴¹⁶.

Информирование оказывает влияние на формирование иностранного общественного мнения по конкретным темам, а также вносит определенный вклад в конструирование и поддержание положительного имиджа США за рубежом. С точки зрения психологического воздействия на сознание личности или группы людей иновещание можно отнести к категории «дистантных» средств, то есть не предусматривающих обратной связи между субъектом и объектом воздействия⁴¹⁷. Это делает соответствующий инструмент одним из немногих в арсенале публичной дипломатии США, в которые изначально заложен односторонний, по сути, «монологический» принцип работы.

Техники, которые задействует система иновещания, можно разделить на два основных вида: «имиджирование», когда основная задача вещания рассказывать иностранной аудитории об Америке, и «суррогатное вещание», когда задача состоит в том, чтобы «заместить» собой локальные источники информации. Иллюстрацией первого случая является «Голос Америки», чья основная официальная задача заключается в том, чтобы рассказывать миру «американские истории». Согласно своему уставу, «Голос» обязуется освещать новости, представлять мировой общественности американское общество и политику правительства США⁴¹⁸. Соответствующая техника фокусируется на укреплении положительного образа США за рубежом, поэтому часть программ посвящена американским новостям, культуре, музыке, научным и технологическим достижениям. Особенно «Голос Америки» в этом отношении известен передачами для изучающих английский язык и музыкальными программами. Показательно, что в этом отношении информационно-агитационное направление

⁴¹⁶ Analytic Report for Russia Media Use Survey, International Audience Research Project. Washington, D.C.: US Agency for Global Media, April 2019. P. 1-26.

⁴¹⁷ Крысько В.Г. Указ. соч.

⁴¹⁸ Mission and Values. VOA Public Relations [Электронный ресурс]. URL: <https://www.insidevoa.com/p/5831.html> (дата обращения: 10.01.2022).

публичной дипломатии США пересекается как с образовательно-просветительским, так и с культурно-развлекательным направлениями.

«Радио Свобода/Свободная Европа», «Радио Свободная Азия» и «Радио/Телевидение Марти», в свою очередь, являются так называемыми суррогатными средствами вещания/суррогатными станциями. Предполагается, что в странах, на которые ориентирована их деятельность, отсутствуют каналы для получения адекватной и объективной информации, поэтому «суррогатные средства вещания» берут эту роль на себя, транслируя преимущественно региональные и локальные новости.

Интересный случай представляет собой Ближневосточная сеть вещания, которую А. И. Кубышкин и Н. А. Цветкова называют «гибридным вариантом» между «Голосом Америки» и суррогатными станциями⁴¹⁹. С одной стороны, ее передачи направлены на то, чтобы донести «правдивую» информацию до государств ближневосточного региона, в которых «ограничена свобода СМИ». С другой стороны, изначально целью создания этой новостной организации было снижения уровня негатива в сознании жителей данного региона по отношению к США, для чего Ближневосточная сеть вещания распространяет среди своей аудитории информацию об американской политике, культуре и образе жизни различными способами: от документальных фильмов о США до передачи о последних киноновинках в Голливуде (рисунок 6).

⁴¹⁹ Кубышкин А.И., Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США. М.: Аспект Пресс, 2013. 271 с.

Рисунок 6 – Функциональная структура публичной дипломатии США.

Источник: составлено автором.

Несмотря на широкую доступность и отсутствие потребности в непосредственном взаимодействии по сравнению с другими инструментами публичной дипломатии, нельзя утверждать, что *целевой аудиторией* иновещание является широкая иностранная общественность. Чтобы быть заинтересованной в материалах американского иновещания, аудитория должна обладать одним или несколькими из следующих признаков: а) интересом к США и американской культуре, образу жизни («Голос Америки», Ближневосточная сеть вещания); б) активной гражданской позицией и оппозиционным отношением к своему правительству («суррогатные станции»); в) четко выраженным недоверием к доступным источникам информации и желанием искать и изучать альтернативные источники; г) иметь отношение к сфере политологии, международных отношений, международной журналистики. При этом в эпоху глобализации и интернета, повышения доступности разнообразного контента,

возрастающей роли социальных сетей и размывания границ между тем, что считается «заслуживающим доверия», а что нет, обладания одной из подобных характеристик будет, скорее всего, недостаточно, так как в каждом из соответствующих случаев удовлетворить потребность аудитории смогут и альтернативные источники информации. Соответственно, следует говорить об ограниченных целевых группах (выделяемых по признакам профессии, образования, политических взглядов и пр.), которые в отличие от целевой аудитории обменных программ не обладают ярко выраженным прогрессирующим эффектом: хотя по результатам опросов слушатели американских каналов иновещания в целом склонны делиться полученной информацией со своим окружением, только 14% россиян, например, однозначно готовы рекомендовать «Радио Свободу» другим, а 47,9% не готовы рекомендовать другим «Голос Америки». Ограниченность целевых групп подтверждает и отсутствие широкой известности этих каналов среди массовой аудитории: например, в 2018 г. только 26,8% и 30,6% россиян знали о существовании «Голоса Америки» и «Радио Свободы» соответственно, несмотря на многолетнее непрерывное вещание этих станций в регионе, причем чем моложе аудитории, тем ниже уровень осведомленности⁴²⁰.

Как и у обменных программ, у иновещания можно выделить *эффект узкой и эффект широкой направленности*. В первом случае речь идет о влиянии на конкретную целевую группу в определенной стране или регионе. В большей степени данный результат достигается усилиями «суррогатных средств вещания», когда необходимо повлиять на точку зрения иностранной аудитории по конкретному вопросу, который по какой-то причине имеет значение для государственных интересов США.

Например, во время августовского путча в России в 1991 г. именно «Голос Америки» помог Б. Ельцину распространить его обращение с осуждением

⁴²⁰ Analytic Report for Russia Media Use Survey, International Audience Research Project. Washington, D.C.: US Agency for Global Media, April 2019. P. 1-26.

переворота на весь СССР⁴²¹, так же как и впоследствии его призывы к всеобщей забастовке⁴²², что помогло предотвратить даже малейшую возможность отказа СССР от курса на демократический транзит. Также сразу после победы партии «Солидарность» на выборах в Польше в июне 1989 г. «Голос Америки» транслировал в прямом эфире на территории Польши обращение Л. Валенсы к Конгрессу США⁴²³, что должно было внести вклад в укрепление тенденции демократизации режимов в Восточной Европе. В период югославских войн в соседних с Сербией странах было размещено множество радиовышек для трансляции передач «Голоса Америки» и «Радио Свободная Европа/Радио Свобода» в рамках информационной кампании против режима С. Милошевича⁴²⁴. Профессор Е. Г. Пономарева, оценивая вклад США в процессы «арабской весны», отмечала высокую значимость инструментов иновещания, в частности телеканала «Альхурра», которому удалось завоевать молодежную аудиторию⁴²⁵. Тон подачи материала может иметь многоэтапные последствия. Например, если канал иновещания в своем репортаже об антиправительственной манифестации поощряет аудиторию сочувствовать участникам, в дальнейшем это может привести к росту недовольства правительством страны, подавляющим данные протесты, и создать дополнительный стимул для локального населения более активно выражать свою гражданскую позицию и оказывать соответствующее влияние на политические процессы внутри рассматриваемого государства.

Помимо конкретных новостных передач и репортажей свой вклад в достижение соответствующего эффекта вносит сама сущность «суррогатных станций». «Радио Свобода/Свободная Европа» и его аналоги ставят своей целью донесение информации до населения тех стран, где, по мнению американского правительства, ограничена свобода СМИ. Целевая аудитория, соответственно,

⁴²¹ Baker J.A. DeFrank T.M. *The Politics of Diplomacy: Revolution, War and Peace, 1989–1992*. New York, 1995. P. 520-521.

⁴²² Plokhy S. *The Last Empire: The Final Days of the Soviet Union*. New York: Basic Books, a member of the Perseus Books Group, 2014. 489 p.

⁴²³ Tuch H.N. *Communicating with the World: U. S. Public Diplomacy Overseas*. PalgraveMacmillan. 1990. 244 p.

⁴²⁴ Пономарева Е.Г. Указ. соч.

⁴²⁵ Там же.

разделяет точку зрения о том, что местные СМИ как минимум замалчивают некоторую информацию в интересах местного правительства, которое ограничивает доступ населения к ней. Это не может не влиять на формирование в сознании общественности негативного отношения к правящим кругам и впоследствии – на появление стремления к изменению политической ситуации.

Заложенная в иновещании способность потенциально вызывать определенные реакции у аудитории, которые будут иметь политическое значение – это то, что отличает инструмент политической технологии от средства массовой информации в традиционном понимании. Хотя очевидным образом соответствующие задачи АСГМ формально не формулируются, их существование весьма наглядно прослеживается в работе и документах организации.

Например, в опросе, который проводило Агентство США по глобальным медиа совместно с Институтом Гэллапа (одним из ведущих в США и мире центров изучения общественного мнения) в рамках исследования российской аудитории каналов своего вещания в 2018 г., в частности, был вопрос «Какие действия Вам доводилось предпринять в качестве непосредственной реакции на информацию, полученную от «Радио Свобода»?». Респондентам предлагалось выбрать один из 11 вариантов ответа: 1) с кем-то обсудил сюжет; 2) продолжил изучать заинтересовавшую тему; 3) посетил определенный сайт в интернете; 4) стал активным участником какой-то благотворительной деятельности, либо внес пожертвование на соответствующую деятельность; 5) посетил определенное место; 6) приобрел книгу; 7) написал пост в социальной сети; 8) обратился к государственным органам по конкретному политическому вопросу; 9) посетил мероприятие; 10) стал вовлечен в деятельность вокруг какого-то политического вопроса; 11) пожертвовал деньги на политические цели. Хотя доля респондентов, выбравших все варианты и невелика: от 2,4% для пункта №11 до 35,1% для пункта №1⁴²⁶, сама постановка вопроса указывает на технологический характер иновещания в целом и «Радио Свобода» на территории России в частности, так

⁴²⁶ Analytic Report for Russia Media Use Survey, International Audience Research Project. Washington, D.C.: US Agency for Global Media, April 2019. P. 1-26.

как при исследовании аудитории государственная структура, курирующая соответствующую деятельность, помимо прочего интересуется способностью этого инструмента побуждать иностранную общественность к определенным действиям.

Эффект широкой направленности достигается усилиями всех структур, объединенных Агентством США по глобальным медиа, и заключается в создании и поддержании в глазах иностранной общественности привлекательного образа США и культивации позитивного отношения к этому государству среди упомянутой общественности. С одной стороны, эту функцию реализуют передачи, посвященные американской культуре и истории, трансляции популярной музыки, программ изучения английского языка. В основном, это касается «Голоса Америки» (например, рубрика «Изучаем английский (*VOA Learning English*⁴²⁷)) и Ближневосточной сети вещания (например, документальные фильмы о движении за гражданские права в США в 1960-е гг. на телеканале «Альхурра»⁴²⁸).

С другой стороны, свой вклад вносят также и «суррогатные средства вещания» и соответствующие программы Ближневосточной сети вещания и «Голоса Америки», посвященные новостям различных стран и регионов, а также политическим темам. Во-первых, позиционирование себя в качестве единственного не подвергнутого цензуре источника правдивой информации в стране, где население страдает от недостатка таковой, позволяет вызвать в сознании иностранной аудитории чувство благодарности и симпатии к правительству США и самому американскому государству за предоставленную возможность. Во-вторых, освещая социально-значимые и политические вопросы, соответствующие структуры распространяют американские ценности, подчеркивая достижения США и их усилия на международном уровне в таких

⁴²⁷ Learning English [Электронный ресурс] // VOA. URL: <https://learningenglish.voanews.com/> (дата обращения: 14.01.2022).

⁴²⁸ Bayles M. *Through a Screen Darkly: Popular Culture, Public Diplomacy, and America's Image Abroad*. Yale University Press, 2014. 336 p.

областях, как демократия и права человека. Соответственно, это также помогает культивации привлекательного образа в иностранном общественном мнении.

Таким образом, говоря об иновещании, можно сделать вывод о высоком уровне политизированности этого инструмента. Во-первых, на это указывает специфическая географическая ориентация соответствующих новостных мультимедийных организаций. Еженедельная совокупная аудитория АСГМ достигает около 394 млн человек. «Голос Америки» охватывает еженедельно 311,8 млн человек по всему миру, распространяя новости и информацию на 48 языках. «Радио Свобода/Свободная Европа» осуществляет вещание на 27 языках на 23 страны, а его приблизительная аудитория составляет 37,2 млн человек. Еще 59,8 млн человек в шести странах на девяти языках еженедельно охватывает «Радио Свободная Азия». Аудитория арабоязычной Ближневосточной сети вещания в 22 странах составляет 31,1 млн человек. Наконец, аудитория «Офиса кубинского вещания» составляет 1 млн человек⁴²⁹.

Только вещание «Голоса Америки» носит глобальный характер. «Радио и телевидение Марти» направлено на Кубу. «Радио Свободная Азия» – на государства Юго-восточной Азии с социалистической или около-коммунистической системой правления (или таковой в недавнем прошлом), которые попадают в сферу геополитического влияния Китая – одной из держав, рассматриваемых США в качестве потенциального конкурента в контексте глобального лидерства. Ближневосточная сеть вещания, как следует из названия, охватывает регионы Ближнего Востока, а также Северной Африки. «Радио Свобода/Свободная Европа» с окончанием холодной войны прекратило свое вещание на страны Восточной Европы, но не на бывшие республики СССР (за исключением трех прибалтийских государств). Сегодня в фокусе его вещания также бывшие югославские республики, которые не вошли в ЕС: Сербия, Косово, Черногория, Северная Македония, Босния и Герцеговина, а помимо этого – Афганистан, Пакистан и Иран.

⁴²⁹ FY 2021 Performance and Accountability Report [Электронный ресурс] // US Agency for Global Media. URL: <https://www.usagm.gov/wp-content/uploads/2021/11/FY-2021-USAGM-PAR-FINAL.pdf> (дата обращения: 01.01.2022).

Можно говорить о том, что помимо декларируемых США несовершенств в области свободы СМИ все перечисленные страны и регионы объединяет тот факт, что они в той или иной степени имеют отношение к геополитическим национальным интересам США. Агентство США по глобальным медиа в своих отчетах подчеркивает, что в работе с аудиторией ориентируется на то, чтобы охватить как можно более широкие слои общественности государств, представляющих ключевой интерес для национальной безопасности и внешней политики США⁴³⁰.

История напряженных отношений США с Кубой, так и не разрешившихся до конца, несмотря на существенные шаги, предпринятые администрацией Б. Обамы, прекрасно объясняет соответствующую направленность инновещания. Россия и Китай рассматриваются правительством США в качестве государств-ревизионистов, несущих угрозу миропорядку, поэтому в спектр инновещания попадают регионы их влияния. Балканские государства отличает, во-первых, наличие угрозы непризнания их населением окончательных результатов распада Югославии и роли США в этих событиях, то есть угрозы оспаривания *status quo*, сложившегося в первые годы после ликвидации биполярного миропорядка и фактически легитимизировавшего право США и их союзников выступать в роли мирового жандарма. Во-вторых, тот факт, что исторически Россия с переменным успехом пыталась распространить свое влияние на Балканский регион, что усиливает опасения США относительно ревизионистской политики с ее стороны. Что же касается арабского мира, Афганистана, Пакистана и Ирана, то внимание к этим государствам прекрасно объясняется войной с терроризмом, которая остается одним из приоритетов американской внешней политики с 2001 г., и другими интересами США в ближневосточном регионе, включая связанные с энергоресурсами, оборотом оружия и т.д. Это также подтверждается распределением финансирования. Из 810 млн долл., выделенных АСГМ на 2021 г., самое внушительное финансирование (не считая «Голоса Америки», на который пришлось приблизительно 30% или 253 млн долл.) получили «Радио

⁴³⁰ Ibid.

Свобода/Свободная Европа» – 124,3 млн долл. (15%) и Ближневосточная сеть вещания – 110,3 млн долл. (13%)⁴³¹.

Показательным является пример Болгарии, Румынии и Венгрии. Как государства социалистического блока во время холодной войны они являлись адресатами вещания «Радио Свобода/Свободная Европа», которое было прекращено в ранние 2000-е гг. Тем не менее оно было вновь запущено в 2019 г. для Болгарии и Румынии, а для Венгрии – годом позже.

Главы правительств Болгарии и Венгрии (Бойко Борисов на тот момент и Виктор Орбан соответственно) заработали себе не лучшую репутацию в западном общественном и политическом дискурсе: обвинения в авторитаризме, коррупции, нарушении принципов демократии и прав человека. Однако заслуживает внимание то, что именно в 2019 г. обе страны косвенным образом пошли на сближение с Россией, что, в свою очередь, опосредованно увеличило российское геополитическое влияние в Европе. Уже в начале 2019 г. появилась публикация Уолл-Стрит Джорнэл, в которой сообщалось, что на требование США проводить более жесткую линию в отношении России и Китая В. Орбан ответил отказом⁴³². Однако куда важнее сотрудничество России, Венгрии и Болгарии в сфере поставок энергоресурсов, а именно «Балканский поток», ответвление газопровода «Турецкий поток» из Турции в Венгрию через Болгарию и Словакию. Договор между «Газпромом» и «Булгаргаз» был подписан в конце декабря 2019 г., заменив, таким образом, канал поставки через Украину и Румынию, а в 2021 г. начались поставки в Венгрию. Хотя в 2019 г. и Болгария, и Румыния вели речь о сотрудничестве с США в сфере энергетической безопасности, как самих государств, так и региона, через диверсификацию поставщиков и каналов

⁴³¹ Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting 2021 [Электронный ресурс] // United States Advisory Commission on Public Diplomacy. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/03/2021-ACPD-Annual-Report-508-WEB.pdf> (дата обращения: 11.01.2022).

⁴³² Hinshaw D., Komuves A. Hungary Bucks U.S. Push to Curb Russian and Chinese Influence // The Wall Street Journal. 2019. URL: <https://www.wsj.com/articles/hungary-bucks-u-s-push-to-curb-russian-and-chinese-influence-11548626080> (дата обращения: 14.01.2022).

транспортировки энергоресурсов и снижения зависимости от российских углеводородов в Европе⁴³³.

Что касается Румынии, то, помимо того, что она оказалась среди «проигравших» от запуска «Турецкого потока», она также стала одной из стран, наиболее активно наращивающих сотрудничество с США в сфере безопасности в регионе. В частности, в 2019 г. в ходе обсуждения контроля угроз на Черном море, Болгария выразила готовность принять на своей территории координационный центр НАТО, при том что штаб командования будет находиться в Румынии⁴³⁴, а президенты Румынии и США договорились укреплять восточный фланг НАТО на Черном море⁴³⁵. Уже в 2020 г. в проекте национальной стратегии обороны Румынии на 2020–2024 гг. были опубликованы формулировки об «агрессивном поведении России» и о том, что наращивание Москвой военного потенциала на Черном море создает вызовы для румынских национальных интересов. Стоит также принять во внимание, что 2019 г. стал годом восстановления и укрепления стратегического диалога Молдавии с Россией по всем актуальным направлениям, который был прерван после 2014 г.⁴³⁶

Таким образом, «Радио Свобода/Свободная Европа» возобновило свое вещание в Болгарии и Венгрии в тот же период, когда в этих государствах усилилось невыгодное США ни с экономической, ни с геополитической точки зрения влияние России в энергетической сфере. В Румынии же возвращение

⁴³³ США и Румыния подтвердили оппозицию проекту «Северный поток 2» [Электронный ресурс] // VOA. 2019. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/us-romania-reaffirm-opposition-to-nord-stream-2/5050818.html> (дата обращения: 14.01.2022); США и Болгария приняли решение о расширении стратегического партнерства [Электронный ресурс] // ТАСС. 2019. URL: <https://tass.ru/ekonomika/7198287> (дата обращения: 14.01.2022); Болгария пообещала США сократить закупки российского газа вдвое [Электронный ресурс] // EurAsiaDaily. 2020. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/01/28/k-koncu-goda-bolgariya-sokratit-zakupki-rossiyskogo-gaza-vdvoe> (дата обращения: 13.01.2022).

⁴³⁴ В Болгарии появится координационный центр НАТО в Черном море [Электронный ресурс] // ТАСС. 2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7198213> (дата обращения: 14.01.2022).

⁴³⁵ Укрепление восточного фланга: США и Румыния обороняются от России [Электронный ресурс] // Газета. ру. 2019. URL: <https://www.gazeta.ru/army/2019/08/21/12591649.shtml?updated> (дата обращения: 10.01.2022).

⁴³⁶ Итоги-2019: Молдавия и Россия заново учатся говорить [Электронный ресурс] // Regnum. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2819067.html> (дата обращения: 14.01.2022).

радиостанции совпало по времени с усилением военного присутствия России на Черном море и ответного усиления присутствия США и НАТО в регионе с помощью Румынии, а также с прорывным улучшением российско-молдавских отношений, то есть процесса потенциально имевшего возможность укрепить позиции России в восточноевропейской части постсоветского пространства, а также процесса, потенциально отдаляющего от Румынии перспективу будущего объединения с Молдавией. С точки зрения значения иновещания как инструмента политической технологии в трех рассмотренных примерах возвращение радиостанции должно было стать одним из средств во внешней политике США по сокращению негативных и невыгодных политических аспектов, а также по развитию и укреплению выгодных и позитивных моментов в политической ситуации. С учетом того, что в дальнейшем отношения Москвы с Молдавией и Болгарией ухудшились, а приверженность Румынии союзу с США и НАТО укрепилась, в частности, в контексте военного присутствия в черноморском регионе, можно говорить о том, что по крайней мере частично была достигнута политическая цель, одним из средств достижения которой и была публичная дипломатия США в своей агитационно-информационной форме.

Помимо этого, политизированный характер географии вещания отражает официальный сайт Агентства США по глобальным медиа, утверждающий, что его деятельность «нацелена на ключевые для внешней политики США стратегические регионы»⁴³⁷. Высокий уровень политизированности иновещания как инструмента публичной дипломатии подтверждает также и уже упомянутое ранее содержание распространяемых материалов. В фокусе программ, особенно «суррогатных станций» и Ближневосточной сети вещания часто находятся вопросы прав человека (например, «Радио Свободная Азия» и «Альхурра» посвящают свое эфирное время преследованиям уйгуров в Китае по религиозному признаку⁴³⁸) и

⁴³⁷ FY 2019 Performance and Accountability Report [Электронный ресурс] // US Agency for Global Media. URL: <https://www.usagm.gov/wp-content/uploads/2019/11/USAGM-FY2019-PAR.pdf> (дата обращения: 01.01.2022).

⁴³⁸ USAGM 2018 ANNUAL REPORT [Электронный ресурс] // US Agency for Global Media. URL: <https://www.usagm.gov/wp-content/uploads/2019/08/USAGM-AR-2018-final.pdf> (дата обращения: 01.01.2022).

проблемы демократии (например, «Радио Свобода/Свободная Европа» утверждало, что освещало гораздо более подробно, чем местные СМИ, протесты против пенсионной реформы в России в 2018 г., причем кадры были подобраны так, чтобы подчеркнуть грубое отношение правоохранительных органов к протестующим, особенно к подросткам⁴³⁹). Один из характерных примеров политизации сюжетов – тема прав женщин. В отчете о деятельности АСГМ за 2019 г. упоминаются программы, посвященные ущемлению прав женщин в таких странах, как Китай, Киргизстан, Сомали, Таджикистан, Иран, но не в Саудовской Аравии, являющейся партнером США⁴⁴⁰. Таким образом, определенная избирательность наблюдается не только в выборе стран-адресатов вещания, но и в выборе сюжетов, и в этом также прослеживается политический мотив.

Еще один аспект, демонстрирующий высокий уровень политизированности данного инструмента публичной дипломатии – это взаимосвязь новых инициатив американского иновещания с происходящими внешнеполитическими событиями, к которым правительство США высказывает однозначно негативное отношение и в случае с которыми оно заинтересовано в изменении ситуации и поведения соответствующего иностранного правительства. Например, после вооруженного конфликта в Южной Осетии в 2008 г. и последующего признания Россией независимости Южной Осетии и Абхазии «Радио Свобода/Свободная Европа» запустило в 2009 г. новый проект «Эхо Кавказа», специально ориентированный на эти республики и Грузию. В 2014 г. аналогичным образом последовала реакция на присоединения Крыма и начало гражданской войны на Украине. «Голос Америки» совместно с «Радио Свобода/Свободная Европа» дали старт новой русскоязычной телевизионной программе новостей «Настоящее время» (*Current Time*), которая позиционирует себя в качестве альтернативы «контролируемых Кремлем СМИ для русскоговорящей аудитории»⁴⁴¹.

⁴³⁹ Ibid.

⁴⁴⁰ FY 2019 Performance and Accountability Report [Электронный ресурс] // US Agency for Global Media. URL: <https://www.usagm.gov/wp-content/uploads/2019/11/USAGM-FY2019-PAR.pdf> (дата обращения: 01.01.2022).

⁴⁴¹ Ibid.

3.3 Американская кинопродукция

В рамках этой работы при изучении культурно-развлекательного направления публичной дипломатии США было принято решение сфокусироваться на таком инструменте, как американский кинематограф (в широком смысле этого слова: включая полнометражное кино, сериалы, анимационные картины и т.д.), так как на его примере хорошо иллюстрируется ситуация, в которой между американскими государственными структурами и частным сектором устанавливается неофициальный консенсус, результаты которого оказываются выгодны целям соответствующей политической технологии.

Помимо этого, в целом, среди экспертов по психологическому влиянию, пропаганде и психологическим войнам (практики, в определенной мере родственные такой политтехнологии как публичная дипломатия) распространена точка зрения о высокой эффективности кино как средства воздействия на зарубежное общественное мнение. Пол Лайнбарджер, стоявший у истоков Управления военной информации США и являющийся автором одного из ключевых трудов по психологическим войнам, писал, что по силе воздействия кино нет равных⁴⁴², а Герхард Зазворка, эксперт из ГДР, автор аналогичной работы, вышедшей в печать на десять лет позже труда Лайнбарджера, называл кино «важнейшим средством распространения американской пропаганды за границей»⁴⁴³.

Более того, по мнению Ричарда Пеллса, профессора Техасского университета и специалиста по американской культурной и интеллектуальной истории XX в., кино – это тот элемент американской культуры, который охотнее всего воспринимается иностранцами, в частности европейцами, в отличие,

⁴⁴² Лайнбарджер П. Психологическая война. М.: Воениздат, 1962. 350 с.

⁴⁴³ Зазворка Г. Психологическая война НАТО (Организация, способы и методы ведения психологической войны). М.: Воениздат, 1963. 313 с.

например, от театра или моды⁴⁴⁴. Также важно, что из всего культурно-развлекательного направления американской публичной дипломатии только продукция киноиндустрии может предложить иностранной общественности наглядное изображение Соединенных Штатов как государства и как общества, что крайне необходимо для целей публичной дипломатии.

Хотя в дальнейшем вопрос киноиндустрии в той или иной степени сохранялся в повестке ключевых институтов публичной дипломатии США, к использованию культуры в качестве политического инструмента США подошли сравнительно поздно: если европейские державы практиковали подобный подход еще в XIX в., то в Америке об этом всерьез задумались после Второй мировой войны, когда в политических и дипломатических кругах зашла речь о распространении в мире американского стиля жизни, в том числе для предотвращения установления ультраправых и ультралевых режимов⁴⁴⁵. Тем не менее, как и в случае с предыдущими инструментами, первые шаги проявлялись уже в начале XX в. на фоне Первой мировой войны.

По договоренности с Голливудом Комитет Крила «брал на себя полный контроль за распространением за рубежом американской драматической и комедийной кинопродукции»⁴⁴⁶. Это, по мнению самого Дж. Крила, должно было позволить правительству США «доминировать над ситуацией, касающейся кинофильмов, в каждой стране»⁴⁴⁷. С точки зрения политических технологий данный подход имел два практических выражения. Во-первых, иностранные кинодистрибьюторы были поставлены перед ультиматумом: если они хотели получить право на прокат американских кинокартин, они должны были отказаться от немецких, а также «брать в нагрузку» пропагандистские фильмы

⁴⁴⁴ Pells R. *American Culture Abroad: The European Experience since 1945* // Kroes R., Rydell R.W., Bosscher D.F.J. *Cultural Transmissions and Receptions: American Mass Culture in Europe*. Amsterdam, 1993. P. 67-83.

⁴⁴⁵ Gienow-Hecht J. *Shame on US? Academics, Cultural Transfer, and the Cold War a Critical Review* // *Diplomatic History*. 2000. Vol. 24 (3). P. 465-494.

⁴⁴⁶ *Complete Report of the Chairman of the Committee on Public Information 1917; 1918; 1919* [Электронный ресурс]. Washington, DC: Government Printing Office, 1920. P. 140-149. URL: <https://www.loc.gov/item/20026826/> (дата обращения: 01.01.2022).

⁴⁴⁷ Creel G. *Op. cit.* P. 276-277, 281.

производства Комитета. Во-вторых, Комитет Крила обладал возможностью отказать в лицензии на экспорт фильмам, которые, на его взгляд, «представляли Америку в неверном свете» или могли оскорбить чувства народов стран-союзниц⁴⁴⁸.

В годы Второй мировой войны Управление по координации межамериканских отношений продолжило практику сотрудничества с Голливудом: поощряя производство «подходящих» фильмов и вынуждая дистрибьютеров блокировать прокат в тех иностранных кинотеатрах, которые демонстрировали продукцию стран «Оси»⁴⁴⁹. В Управлении военной информации и вообще существовало специальное Бюро по вопросам кинематографа. Данное подразделение стремилось придать тенденциям производства в киноиндустрии направление, подходящее для реализации в первую очередь целей, связанных с войной, но также и внешнеполитических задач в целом⁴⁵⁰.

В послевоенные годы роль киноиндустрии в публичной дипломатии была подчинена неформальной системе отношений между политическими аппаратчиками и киностудиями. Подразделение по вопросам международного кинематографа в составе Управления международной информации и культурных связей Госдепартамента занималось только производством и распространением за границей собственных документальных фильмов⁴⁵¹. Тем не менее возглавлявший

⁴⁴⁸ Mock J.R., Larson C. Words that won the war; the story of the Committee on Public Information, 1917-1919. Princeton, Princeton University Press. 1939, P. 136-153.

⁴⁴⁹ Reich C. The Life of Nelson A. Rockefeller: Worlds to Conquer, 1908–1958. New York: Doubleday, 1996. 875 p.; USIA Historical Branch, History of the Office of the Coordinator of Inter-American Affairs [Электронный ресурс] // Historical reports on war administration. Washington, DC: U.S. Govt. Print. Off., 1947. 284 p. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015014125036&view=1up&seq=310> (дата обращения: 01.01.2022).

⁴⁵⁰ Koppes C.R., Black G.D. What to Show the World: The Office of War Information and Hollywood, 1942-1945. // The Journal of American History. 1977. Vol. 64 (1). P. 87-105.

Wilson T.A. Selling America via the Silver Screen? Efforts to Manage the Projection of American Culture Abroad, 1942–1947 // Wagnleitner R., May E.T. Here, There and Everywhere: The Foreign Politics of American Popular Culture. 1st edition. University Press of New England, 2000. 368 p.

⁴⁵¹ Joseph Regenstein Library, University of Chicago, William Benton Papers, box 375/1, Byrnes to President Truman. 31 December, 1945 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lib.uchicago.edu/e/src/findingaids/view.php?eadid=ICU.SPCL.BENTONW#idp180531632> (дата обращения: 01.01.2022).

с 1945 по 1947 гг. это ведомство помощник госсекретаря Уильям Бентон в 1946 г. при посредничестве Эрика Джонстона, президента Американской ассоциации кинокомпаний, заключил сделку, в рамках которой голливудские киностудии согласились на механизм добровольных консультаций с Госдепартаментом относительно того, как международные вопросы освещались в их картинах. Бентон убедил помощника госсекретаря по экономическим вопросам У. Клейтона, что оказание помощи Голливуду в экспорте фильмов политически выгодно Госдепартаменту⁴⁵².

Информационное агентство США также активно использовало кинематограф в качестве инструмента публичной дипломатии с момента своего образования в 1953 г., в частности, организовав собственное производство документальных и просветительских кинофильмов, ориентированных на иностранную аудиторию и сфокусированных на значимых для внешнеполитической повестки США вопросах, а также на продвижении за рубежом положительного имиджа Америки⁴⁵³. Именно ЮСИА осуществляло контроль за участием американских кинокартин в международных фестивалях.

Что касается взаимодействия с Голливудом, ЮСИА продолжило практику неформального добровольного сотрудничества с коммерческими киностудиями под руководством Вашингтона⁴⁵⁴. В частности, в 1950-е гг. глава кинематографического подразделения агентства Эндрю У. Смит-младший (в прошлом топ-менеджер киностудии «XX век Фокс») постоянно поддерживал

⁴⁵² Hyman S. The Lives of William Benton. Chicago: University of Chicago Press, 1969. 625 p.; Joseph Regenstein Library, University of Chicago, William Benton Papers, box 75/2, Lasswell, 1945-1947. Benton, William. Papers, [Box 75, Folder 2], Hanna Holborn Gray Special Collections Research Center, University of Chicago Library; Joseph Regenstein Library, University of Chicago, William Benton Papers box 375/10, Benton to Byrnes, 22 February, 1948. Benton, William. Papers, [Box 375, Folder 10], Hanna Holborn Gray Special Collections Research Center, University of Chicago Library; Foreign Relations of the United States 1952-1954, Vol. II, Part 2, Memorandum of Conversation, by the Director of the Executive Secretariat (McWilliams), Meeting with the Secretary, item 4 American Motion Pictures Shown Abroad, 5 May, 1952 / eds. L. A. Rose, N. H. Petersen. Washington: United States Government Printing Office, 1984. Document 609. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v02p2> (дата обращения: 01.01.2022).

⁴⁵³ Cull N. The Cold War and the United States Information Agency. 568 p.

⁴⁵⁴ Просолова Е.В. Кинопропаганда в системе государственного аппарата США на начальном этапе холодной войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. № 8. С. 8-14.

связь с Сесилом Демиллем, который является одним из признанных «отцов-основателей» американского кинематографа, Кэри Уилсоном – президентом гильдии кинопродюсеров, и Аддисоном Дюрландом, членом административной структуры, ответственной за соблюдение кинопроизводителями правил самоцензуры. Они регулярно посещали Вашингтон для участия в совместных брифингах Госдепартамента и ЮСИА, на которых до них доводилось содержание планов публичной дипломатии США в отношении отдельных стран⁴⁵⁵.

В 1957 г. повышенный интерес к исследованию роли фильмов во влиянии на иностранное общественное мнение в американском экспертном и политическом дискурсе был спровоцирован работой Эдварда Бернейса, в прошлом члена Комитета общественной информации, в которой он изучал корни неприязни британцев к американцам и в значительной степени возлагал вину на неприглядный имидж США, транслируемый кинокартинами. Хотя вопрос о том, вносит ли киноиндустрия достаточный вклад в борьбу правительства США за умы иностранной общественности и поднимался ранее на слушаниях «Фулбрайта-Хикенлупера» в 1953 г.⁴⁵⁶, новая дискуссия, развернувшаяся с подачи Бернейса, побудила Американскую ассоциацию кинокомпаний провести собственное исследование, чтобы предоставить опровержения его выводов.

Глава ассоциации Э. Джонстон в 1958 г. представил доклад «Влияние кинематографа за рубежом», в котором предоставлял данные, прямо противоположные тем, что предоставил Э. Бернейс⁴⁵⁷. Тем не менее в конце 1958 г. Госдепартамент, приняв к сведению точку зрения заслуженного эксперта, заявил, что некоторые фильмы наносят ущерб американскому престижу и «дал указание об усилении цензуры в кино», поручив это Американской киноэкспортной ассоциации (организация-предшественник Американской

⁴⁵⁵ Cull N. The Cold War and the United States Information Agency. 568 p.

⁴⁵⁶ Overseas Information Programs of the United States. March, April 1953. [Электронный ресурс]. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uc1.aa0008077067&view=1up&seq=5&skin=2021> (дата обращения: 01.01.2022).

⁴⁵⁷ 1959: PMS-50: The Impact of Hollywood Films Abroad; Program and Media Studies, 1956-1962; Records of the U.S. Information Agency, 1900-2003; Entry A1 1011; Box 2; Record Group 306; National Archives at College Park, College Park, MD.

ассоциации кинокомпаний), которая была обязана преподнести отечественному и зарубежному зрителю «умеренную картину» американской действительности⁴⁵⁸.

В итоге исследованием того, каково реальное влияние голливудских фильмов на международный имидж США, занялось Информационное агентство США, и уже в 1961 г. был представлен доклад по результатам исследования, которое проводилось в течение двух лет в 17 странах⁴⁵⁹. Аналитики ЮСИА, с одной стороны, подчеркнули огромный потенциал кинематографа как инструмента публичной дипломатии США для «влияния на иностранных кинозрителей с учетом того, что от 50% до 90% экранного времени в кинотеатрах по всему миру занято американскими картинками», отметив также, что образ США, транслируемый через эти фильмы, в большинстве случаев позитивный.

С другой стороны, доклад обращал внимание на то, что соответствующее направление публичной дипломатии не было на тот момент оптимально организовано: случаи, когда фильмы, наоборот, формировали за рубежом негативные убеждения относительно США, действительно существовали. Помимо этого, кинематограф еще не был в полной мере встроен в только лишь формирующуюся политическую технологию, что было заметно по недостатку систематизации и организации: в частности, доклад ЮСИА обращал внимание на ранее не учитываемый аспект – воздействие фильмов на иностранное общественное мнение не всегда имеет прямой характер. Обсуждения голливудских кинокартин в прессе, реклама и «сарафанное радио» тоже влияют на мнение иностранцев о США, даже если самого фильма они не видели, утверждали аналитики. Другой важный аспект, который отмечен в докладе ЮСИА – тот факт, что между местным СМИ и американским кино в качестве источника информации о США иностранцы отдают предпочтение своим газетам, но между американскими фильмами и американскими медиа, скорее, предпочтут кино в

⁴⁵⁸ Зазворка Г. Психологическая война НАТО (Организация, способы и методы ведения психологической войны). М.: Воениздат, 1963. 313 с.

⁴⁵⁹ 1959: PMS-50: The Impact of Hollywood Films Abroad; Program and Media Studies, 1956-1962; Records of the U.S. Information Agency, 1900-2003; Entry A1 1011; Box 2; Record Group 306; National Archives at College Park, College Park, MD.

качестве источника. Наконец, исследование установило, что голливудские фильмы (их реклама и обсуждение) действительно формируют у иностранных зрителей впечатление о США, а не просто усиливают уже сложившиеся мнения об этой стране.

Таким образом, установление правительственным агентством огромного потенциала кинематографа как инструмента публичной дипломатии, с одной стороны, и очевидного недостатка проработанности вопросов эффективной инкорпорации фильмов в политтехнологию, с другой – дали стимул к более осознанному подходу правительства США к этой теме. Последнее проявилось уже в 1961 г., когда Эдвард Марроу возглавил ЮСИА и отправился в Лос-Анджелес, чтобы обсудить условия консенсуса с ведущими киностудиями, он усложнил предшествующую задачу: ЮСИА полагало недостаточным сотрудничество кинематографа в том, что касалось избегания прямой дискредитации США за рубежом или молчаливого следования официальной линии в изображении внешнеполитических тем. Э. Марроу хотел, чтобы Голливуд повысил качество своей продукции, выходящей на экспорт, отказался от доминирования коммерчески выгодных «примитивных» сюжетов и сосредоточился на художественной ценности, так как соответствующие изменения были необходимы для укрепления хорошего международного имиджа США⁴⁶⁰. С этого периода можно говорить об однозначности роли американского кинематографа в качестве неотъемлемого элемента технологии публичной дипломатии США.

Принцип воздействия данного инструмента американской публичной дипломатии заключается в следующем: кинопродукция, являясь элементом системы развлечений, не воспринимается в полной мере в качестве источника

⁴⁶⁰ Murrow's Hollywood Quest: Footage to help USIA Abroad [Электронный ресурс] // Variety. 1961. Vol. 224 (10). P. 82. URL: <https://archive.org/details/variety-1961-11/page/82/mode/2up> (дата обращения: 01.01.2022); Murrow Dubs U.S. Film Product 'Funhouse Mirrors' As Seen O'Seas [Электронный ресурс] // Variety. 1961. Vol. 224 (11). P. 78. URL: <https://archive.org/details/variety-1961-11/page/82/mode/2up>; Murrow In Hollywood [Электронный ресурс] // Variety. 1961. Vol. 224 (12). P. 5. URL: <https://archive.org/details/variety-1961-11/page/82/mode/2up> (дата обращения: 01.01.2022).

информации. Индивид, нацеленный на получение удовольствия от данной области культурной сферы, как правило, заведомо расслаблен и не склонен излишне анализировать увиденное. Соответственно, через кинопродукцию у него может сложиться определенное впечатление, оформиться взгляд на какие-то вещи без соответствующего критического осмысления. Речь может идти как о формировании некоего клишированного образа в сознании зрителя, так и об изменении его поведения, чаще всего обусловленного осознанным или неосознанным желанием копировать стиль жизни и привычки главных героев того или иного произведения⁴⁶¹. Орландо Паттерсон, профессор Гарвардского университета, специалист в области культурной и исторической социологии, в частности, полагал, что это можно интерпретировать в качестве продвижения со стороны США американского универсализма⁴⁶². Кино, как и любые изобразительные средства воздействия, может влиять как на сознание, так и на подсознание человека, провоцируя у зрителя возникновение разного рода ассоциаций, которые в перспективе можно использовать для формирования определенных убеждений и ценностных ориентаций⁴⁶³.

При рассмотрении американского кинематографа как инструмента публичной дипломатии можно выделить три *техники* реализации. Две из них связаны с непосредственным взаимодействием киноиндустрии с правительством США: мобилизация киноиндустрии правительственными структурами для решения внешнеполитических задач и взаимовыгодное эпизодическое сотрудничество между кинокомпаниями и государственными институтами. Данные формы взаимодействия часто пересекаются друг с другом, так как в рамках проведения инициированной правительством информационной кампании (что связано с первым методом) отдельные государственные структуры активно выражают стремление к коллаборации с кинопроизводителями (второй метод).

⁴⁶¹ Fattor E. M. *American Empire and the Arsenal of Entertainment: Soft Power and Cultural Weaponization*. Palgrave Macmillan, 2014. 241 p.

⁴⁶² Patterson O. *Ecumenical America: Global Culture and the American Cosmos // World Policy Journal*. 1994. Vol. 11 (2). P. 103-117.

⁴⁶³ Крысько В.Г. Указ. соч.

Третья техника несколько отличается по своей сути. Речь идет о практически систематическом воспроизведении определенных образов и нарративов в продукции Голливуда, ориентированной на массовую аудиторию, что обеспечивается некоей формой самоцензуры среди кинопроизводителей в соответствии с мейнстримной политической и идеологической повесткой.

Говоря о непосредственной *мобилизации киноиндустрии* со стороны американского правительства для ответа на определенный внешнеполитический вызов, стоит обратиться к таким ярким примерам, как период начала холодной войны и ситуация сразу после террористической атаки на Нью-Йорк 11 сентября 2001 г. В первом случае после удачного опыта привлечения кинематографа к информационной кампании в поддержку антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны правительство США решило использовать экспорт кинопродукции для распространения своих идеалов и ценностей в послевоенной Европе и противодействия распространению коммунизма.

При поддержке президента США⁴⁶⁴ Государственный департамент договаривался с киноиндустрией⁴⁶⁵ о производстве полнометражных фильмов, вносящих вклад в формирование положительного имиджа страны и ее государственных институтов, а также фильмов, продвигающих официальную внешнеполитическую повестку⁴⁶⁶. Также было снято большое количество короткометражных фильмов, показавших достижения плана Маршалла в Европе

⁴⁶⁴ Ming S.W. Is There No Business Like Show Business? Free Trade and Cultural Protectionism // Yale Journal of International Law. 1995. Vol. 20. P. 105, 128.

⁴⁶⁵ Memorandum of Conversation with Paul Hoffman, Eric Johnston, and Edward W. Barrett, 26 April, 1950, "Film Projects for ECA and the Cold War"; Folder "April, 1950", box 66, Dean Acheson papers, Harry S. Truman Library [Электронный ресурс]. URL: <https://www.trumanlibrary.gov/library/personal-papers/memoranda-conversations-file-1949-1953/april-1950-0?documentid=39&pagenumber=1> (дата обращения: 01.01.2022); Foreign Relations of the United States 1951, Vol. 1, The United States international information program, NSC 114/1, Annex 5 "study Prepared by the Department of State", 8 August, 1951 / eds. N. H. Petersen, H. D. Schwar, C. N. Raether, J. A. Bernbaum, R.R. Goodwin. Washington: United States Government Printing Office, 1979. Document 328 [Электронный ресурс]. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1951v01/d328> (дата обращения: 01.01.2022).

⁴⁶⁶ Selling Hollywood to the World: U.S. and European Struggles for Mastery of the Global Film Industry, 1920-1950. John Trumbour. New York: Cambridge University Press, 2002. 378 p.; Veron L. Hollywood and Europe: A Case of Trade in Cultural Industries, the 1993 GATT Dispute [Электронный ресурс] // Columbia Int'l Affairs Online. 1999. URL: <http://www.ciaonet.org/wps/vel02> (дата обращения: 01.01.2022).

под лозунгом «Вы тоже можете быть такими, как мы»⁴⁶⁷. В «Пособии по ведению психологической войны», опубликованном в 1958 г. Управлением по исследованию операций (гражданский аналитический центр исследования военных вопросов при Университете Дж. Хопкинса, учрежденный в 1948 г. Армией США) и составленном по запросу американских вооруженных сил, также озвучивались перспективы использования кинематографа для изменения сознания и мировосприятия жителей Западной Германии⁴⁶⁸.

Со своей же стороны правительство обещало активно защищать интересы киноиндустрии за рубежом и в некоторых случаях даже компенсировать киностудиям финансовые издержки⁴⁶⁹. Более того, сотрудникам Американской ассоциации кинокомпаний позволялось использовать защищенную линию связи Госдепартамента для передачи важных сообщений.

Похожим образом происходила мобилизация Голливуда и для «войны с террором». Через два месяца после террористической атаки на башни-близнецы главный советник президента Дж. У. Буша по политическим вопросам Карл Ров провел два совещания с топ-менеджерами американской киноиндустрии: одно открытое и одно закрытое⁴⁷⁰. На открытом совещании он обозначил ряд тем, которые Голливуду стоило растиражировать через свои картины в рамках ответа на возникший вызов международного терроризма, включая представление войны с терроризмом как «борьбы со злом», акцент на необходимости глобального ответа на террористическую атаку на башни-близнецы, подчеркнутость войны США с радикализмом, а не с исламом в целом и, наконец, идею об общей ответственности правительства и киноиндустрии за безопасность будущих

⁴⁶⁷ Лекен Е.В. «Вы тоже можете быть такими, как мы»: образ американизированной Европы в фильмах плана Маршалла // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2017. № 4/1. С. 29-46.

⁴⁶⁸ Daugherty W.E., Janowitz M. A Psychological Warfare Casebook. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1958. 881 p.

⁴⁶⁹ Foreign Relations of the United States 1951, Vol. 1, The United States international information program, NSC 114/1, Annex 5 “study Prepared by the Department of State”, 8 August, 1951 [Электронный ресурс] / Eds. N.H. Petersen, H.D. Schwar, C.N. Raether [et al.]. Washington: United States Government Printing Office, 1979. Document 328. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1951v01/d328> (дата обращения: 01.01.2022).

⁴⁷⁰ Alford M. Reel Power: Hollywood Cinema and American Supremacy. Pluto Press, 2010. 232 p.

поколений⁴⁷¹. После этого Джек Валенти, занимавший в тот момент пост президента Американской ассоциации кинокомпаний, сделал заявление, в котором призвал американскую киноиндустрию рассказать мусульманам о масштабах той бескорыстной помощи, которую США оказывали миру⁴⁷². Одним из результатов данной мобилизации явился фильм «DC 9/11: Время кризиса», снятый при поддержке (в форме консультаций)⁴⁷³ Белого дома и показавший в выгодном свете президента Буша-младшего. Также было снято много короткометражных фильмов и роликов, направленных на привлечение людей на службу в армию и в ЦРУ.

Техника *эпизодического взаимовыгодного сотрудничества* Голливуда с государственным ведомством менее масштабна и может быть не связана с конкретным внешнеполитическим вызовом. В частности, Министерство обороны США тесно взаимодействует с Голливудом на регулярной основе. Пентагон предоставляет киностудиям консультации и военную технику для съемок, если фильм будет влиять положительно на имидж американской армии. Обязательства сторон прописываются в специальном соглашении о помощи. Технический советник обязан проследить, что съемки проводятся по согласованному сценарию. Министерство обороны также может запросить предварительный показ фильма⁴⁷⁴, чтобы убедиться, что соглашение не было нарушено и по результатам просмотра вынести дополнительные рекомендации.

В фильмах, снятых при сотрудничестве с Пентагоном (например, «Правдивая ложь», «День независимости», «Железный человек», «Трансформеры»), поддерживаются определенные образы и нарративы в отношении американских вооруженных сил. В подобных фильмах не допускаются сцены, дискредитирующие американских военных: мародерство,

⁴⁷¹ Ibid.

⁴⁷² Valenti J. Hollywood and the War against Terror (The West ad Islam) // New Perspectives Quarterly. Spring. 2002. Vol. 19 (2). P. 70.

⁴⁷³ Alford M. Reel Power: Hollywood Cinema and American Supremacy. Pluto Press, 2010. 232 p.; Alford M., Secker T. National Security Cinema: The Shocking New Evidence of Government Control in Hollywood. CreateSpace Independent Publishing Platform. 2017. 264 p.

⁴⁷⁴ Alford M. Op. cit.

насилие в отношении мирного населения, коррупция в армии. Пентагон либо изначально отказывает в сотрудничестве сценарию, содержащему такие сюжетные детали, либо просит их вырезать⁴⁷⁵.

Похожим образом с киноиндустрией сотрудничает Центральное разведывательное управление, хотя оно и склонно в меньшей степени, чем Пентагон афишировать свое взаимодействие с кинопроизводителями⁴⁷⁶. Например, производство серии фильмов «Миссия невыполнима», по мнению ряда экспертов⁴⁷⁷, не обошлось без участия ЦРУ, хотя официально производители об этом не заявляли: в частности, известно, что перед съемками «Миссия невыполнима 3» Том Круз встречался с представителями управления, чтобы обсудить, как представить ведомство в фильме в наилучшем свете⁴⁷⁸.

Подобно техническим советникам Пентагона сотрудники ЦРУ готовы предложить помощь в съемках: консультации, доступ в штаб-квартиру, а иногда и съемки на ее территории⁴⁷⁹. В обмен ожидается либо в целом продвижение положительного имиджа ЦРУ, либо внесение вклада в определенную информационную кампанию, как, например, борьбу с терроризмом. Например, Майкл Фрост Бэкнер, автор сценария сериалов «Агентство» и «Шпионские игры», рассказывал, что консультирующий его офицер Пол Бэрри часто предлагал сюжетные повороты, направленные на запугивание террористов⁴⁸⁰.

Известно, что в годы холодной войны ЦРУ спонсировало съемки фильмов за пределами США, в частности, экранизации произведений Дж. Оруэлла, которые также получали поддержку и от ЮСИА. Например, к изначальному бюджету выпущенного в 1956 г. фильма «1984» (по роману Дж. Оруэлла) в 500

⁴⁷⁵ Brooks X. That's Militainment // Guardian. 2002, 22 May.

⁴⁷⁶ Jenkins T. The CIA in Hollywood: How the Agency Shapes Film and Television. University of Texas Press, 2013. 175 p.

⁴⁷⁷ Jenkins T., Secker T. Superheroes, Movies, and the State: How the U.S. Government Shapes Cinematic Universes. University Press of Kansas, 2022. 336 p.

⁴⁷⁸ Alford M., Jenkins T. Intelligence Activity in Hollywood: Remembering the 'Agency' in CIA [Электронный ресурс] // Scope, 2012. URL: www.nottingham.ac.uk/scope/documents/2012/june-2012/jenkins.pdf (дата обращения: 18.07.2022).

⁴⁷⁹ Alford M., Jenkins T. Op. cit.

⁴⁸⁰ Jenkins T. Get smart: A look at the current relationship between Hollywood and the CIA // Historical Journal of Film, Radio and Television. 2009. Vol. 29 (2). P. 232.

000 долл. агентство добавило еще 100 000 долл.⁴⁸¹ По инициативе же ЦРУ в сценарий были внесены изменения, чтобы «Большой Брат» больше ассоциировался с коммунизмом⁴⁸². Управление также рекомендовало изменить окончание «Скотного двора» с целью сделать его более вдохновляющим в вопросах свержения коммунистических диктатур⁴⁸³.

В отношении же Голливуда ЦРУ придерживалось подхода установления взаимопонимания с высокопоставленными членами киноиндустрии, чтобы обеспечивать отсутствие в картинах сцен, дискредитирующих США в глазах иностранной общественности: например, алкоголизма, насилия, расовой нетерпимости⁴⁸⁴. Показателен пример Луиджи Лураши – главы отдела внутренней и внешней цензуры киностудии «Парамаунт» (*Foreign and Domestic Censorship, Paramount Studios*). Его переписка с сотрудником ЦРУ включала в себя отчеты о том, как ему удавалось «вписывать» необходимые нарративы в кинокартины и вырезать неприглядные сцены⁴⁸⁵.

Третья техника заключается в *воспроизведении определенных образов и нарративов* через систему идеологического самоконтроля и самоцензуры и не предусматривает обязательного непосредственного участия правительственных структур в процессе кинопроизводства как в двух других случаях, хотя эта техника может и зачастую на практике пересекается с двумя описанными ранее.

Если в предыдущих примерах речь шла об ограниченном наборе жанров, так как прямое участие правительства (в форме мобилизации или договоренностей о сотрудничестве) зачастую предполагает, что фильм будет о политических событиях, войне, специальной операции либо буднях сотрудников, например, спецслужб, то в случае с третьим методом таких ограничений нет, так

⁴⁸¹ Hoyt R.E. 1984 Named as Movie USIA Aided // Washington Post. 1957. 6 July.

⁴⁸² Lean D.J. Orwell Subverted: The CIA and the Filming of Animal Farm. The Pennsylvania State University Press, 2008. 232 p.

⁴⁸³ Alford M., Secker T. National Security Cinema: The Shocking New Evidence of Government Control in Hollywood. Create Space Independent Publishing Platform, 2017. 264 p.

⁴⁸⁴ Eldridge D.N. 'Dear Owen': The CIA, Luigi Luraschi and Hollywood, 1953 // Historical Journal of Film, Radio and Television. 2000. Vol. 20 (2). P. 149-196.

⁴⁸⁵ Alford M. Reel Power: Hollywood Cinema and American Supremacy. PlutoPress, 2010. 232 p.

как речь идет о формировании у аудитории определенных представлений об окружающей действительности за счет системы образов и намеков. По мнению сотрудника ИСК РАН В. М. Халилова, именно «аллюзии и метафоры» делают популярные фильмы более эффективным средством донесения идей до публики, чем фильмы с «прямолинейным идеологическим посылом»⁴⁸⁶.

Соответствующая техника может быть условно разделена на два подтипа: воспроизведение системы символов, образов и нарративов в кинокартинах, (1) формирующее у зрителя в определенной степени идеализированное представление о США; (2) внедряющее в международном общественном мнении американоцентричную парадигму мировосприятия (имея в виду идеи о глобальном лидерстве США и однополярном «либеральном миропорядке, основанном на правилах»). Стоит отметить, что ограниченная технологическая эффективность первого подтипа отмечалась еще в исследовании ЮСИА в XX в.⁴⁸⁷, так как само наличие у иностранной общественности идеализированного представления о Соединенных Штатах лишь укрепляет в целом положительный фон общественного мнения, но вносит малый вклад в продвижение политических целей и задач. Второй подтип гораздо более перспективен, что видно по тенденциям американской киноиндустрии, которая в конце XX – начале XXI века перенесла фокус на производство именно блокбастеров – картин с популярными, часто малосвязанными с реальным миром сюжетами, в которые в то же время гораздо легче включать упомянутые нарративы и символы, «лоббирующие» в иностранном общественном мнении картину миру, наиболее благоприятную для национальных интересов и целей внешней политики США.

Первый вариант, подтип «идеализация», достигается, прежде всего, за счет грамотной подачи достоинств и недостатков Америки, зачастую с использованием преувеличений и преуменьшений, легко обоснованных

⁴⁸⁶ Халилов В.М. Общественно-политическая роль кинематографа США во второй половине XX века: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2002. 253 с.

⁴⁸⁷ 1959: PMS-50: The Impact of Hollywood Films Abroad; Program and Media Studies, 1956-1962; Records of the U.S. Information Agency, 1900-2003; Entry A1 1011; Box 2; Record Group 306; National Archives at College Park, College Park, MD.

художественным характером произведения. Например, в фантастическом фильме «Первый мститель» при изображении эпохи Второй мировой войны в США ретушируется такой исторический факт, как расовая сегрегация: главный герой Капитан Америка служит в вооруженных силах в одном подразделении с темнокожими соотечественниками⁴⁸⁸.

В абсолютно любую кинокартину вне зависимости от жанра и сюжета возможно включить определенные детали, благодаря которым у зрителя будет формироваться положительное впечатление о США. Красивые дома с газоном – символ благосостояния населения; входные двери с витражами – символ безопасности жизни; достижение главным героем своей мечты после того, как он поверил в себя – символ социальной справедливости и т.д. Достаточно в связи с этим вспомнить нехарактерно большие и хорошо обставленные дома жителей неблагополучного афро-американского квартала в фильме Дж. Тиллмана-мл. «Чужая ненависть» 2018 г. или отнюдь не нищенский дом «едва сводящей концы с концами» уборщицы в ремейке фильма «За бортом» 2018 г., снятом Р. Гринбергом.

В то же самое время факторы, которые могут повлиять отрицательно на имидж США в глазах иностранной общественности, в большинстве популярных фильмов подаются таким образом, чтобы негативные последствия были минимальны. Несправедливость официальных лиц, коррупция, жестокость, безразличие представляются как деяния рук редких «паршивых овец»⁴⁸⁹, которые будут неизбежно наказаны справедливым и высокоморальным обществом. Помимо этого, даже когда серьезные проблемы, свойственные американскому обществу и государству, оказываются в центре сюжета, у кинематографистов остается достаточно возможностей переключить внимание аудитории на что-то иное. Британо-канадский киновед Р. Вуд, например, в качестве таких способов называет чрезмерный монтаж и спецэффекты, анализируя, в частности, такие

⁴⁸⁸ Jenkins T., Secker T. Superheroes, Movies, and the State: How the U.S. Government Shapes Cinematic Universes. University Press of Kansas, 2022. 336 p.

⁴⁸⁹ Халилов В.М. Современное американское кино и неолиберальная идеология // США&Канада: экономика, политика, культура. 2019. № 2. С. 112-127.

сериалы, как «Шпионские игры» и «Тренировочный день», отражающие соответственно недостатки ЦРУ и полиции, поднимающие вопросы коррупции и морали⁴⁹⁰. Другой способ – это «игра на контрасте»: изображения других участников исторических событий в нарочито незначительном или гиперболизированно неприглядном свете. Например, акцент на вымышленном сотрудничестве Советского Союза с бывшими нацистскими учеными после Второй мировой войны в ряде популярных фильмов для смягчения факта аналогичного реального партнерства со стороны Соединенных Штатов («Первый мститель»; «Первый мститель: Другая война»; «Первый мститель: Противостояние»; «Трансформеры: Последний рыцарь»).

Также современный американский кинематограф преуспел в том, чтобы обращать на пользу имиджу своего государства даже, казалось бы, порочащие его репутацию факты, такие как примеры сексизма и расизма, за счет демонстрации преодоления этих феноменов обществом. Нашумевшая премьера 2019 г., фильм «Скандал», обличил феномен домогательств в особенности среди высокопоставленных членов бизнес-элит. В то же самое время он подчеркнул роль американского общества и государства в запуске международной кампании по борьбе с этой практикой.

Второй вариант, подтип «мировосприятие», предполагает продвижение через кино нарративов, которые укрепляют доктрины американской исключительности и глобального лидерства; обоснованности экстерриториального применения силы со стороны США и их союзников; а также, в целом, силового решения большинства вопросов в качестве приемлемой реакции на вызовы. Эти же нарративы намеренно проводят ассоциативный ряд между крупномасштабной угрозой миру и безопасности и идеей пересмотра либерального миропорядка. Тем самым подготавливая широкую мировую общественность к выражению заведомо негативной реакции на любое действие

⁴⁹⁰ Wood R. Hollywood from Vietnam to Reagan... and beyond. Columbia University Press, 2003. 480 p.

или риторику в глобальном масштабе, которые Соединенные Штаты назовут «бросающими вызов миропорядку, основанному на правилах».

В той или иной мере соответствующие идеи символически отражаются в сюжетах значительной части наиболее кассовых американских блокбастеров: в частности, в фильмах о супергероях производства «Marvel» и «DC», шпионских героических боевиках, подобных франшизе «Миссия невыполнима» и других. Основные антагонисты (будь то инопланетяне, жители других миров или тайные мировые преступные группировки) воплощают собой угрозу *status quo* – миропорядка, основанного на правилах; а протагонисты – супергерои, одаренные исключительными способностями, или неординарные шпионы, воплощающие образ героя-одиночки, отражают нарратив глобального лидерства США и американской исключительности. Эффект усиливается клишированным изображением «остальных» регионов мира и/или государств: бедных, погруженных в хаос и беззаконие, авторитарных, визуально непривлекательных (развивающиеся страны в «Миссия невыполнима: племя изгоев», «Железный человек», «Казино рояль»; Россия и Восточная Европа в «Миссия невыполнима: Протокол Фантом»; «Не время умирать», «Первый мститель: Противостояние»; «Черная вдова»); и даже большинства союзников США: бессильных и неспособных справиться с вызовами без помощи гегемона, а потому нуждающихся в нем («Квант милосердия», «Миссия невыполнима: Последствия»⁴⁹¹).

Ряд исследователей полагает, что можно говорить о существовании устоявшейся системы самоконтроля, которого придерживается американская киноиндустрия. Эта система и обеспечивает столь частое и постоянное воспроизведение рассмотренных выше сюжетных клише и образов. М. Элфорд, кинопродюсер, доктор наук, специалист по пропаганде, и Т. Секер, журналист и исследователь, специализирующийся на изучении спецслужб, Голливуда и истории терроризма, называли это «жесткими идеологическими параметрами», в

⁴⁹¹ Borzakian M., Rouiaï N. Le monde après la Guerre froide selon James Bond et Mission impossible. Postmodernité et post-politique // L'Espace Politique. 2021. Vol. 42. URL: journals.openedition.org/espacepolitique/9004 (дата обращения: 18.07.2022).

рамках которых работают киностудии, и «идеологическим контролем»⁴⁹², который может являться такой же целью, как и получение прибыли. Р. Вуд, в свою очередь, говорил о «внутренней цензуре», которая продолжает сдерживать кинематографистов⁴⁹³.

На формирование подобной системы самоограничений повлияло множество факторов: и история сотрудничества Голливуда с правительством США, и опыт «охоты на ведьм» в период маккартизма. Свой вклад вносят и кадровые связи между государственными структурами и киноиндустрией, которые помогают поддерживать высокий уровень взаимопонимания между ними. Ассоциацию американских кинокомпаний всегда возглавляли бывшие высокопоставленные госслужащие (У. Хэйс – председатель Национального комитета Республиканской партии и Генеральный почтмейстер США; Дж. Валенти – советник президента Л. Джонсона; Ч. Ривкин – посол США во Франции и Монако, заместитель Госсекретаря США). В значительной степени Ассоциация состоит из дипломатов, торговых специалистов и юристов с солидным опытом правительственной работы⁴⁹⁴. Истоки этой практики лежат в периоде после Второй мировой войны, когда Голливуд нуждался в поддержке правительства США на мировом рынке, а правительство США нуждалось в продукции Голливуда как в своего рода вариации «плана Маршалла для сферы идей»⁴⁹⁵. Помимо этого, одни и те же лица могут состоять в совете директоров киностудии и компании, выступающей государственным подрядчиком, что приводит к пересечению коммерческих интересов. Дж. Брайсон, бывший министр торговли США, одновременно состоял в совете директоров *Walt Disney Company* и *Boeing Company*⁴⁹⁶.

⁴⁹² Alford M. *Reel Power: Hollywood Cinema and American Supremacy*. New York, Pluto Press, 2010. 232 p.; Alford M., Secker T. *National Security Cinema: The Shocking New Evidence of Government Control in Hollywood*. CreateSpace Independent Publishing Platform. 2017. 264 p.

⁴⁹³ Wood R. *Hollywood from Vietnam to Reagan... and Beyond*. Columbia University Press, 2003. 480 p.

⁴⁹⁴ Lee K. "The Little State Department": Hollywood and the MPAA's Influence on U.S. Trade Relations // *Northwestern Journal of International Law & Business*. 2008. Vol. 28 (2). P. 371.

⁴⁹⁵ Swann P. *The Little State Department: Hollywood and the State Department in the Postwar World* // *American Studies International*. 1991. Vol. 29 (1). P. 2-19. 3

⁴⁹⁶ Alford M. *Reel Power: Hollywood Cinema and American Supremacy*. Pluto Press, 2010. 232 p.

Существенный коммерческий риск представляет и отступление от устоявшегося набора сюжетов и вписанных в них деталей, работающих на имидж описанным ранее образом, так как на определенном этапе потребления однотипного контента аудитория начинает негативно реагировать на резкие изменения. Соответственно, отступать от привычных параметров, киностудиям невыгодно в первую очередь из коммерческих соображений. По словам продюсера Р. Эванса, «никто не делает ничего неожиданного, они слишком боятся, ставки слишком высоки»⁴⁹⁷. Том Секер и профессор Техасского христианского университета Триша Дженкинс, в свою очередь, анализируя супергеройское голливудское кино последних двух десятилетий, указывают на то, что кинопроизводителям часто приходится выбирать, в чем бы им хотелось отступить от привычного формата: если сюжет идеологически прогрессивен – критикует военный и политический истеблишмент США («Железный человек 3», «Невероятный Халк»), то приходится держаться в рамках традиционного символизма (доминирование белых и мужских персонажей); а если производители выбирают прогрессивные символы – расовое и этническое разнообразие, усиление роли женщин в сюжете («Чудо-женщина», «Капитан Марвел», «Черная пантера»), то сюжет подчиняется консервативной идеологии (воспроизведению проправительственных нарративов)⁴⁹⁸.

Все вышеперечисленное, а также тот факт, что американское правительство регулярно отстаивает интересы Американской ассоциации кинокомпаний в двусторонних торговых вопросах, возникающих в связи с участием в многосторонних торговых соглашениях, таких как Соглашение об учреждении ВТО 1994 г. (и Приложениях к нему – ГАТТ 1994, ГАТС, ТРИПС), приводит к тому, что Голливуду в целом выгодно играть роль инструмента публичной дипломатии и воспроизводить в наиболее широко популярных своих картинах доминирующую систему убеждений, выставляя ее в качестве отражения реальной жизни в глазах иностранной аудитории.

⁴⁹⁷ Edgley A. Noam Chomsky. London, Palgrave Macmillan, 2016. 196 p.

⁴⁹⁸ Jenkins T., Secker T. Superheroes, Movies, and the State: How the U.S. Government Shapes Cinematic Universes. University Press of Kansas, 2022. 336 p.

С точки зрения *целевой аудитории* американский кинематограф можно назвать наиболее широко охватывающим инструментом публичной дипломатии США. Благодаря сегодняшнему уровню технологического прогресса эта продукция доступна практически повсеместно, причем часто – не выходя из дома. Также ни для кого не является секретом та позиция безусловного доминирования, которую занимает именно американская кинопродукция в мировом масштабе. Достаточно отметить, что не только прибыль от зарубежного проката составляет более половины общего дохода американской киноиндустрии⁴⁹⁹, но она также стабильно растет: в 1920-е гг. она составляла всего 20% от общего дохода, в 2006 г. – 63%⁵⁰⁰, а в 2021 г. – превысила 70%⁵⁰¹. Огромная палитра форматов и жанров американского кино, равно как и практически повсеместная привычка к потреблению данного продукта индустрии развлечений позволяют не ограничиваться отдельными целевыми группами, а говорить об потенциальной ориентированности на широкую иностранную общественность во всем ее многообразии. Соответственно, данное направление публичной дипломатии США имеет возможность охватить те группы иностранной общественности, которые не попадают под выборку других направлений⁵⁰².

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что, как и другие рассмотренные инструменты американской публичной дипломатии, кинематограф может оказывать эффект узкой и широкой направленности. В случае с *эффектом узкой направленности* следует говорить об оказании влияния

⁴⁹⁹ McClintock P. Global Box Office Revenue Hits Record \$41B in 2018, Fueled by Diverse U.S. Audiences [Электронный ресурс] // The Hollywood Reporter. 2019. URL: <https://www.hollywoodreporter.com/news/global-box-office-revenue-hits-record-41b-2018-fueled-by-diverse-us-audiences-1196010> (дата обращения: 01.01.2022).

⁵⁰⁰ Pells R. Modernist America: Art, Music, Movies, and the Globalization of American Culture. Yale University Press, 2012. 512 p.

⁵⁰¹ Motion Picture Association of America. Annual Report. The Economic Contribution of the Motion Picture & Television Industry to the United States. 2021 [Электронный ресурс] URL: https://www.motionpictures.org/wp-content/uploads/2022/01/MPA_US_Economic_Contribution_2020_Final.pdf (дата обращения: 01.01.2022).

⁵⁰² Rice L. Cowboys and Communists: Cultural Diplomacy, Decolonization and the Cold War in French West Africa [Электронный ресурс] // Journal of Colonialism and Colonial History. 2018. Vol. 11 (3). URL: https://warwick.ac.uk/fac/arts/history/students/modules/hi277/programme/t1w3/hi277_week_3_rice.pdf (дата обращения: 01.01.2022).

на иностранное общественное мнение в связи с определенными задачами американской внешней политики. Три самых известных и широкомасштабных примера подобного – это Вторая мировая война (противодействие пропаганде стран Оси и информационная поддержка союзников через кинематограф); холодная война (борьба с распространением коммунизма в мире и идеологическое противостояние с СССР); война с террором (борьба с международным терроризмом, в том числе на идеологическом фронте, противодействие распространению экстремистских идей и ненависти к Америке среди мусульман). Как видно из примеров, для достижения такого эффекта требуется весьма длительное и систематическое применение инструмента. В этом случае кинематограф принимает участие в информационной кампании, которая инициирована политическим руководством США и является прямым ответом на конкретный вызов, а также согласуется с общей внешнеполитической повесткой. Роль этого инструмента в подобной ситуации комплементарна.

Воздействие, которое при этом должна оказывать кинопродукция на иностранную общественность, может носить различный характер: склонять общественное мнение на сторону США, а не их противника; оправдывать политические и военные акции США; культивировать положительный образ американских государственных структур, чтобы их деятельность не вызывала негативной реакции и т.д. Например, согласно исследованиям, проведенным под руководством профессора Дейтонского университета М. Потц, «Нулевая видимость 30» и «Операция "Арго"», фильмы, снятые при сотрудничестве с ЦРУ, вызывали у зрителей рост доверия к американским спецслужбам, правительству и общей внешнеполитической повестке⁵⁰³.

Эффект широкой направленности касается формирования, распространения и поддержания привлекательного имиджа США за рубежом во внесрочной перспективе без конкретного политического контекста, а также распространения и укрепления в международном массовом сознании парадигмы

⁵⁰³ Pautz M. C. *Argo and Zero Dark Thirty: Film, Government, and Audiences // Political Science and Politics*. 2015. Vol. 48 (1). P. 120-128.

«американоцентричного миропорядка» и всех сопряженных с ней идеологием. За счет воспроизведения определенных клише, образов и нарративов в кинокартинах у иностранной аудитории, никогда не бывавшей в Америке, в сознании формируется идеализированный образ США и отношение к формату мироустройства, продвигаемому американским правительством (с США в роли глобального лидера, обладающего исключительными полномочиями на мировой арене), как к естественному и оптимальному положению вещей.

В перспективе это может приводить к нескольким результатам. Во-первых, у аудитории, подвергшейся такому влиянию, будет ослаблена способность критически воспринимать информацию, касающуюся США. Это может как привести к росту уровня общественного одобрения политики США среди иностранного населения либо одобрения деятельности местного правительства, сотрудничающего с США, так и нивелировать негативную реакцию среди упомянутой общественности. Во-вторых, в перспективе это может поспособствовать росту успешности других инструментов публичной дипломатии США, таких как обменные программы и иновещание, так как увеличится количество иностранцев, проявляющих интерес к США. В-третьих, это также может привести к распространению американских ценностей в мире за счет неосознанного желания зрителей копировать стиль жизни любимых персонажей американского кинематографа. Чем больше государств будут разделять американские ценности, тем легче будет осуществлять американскую внешнюю политику и межгосударственное взаимодействие. Э. Фаттор, доктор политических наук, преподаватель в государственном университете Колорадо, специализирующийся на взаимосвязи между публичной дипломатией и международным политическим влиянием, называл «арсенал развлечений⁵⁰⁴» одним из ключевых элементов, обеспечивающих лидерство США в современном миропорядке⁵⁰⁵.

⁵⁰⁴ Англ.: arsenal of entertainment.

⁵⁰⁵ Fattor E.M. American Empire and the Arsenal of Entertainment: Soft Power and Cultural Weaponization. PalgraveMacmillan. 2014. 241 p.

Одновременно важным является низкий *уровень политизированности* данного инструмента американской публичной дипломатии. Во-первых, речь идет не о специализированной государственной структуре, а о конкретной индустрии американского бизнеса – кинематографе. Во-вторых, хотя некоторые методы, используемые для применения данного инструмента, и включают в себя непосредственное взаимодействие киностудий с американским правительством, речь все-таки не идет ни о государственных дотациях, ни о формализованной цензуре, соответственно, прямое участие политического истеблишмента в кинопроизводстве минимально, и даже о нем мало кто знает. В-третьих, ключевой принцип воздействия данного инструмента на иностранную общественность базируется на трансляции образов, нарративов, клише и метафор, но не на распространении прямолинейных идеологических посылов и деклараций. В этом уникальность соответствующего инструмента.

3.4 Выводы по главе 3

То, что мы называем в этой главе инструментами публичной дипломатии США: обменные программы, иновещание, кинопродукция, существовало в виде отдельных практик еще до того, как началось оформление соответствующей политической технологии. Однако трансформация миропорядка, которая привела к появлению биполярной системы и, в качестве реакции со стороны правительства США на этот процесс, возникновению публичной дипломатии США, стала тем катализатором, благодаря которому соответствующая деятельность была обобщена, систематизирована, оптимизирована, централизована, подчинена единому политическому целеполаганию и включена в комплекс стратегического планирования государства. С этого момента стало возможным говорить о приоритетных направлениях публичной дипломатии.

Взглянув на них и соответствующие инструменты с использованием авторской матрицы критериев, можно увидеть, что они создают потенциальную возможность для практически всеобъемлющего воздействия. С точки зрения целевой аудитории кинематограф позволяет охватить широкие слои иностранной

общественности; иновещание ориентируется на конкретные целевые группы; а обменные программы на целевые группы, имеющие возможность распространять соответствующий эффект на более широкие слои общественности. Три направления опираются на три разных принципа воздействия: обменные программы предполагают контактное взаимодействие с иностранной общественностью, диалоговый формат; иновещание – дистантное взаимодействие через монологический формат; а кинематограф – бесконтактное взаимодействие, строящееся на системе опосредованного влияния.

Хотя каждое из направлений имеет приоритетные цели: долгосрочные для обменных программ, кратко- и среднесрочные для иновещания и внесрочные для кинематографа, тем не менее каждый из этих инструментов способен вызывать эффект как узкой, так и широкой направленности. Соответственно, они могут не только дополнять друг друга, но и в случае необходимости усиливать. Наконец, эти инструменты обладают разными уровнями политизированности: от низкого (кинематограф) до среднего (обменные программы) и высокого (иновещание), что имеет ключевое значение для успешного применения публичной дипломатии в контексте разных внешнеполитических задач государства и разных целевых групп. Перечисленные особенности закладывают в публичную дипломатию США как единое целое способность к высокой адаптивности.

Потенциал, заложенный в технологии американской публичной дипломатии, таким образом, отражает тот статус, которым она обладала в стратегическом видении политического руководства США в период холодной войны – одного из ключевых средств поддержания американского глобального лидерства и борьбы с идеологическим соперником в биполярном миропорядке.

С трансформацией миропорядка в конце XX – начале XXI века прикладное измерение публичной дипломатии США также пережило ряд изменений. Однако они не были столь кардинальными, как те, что затронули концептуальное и организационное измерение. Несколько раз происходило смещение географического приоритета при выборе целевой аудитории: сокращение иновещания в адрес государств Восточной Европы по мере их встраивания в

демократическую и капиталистическую системы; рост числа обменных программ для государств постсоветского пространства в первые годы после распада СССР⁵⁰⁶; резкий поворот по всем трем направлениям в сторону мусульманского и арабского мира после 11 сентября 2001 г. (создание отдельной структуры в системе иновещания, интенсификация обменных программ в регионе, мобилизация руководства киноиндустрии для трансляции соответствующего меседжа). Однако реакционное смещение географических приоритетов при реализации публичной дипломатии в зависимости от изменения внешнеполитической обстановки было характерно для США и в биполярный период: в частности, переход от первоначального после окончания Второй мировой войны фокуса на странах Западной Европы к фокусу на развивающихся странах Латинской Америки, Ближнего Востока и Азиатско-Тихоокеанского региона в 1961 г. в связи с процессами деколонизации, демократизации⁵⁰⁷ и т.п. Это одно из проявлений характерной для политтехнологий адаптивности к изменению политической действительности.

Также процессы глобализации и технологического прогресса оказали различное влияние на потенциал каждого из инструментов. Иновещание в XXI в. не ограничивается радио- и телепередачами, но также имеет онлайн-измерение (официальные сайты, авторские блоги, использование соцсетей, ботов, алгоритмов анализа данных и т.д.). Говоря о кинематографе, конец XX – начало XXI века в США было отмечено беспрецедентной тенденцией к консолидации производственных и финансовых мощностей развлекательной индустрии. Оставшиеся пять крупнейших голливудских киностудий (*The Walt Disney Company, Sony Pictures, Paramount Pictures, Universal Studio, Warner Bros.*) в сложившихся условиях смогли аккумулировать количество ресурсов, достаточное для безусловного доминирования на рынке не в последнюю очередь за счет доступа к новейшим и наиболее дорогостоящим технологиям, необходимым как

⁵⁰⁶ Антюхова Е.А. Образование в политике мягкой силы США // Полис. Политические исследования. 2019. № 2. С. 123-136.

⁵⁰⁷ Кубышкин А.И., Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США: учебное пособие для вузов. Москва: Аспект Пресс, 2013. 271 с.

на стадии производства кинокартин, так и на стадии их распространения⁵⁰⁸. Другая значимая тенденция последних десятилетий заключается в окончательной переориентации американского кинематографа на международный рынок, как на основной источник доходов, отсюда следует заметный жанровый дисбаланс в сторону производства блокбастеров (сознательный ход производителей), создание которых невозможно без дорогостоящих высоких технологий и которые пользуются наибольшим успехом у глобальной аудитории⁵⁰⁹. Не обошел технологический прогресс стороной и обменные программы под эгидой Госдепартамента США. В данной сфере цифровизация значительно затронула процессы коммуникации: например, интернет сделал гораздо проще и быстрее как процедуру ознакомления иностранной общественности с существующими и доступными программами обменов, так и процедуры отбора кандидатов, подачи документов и прочее. Однако связанные с цифровизацией инициативы Бюро образовательных и культурных связей преимущественно носят комплементарный характер, а обменные программы по-прежнему по большей части продолжают опираться на личное общение и физическое путешествие участников (таблица 1).

Таблица 1 – Инструменты публичной дипломатии США в матрице критериев

	Обмены	Иновещание	Кинематограф
	Характер основных задач		
	Долгосрочный, стратегический	Краткосрочный, среднесрочный, тактический	Внесрочный, комплементарный
Принцип воздействия	Контактный, диалог	Дистантный, монолог	Бесконтактный, опосредованное влияние

⁵⁰⁸ Pells R. *Modernist America: Art, Music, Movies, and the Globalization of American Culture*. Yale University Press, 2012. 512 p.; Edgley A. Noam Chomsky. London, Palgrave Macmillan, 2016. 196 p.

⁵⁰⁹ Hollywood goes global: Bigger abroad [Электронный ресурс] // *The Economist*. 2011. URL: <http://www.economist.com/node/18178291> (дата обращения: 01.01.2022).

Аудитория	Незамкнутые целевые группы с прогрессирующим эффектом	Замкнутые целевые группы без прогрессирующего эффекта	Широкая общественность без разделения на группы
Уровень политизированности	Средний (можно проследить по целевым группам)	Высокий (прослеживается во всех аспектах)	Низкий (практически не прослеживается)
Техники	1. Академические обмены 2. Общегражданские обмены	1. Имиджирование 2. Суррогатное вещание	1. Мобилизация 2. Коллаборация 3. Самоцензура
Эффект а) узкой направленности; б) широкой направленности	А) Лоббирование политических решений Б) Замещение элит; трансформация мировосприятия	А) Поддержка/ подрыв политического процесса Б) Культивация доверия к США; эрозия доверия к местной власти	А) Содействие политической/ информационной компании Б) Продвижение/ закрепление нарративов

Источник: составлено автором.

Все перечисленное не повлияло существенным образом ни на принципы воздействия, ни на приемы реализации рассматриваемых инструментов публичной дипломатии. Распределение целевой аудитории также не было серьезно видоизменено. Таким образом, можно утверждать, что приоритетные направления и инструменты публичной дипломатии США не подверглись кардинальным изменениям на фоне трансформации миропорядка. Это логично с учетом того, что в виде практики, не подчиненной конкретной политтехнологии, соответствующие виды деятельности существовали еще до оформления механизма и концепции публичной дипломатии США, а значит, не являются продуктом трансформации миропорядка и, соответственно, не обязаны зависеть от дальнейших тенденций в этой сфере, чего не скажешь об их политической эффективности, которая, напротив, измерима лишь в общем технологическом контексте и, соответственно, зависима от различных политических факторов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Публичная дипломатия – это средство осуществления целей и задач внешней политики государства, а также защиты его интересов за границей через оказание влияния на общественное мнение в других странах. Проведенный анализ основных подходов в современной науке к пониманию публичной дипломатии позволяет выделить два основных этапа процесса ее концептуализации – американоцентричный и международный, и соответственно два типа концепции: «публичная дипломатия-технология» и «публичная дипломатия-теория», при этом первая является одновременно фундаментом для второй.

Первый этап концептуализации, результатом которого стала протоконцепция «публичная дипломатия-технология», происходил под влиянием процесса становления соответствующей политической технологии в США. Процесс технологизации публичной дипломатии в США начался в 1945 г., когда политическое руководство решило инкорпорировать приемы и методы воздействия на иностранное общественное мнение, использованные в годы войны, в политические процессы мирного времени.

Отдельные практики, в настоящее время относящиеся к инструментам реализации публичной дипломатии США, связанные, например, с экспортом образования и культуры, существовали на протяжении всей истории человечества и не только в США. И Соединенные Штаты, и другие великие державы в начале XX в. стали все активнее обращаться к приемам воздействия на иностранное общественное мнение, в том числе из-за технологического прорыва и распространения таких технологий, как радиовещание и кинопроизводство.

Тем не менее процесс технологизации публичной дипломатии США был запущен на фоне стремительного разворачивания холодной войны, с появлением потребности систематизировать отдельные приемы и методы для объединения их в единый инструмент содействия целям внешней политики США. Субъект управления – то есть политическое руководство США – инициировал начало формализации реальных процессов: создание законодательной базы, которая нормативно закрепляла ключевые приемы и практики влияния на иностранное

общественное мнение в качестве ключевых направлений и инструментов той технологии, которая впоследствии была названа публичной дипломатией.

Законодательство также закрепляло официально такие вопросы, как принципы финансирования, механизм планирования и оценки, круг непосредственных и косвенных участников, роль государственных структур и официальных лиц в осуществлении публичной дипломатии – все то, что трансформировало отдельные виды деятельности и автономные инициативы в составные элементы единой политической технологии. Еще одним признаком технологизации публичной дипломатии стало оформление институциональной структуры, которая была взаимосвязана с соответствующей нормативно-правовой основой и которая создала среду для воспроизводства и управления теми видами деятельности, из которых складывалось прикладное измерение публичной дипломатии США. Именно на институты ложилась ответственность за разработку новых программ для реализации ключевых направлений публичной дипломатии; за мониторинг уже существующих проектов, оценку их исполнения и в случае необходимости выработку рекомендаций по оптимизации; за непосредственную реализацию ряда программ и контроль за исполнителями других и прочим.

Поскольку первоначальная концепция публичной дипломатии представляла собой не что иное, как результат осмысления описанной политической технологии в процессе ее становления и в контексте внешней политики США, а сам термин «публичная дипломатия» был введен тоже в США и до 1990-х годов использовался исключительно для ее описания, первый этап концептуализации характеризуется как американоцентричный и технологический по сути.

После окончания холодной войны и эпохи биполярного миропорядка публичная дипломатия, являясь технологией внешней политики США, не могла не подвергнуться новому переосмыслению. Эти тенденции в сочетании с процессами глобализации привели ко второму этапу концептуализации публичной дипломатии – международному, который с 1990-х годов продолжается до сих пор. Публичная дипломатия стала объектом исследования представителей различных научных школ и государств. Новая концепция, «новая публичная

дипломатия», отличается более широким и теоретическим характером, расширен понятийный аппарат («мягкая сила», национальный брендинг и др.), допускается широкая вариативность толкования содержания концепции в зависимости от исследовательского подхода, нивелирован технологический компонент, в частности, за счет отказа ограничивать круг инициаторов публичной дипломатии государственными акторами. Принимая во внимание, что процесс концептуализации всегда подразумевает движение от конкретного к абстрактному, «новая публичная дипломатия» – это логичный следующий этап развития концепции.

Однако протоконцепция «публичная дипломатия-технология» является не только фундаментом теоретической концепции, но и ее альтернативой, позволяющей сузить пределы восприятия публичной дипломатии до ее первоначального технологического понимания и потому необходимой для исследования именно политико-технологических аспектов публичной дипломатии государств.

Публичная дипломатия США сформировалась и развивалась как политическая технология. В первую очередь, о ее принадлежности к соответствующей категории говорит сама суть публичной дипломатии – целенаправленное оказание влияния на иностранную общественность, потому что воздействие на убеждения и поведение людей в политических целях лежит в основе всех политических технологий. Помимо этого, формируясь как политтехнология, публичная дипломатия США обретала форму системы взаимосвязанных структурных элементов, наделенных определенными функциями. Так, законодательная база формализовала публичную дипломатию и придавала ей целостность. Институты, менявшиеся со временем, играли роль проводников политической воли акторов по использованию технологии, а также были механизмом контроля за ее практической реализацией. Огромную роль в поддержании системы играли и кадры: чем выше квалификация специалистов и руководителей, привлекаемых в рамках законодательства и с учетом

политической воли акторов к деятельности соответствующих институтов, тем успешнее публичная дипломатия содействовала целям внешней политики США.

Политическое целеполагание публичной дипломатии можно усмотреть в том, что она стала формироваться как технология в ответ на складывание противостояния двух сверхдержав в условиях биполярного миропорядка, как особый инструмент внешней политики, призванный расширить возможности США в конкурентной борьбе с альтернативной идейно-ценностной системой, какой представлялся СССР. При этом каждый из ее инструментов по целевой аудитории или по оказываемому эффекту отражает изначально заложенный политический интерес.

Такие характеристики политтехнологий, как многоаспектность и многоплановость, наиболее заметно проявляются на уровне практической реализации публичной дипломатии США. У нее три приоритетных направления: образовательно-просветительское, информационно-агитационное и культурно-развлекательное, каждое из которых задействует множество инструментов (в частности, обменные программы, иновещание и кинематограф), которые, в свою очередь, состоят из нескольких техник и приемов. Более того, каждый инструмент может быть использован для решения задач как тактического, так и стратегического характера. Помимо этого, разный принцип выделения целевой аудитории у каждого инструмента позволяет им даже в случае пересечения целевых групп не дублировать функции друг друга: обменные программы в большей степени выбирают себе аудиторию по способности ретрансляции полученного воздействия, иновещание – по уровню внушаемости и готовности к действиям, кинематограф и вовсе намеренно ориентирован на охват максимально широкой массы людей, чтобы иметь возможность как усиливать эффект других инструментов, так и заполнять их пробелы.

Системность проявляется в том, что инструменты по своим функциям дополняют друг друга: например, обменные программы со средним уровнем политизированности в большей степени рассчитаны на долгосрочную перспективу, иновещание с высоким уровнем политизированности на средне- и

краткосрочную, а кинематограф с его низким уровнем политизированности способен усиливать каждый из них своим внесрочным воздействием.

Однако слабым местом публичной дипломатии США как политтехнологии оказался несовершенный «ген самонастройки», т.е. неспособность оперативно и эффективно адаптироваться к изменениям политической действительности. Трансформация миропорядка из-за окончания холодной войны означала серьезные изменения в политической действительности для этой политтехнологии. Однако логичного пересмотра и перестройки самой технологии под изменившуюся действительность не последовало.

Прежде всего, не произошло серьезной переоценки политического целеполагания публичной дипломатии как политической технологии. Об этом свидетельствует то, что принципиальные изменения характеристик международной среды на рубеже веков никак не отразились на законодательной базе публичной дипломатии США: она продолжает преимущественно опираться на закон Смита-Мундта 1948 г. и закон Фулбрайта-Хейса 1961 г.

В то же время институциональная структура была упрощена: Информационное агентство США как основной институт публичной дипломатии США в 1999 г. было расформировано, а его функции разделены между Госдепартаментом и Агентством США по глобальным медиа. Это привело к нарушению баланса в системе организации технологии.

Весь процесс становления публичной дипломатии в биполярный период был движением к максимальной целостности и оптимизации, что на уровне институтов проявлялось в постепенно утвердившейся тенденции централизации управления и консолидации всех функций в едином специальном ведомстве. Более того, на пике этих процессов в 1980-е гг. публичная дипломатия также была максимально приближена к высшей политической власти: президент США Р. Рейган проявлял активное участие в судьбе политтехнологии, повысил ее формальный статус, связав с понятием национальной безопасности.

Расформирование ЮСИА нивелировало достижения централизации и консолидации, сделав иновещание частично автономным субъектом из-за

независимого статуса АСГМ. Помимо этого, встраивание функций публичной дипломатии в структуру Госдепартамента привело к понижению статуса публичной дипломатии (из отдельной технологии в один из множества аспектов внешней политики).

Все эти изменения привели к кадровым проблемам с сфере публичной дипломатии США. В частности, соответствующие подразделения Госдепартамента страдают не только от недостаточного количества специалистов в этой области, но и от общего понижения уровня их квалификации. Аналогичная ситуация происходит с руководством публичной дипломатии США: не только замгоссекретари по публичной дипломатии крайне часто меняются, а значительную часть времени пост остается вакантным или занятым исполняющим обязанности вместо утвержденного руководителя, но и уровень профессиональных компетенций соответствующих назначенцев намного уступает уровню директоров ЮСИА в прошлом.

Наконец, в постбиполярный период публичная дипломатия не пользуется особым вниманием высшего политического руководства. Во-первых, первые заметные попытки провести реформы институтов проявились только в 2015 г. Во-вторых, и Б. Обама, и Д. Трамп продемонстрировали низкий приоритет публичной дипломатии в своем политическом видении, озаботившись соответствующими преобразованиями лишь к концу пребывания в Белом доме. В-третьих, ситуация со сменой руководства АСГМ при смене президентской администрации с республиканской на демократическую показала, что соответствующая деятельность не оценивается высшим политическим руководством как особо значимая, поскольку никто не позаботился об обеспечении преемственности и бесперебойного функционирования агентства вне зависимости от внутривнутриполитических изменений.

Все это также свидетельствует о кризисе политического целеполагания в системе публичной дипломатии, поскольку политтехнологии возникают и существуют во многом благодаря политической воле акторов, которые видят в них необходимое для своих целей средство.

Нарушение целостности системного механизма публичной дипломатии США довольно сложно проследить в ее практическом измерении, анализируя отдельные инструменты, такие как обменные программы, иновещание и кинематограф. Тем не менее процесс становления политтехнологии объединил разрозненные практики и методы воздействия на иностранное общественное мнение в систему, результат работы которой несравнимо превышает результат отдельных приемов. Соответственно, процесс атрофии этой системы, выражающийся в кризисе структурных элементов организационного механизма, формализации и инкорпорации в политические процессы, может привести к тому, что инструменты постепенно вновь деградируют до разрозненных приемов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники

1) Официальные документы государственных ведомств

1. Executive Order 9608. Providing for the Termination of the Office of War Information, and for the Disposition of Its Functions and of Certain Functions of the Office of Inter-american Affairs. NARA, "Statement by the President for EO 9608", 31 August, 1945, RG 208, Entry 6H, Box 4. – Текст: электронный. – URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/executive-order-9608-providing-for-the-termination-the-office-war-information-and-for-the>
2. Fiscal year 2023. Congressional Budget Justification. Department of State, Foreign Operations, and Related Programs. – Текст : электронный. – URL: <https://www.alliance-exchange.org/wp-content/uploads/2022/04/FY2023-Congressional-Budget-Justification.pdf>
3. H.R.5681 – 115th Congress (2017-2018): Global Engagement Center Authorities Act of 2018. – Текст: электронный. – URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/5681/text>
4. Mutual Educational and Cultural Exchange Act of 1961. – Текст: электронный. – URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-75/pdf/STATUTE-75-Pg527.pdf>
5. National framework for strategic communication. White House. 2010. – Текст: электронный. – URL: <https://www.hsdl.org/?abstract&did=27301>
6. National Security Decision Directive 77. NSDD-77; titled Management of Public Diplomacy Relative to National Security. – Текст : электронный. – 14 January, 1983. – URL: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-077.htm>
7. Public Diplomacy: Strengthening U.S. Engagement with the World. A Strategic Approach for the 21st Century. Report. Office of the Under Secretary of State for Public Diplomacy and Public Affairs of the United States. 2010. – Текст: электронный. – URL:

https://www.uscpublicdiplomacy.org/sites/uscpublicdiplomacy.org/files/legacy/pdfs/PD_US_World_Engagement.pdf

8. Public Diplomacy. Third Report of Session 2005-2006. House of Commons Foreign Affairs Committee. Published on 7 April, 2006 by authority of the House of Commons London: The Stationery Office Limited. – Текст: электронный. – URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm200506/cmselect/cmffaff/903/903.pdf>

9. Report of the Defense Science Board Task Force on Strategic Communication. Washington, D.C.: Defense Science Board, 2004. – Текст: электронный. – URL: <https://irp.fas.org/agency/dod/dsb/commun.pdf>

10. Update on National framework for strategic communication. White House. 2012. – Текст: электронный. – URL: <https://www.hsdl.org/?view&did=704809>

11. US Information and Educational Exchange Act of 1948. – Текст: электронный. – URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-1091/pdf/COMPS-1091.pdf>

12. U.S. National Strategy for Public Diplomacy and Strategic Communication. Strategic Communication and Public Diplomacy Policy Coordinating Committee (PCC). 2007. – Текст: электронный. – URL: <https://2001-2009.state.gov/documents/organization/87427.pdf>

2) Архивные документы, статистические и справочные материалы

13. 1959: PMS-50: The Impact of Hollywood Films Abroad; Program and Media Studies, 1956-1962; Records of the U.S. Information Agency, 1900-2003; Entry A1 1011; Box 2; Record Group 306; National Archives at College Park, College Park, MD.

14. Anthony, E. D. Records of the Office of Inter-American Affairs / E. D. Anthony. – Текст: электронный // National Archives and Record Services – General Services Administration. – Washington, D.C., 1973. – P. 1-8. – URL: <https://www.archives.gov/files/research/foreign-policy/related-records/rg-229-inter-american-affairs.pdf>

15. Complete Report of the Chairman of the Committee on Public Information 1917; 1918; 1919. – Washington, DC: Government Printing Office, 1920. – P. 140-149. – Текст: электронный. – URL: <https://www.loc.gov/item/20026826/>

16. Effects of the FY 1969 Budget Cut: Backup Budget Statement University of Arkansas Special Collections Division, MC 468, Bureau for Educational and Cultural Affairs Historical Collection (CU), Box 41-4. – Текст: электронный. – URL: https://uark.as.atlas-sys.com/repositories/2/archival_objects/653553

17. Foreign Relations of the United States 1951, Vol. 1, The United States international information program, NSC 114/1, Annex 5 “study Prepared by the Department of State”, 8 August, 1951 / eds. N. H. Petersen, H. D. Schwar, C. N. Raether, J. A. Bernbaum, R.R. Goodwin. – Washington: United States Government Printing Office, 1979. – Document 328. – Текст: электронный. – URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1951v01/d328>

18. Foreign Relations of the United States 1952-1954, Vol. II, Part 2, Memorandum of Conversation, by the Director of the Executive Secretariat (McWilliams), Meeting with the Secretary, item 4 American Motion Pictures Shown Abroad, 5 May, 1952 / eds. L. A. Rose, N. H. Petersen. – Washington: United States Government Printing Office, 1984. – Document 609. – Текст: электронный. – URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v02p2>

19. Joseph Regenstein Library, University of Chicago, William Benton Papers, box 375/1, Byrnes to President Truman. 31 December, 1945. – Текст : электронный. – URL: <https://www.lib.uchicago.edu/e/scrc/findingaids/view.php?eadid=ICU.SPCL.BENTONW#idp180531632>

20. Joseph Regenstein Library, University of Chicago, William Benton Papers, box 75/2, Lasswell, 1945-1947. Benton, William. Papers, [Box 75, Folder 2], Hanna Holborn Gray Special Collections Research Center, University of Chicago Library.

21. Joseph Regenstein Library, University of Chicago, William Benton Papers box 375/10, Benton to Byrnes, 22 February, 1948. Benton, William. Papers, [Box 375,

Folder 10], Hanna Holborn Gray Special Collections Research Center, University of Chicago Library.

22. Kennan, G. F. The Inauguration of Organized Political Warfare [redacted version] / G. F. Kennan. – Текст : электронный // History and Public Policy Program Digital Archive. – URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114320>

23. Memorandum of Conversation with Paul Hoffman, Eric Johnston, and Edward W. Barrett, 26 April, 1950, “Film Projects for ECA and the Cold War”; Folder “April, 1950”, box 66, Dean Acheson papers, Harry S. Truman Library. – Текст : электронный. – URL: <https://www.trumanlibrary.gov/library/personal-papers/memoranda-conversations-file-1949-1953/april-1950-0?documentid=39&pagenumber=1>

24. Overseas Information Programs of the U.S. Hearings Before the United States Senate Committee on Foreign Relations, Subcommittee Under S. Res. 74 on Overseas Information Programs of the U.S., Eighty-Second Congress, Second Session, on 20, 21 November, 1952. – Текст: электронный. – URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=umn.31951d02094637q&view=1up&seq=7&skin=2021>

25. Overseas Information Programs of the United States. Hearings Before a Subcommittee of the Committee on Foreign Relations, United States Senate, Eighty-second Congress, Second Session [Eighty-third Congress, First Session] on Overseas Information Programs of the United States. March, April 1953. – Текст: электронный. – URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uc1.aa0008077067&view=1up&seq=5&skin=2021>

26. Telling America’s story to the world: problems and issues. United States Information Agency. Report to the Congress. Comptroller General of the United States General Accounting Office. – Текст: электронный. – 25 March, 1974. – URL: <https://www.gao.gov/assets/b-118654.pdf>

27. The future of United States public diplomacy. Report no. 6 together with part xi of the hearings on winning the cold war: the U.S. Ideological offensive by the

subcommittee on international organizations and movements of the committee on foreign affairs house of representatives. U.S. Government printing office, Washington, 1969. – Текст: электронный. – URL: https://books.google.ru/books?id=yceiZTqr8hcC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false

28. United States General Accounting Office (GAO), Report to the Chairman, Committee on the Budget, House of Representatives: US Information Agency: Options for Addressing Possible Budget Reductions, GAO/NSIAD-96-179 (Washington, DC: GAO 1996), “Funding for Public Diplomacy by Account”. – Текст: электронный. – URL: <http://www.gao.gov/assets/160/155584.pdf>

29. USIA Historical Branch, History of the Office of the Coordinator of Inter-American Affairs // Historical reports on war administration. – Washington, DC: U.S. Govt. Print. Off., 1947. – 284 p. – Текст: электронный. – URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015014125036&view=1up&seq=310>

3) Отчеты

Консультативная комиссия США по публичной дипломатии

30. 1989 Annual Report. – Текст: электронный // U.S. Department of State: [сайт]. – URL: <https://www.state.gov/reports-u-s-advisory-commission-on-public-diplomacy/>

31. 1991 Annual Report, “Public Diplomacy in the 1990s”. – Текст : электронный // U.S. Department of State : [сайт]. – URL: <https://www.state.gov/reports-u-s-advisory-commission-on-public-diplomacy/>

32. 1993 Annual Report, “Diplomacy in the Information Age”. – Текст : электронный // U.S. Department of State : [сайт]. – URL: <https://www.state.gov/reports-u-s-advisory-commission-on-public-diplomacy/>

33. 2003 Annual Activity Report. – Текст : электронный // U.S. Department of State : [сайт]. – URL: <https://www.state.gov/reports-u-s-advisory-commission-on-public-diplomacy/>

34. 2004 Annual Report. – Текст : электронный // U.S. Department of State : [сайт]. – URL: <https://www.state.gov/reports-u-s-advisory-commission-on-public-diplomacy/>

35. 2005 Annual Report. – Текст : электронный // U.S. Department of State : [сайт]. – URL: <https://www.state.gov/reports-u-s-advisory-commission-on-public-diplomacy/>

36. 2014 Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting. – Текст : электронный // U.S. Department of State : [сайт]. – URL: <https://www.state.gov/reports-u-s-advisory-commission-on-public-diplomacy/>

37. 2015 Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting. – Текст : электронный // U.S. Department of State : [сайт]. – URL: <https://www.state.gov/reports-u-s-advisory-commission-on-public-diplomacy/>

38. 2016 Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting. – Текст : электронный // U.S. Department of State : [сайт]. – URL: <https://www.state.gov/reports-u-s-advisory-commission-on-public-diplomacy/>

39. 2017 Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting. – Текст : электронный // U.S. Department of State : [сайт]. – URL: <https://www.state.gov/reports-u-s-advisory-commission-on-public-diplomacy/>

40. 2018 Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting. – Текст : электронный // U.S. Department of State : [сайт]. – URL: <https://www.state.gov/reports-u-s-advisory-commission-on-public-diplomacy/>

41. 2019 Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting. – Текст : электронный // U.S. Department of State : [сайт]. – URL: <https://www.state.gov/reports-u-s-advisory-commission-on-public-diplomacy/>

42. 2020 Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting. – Текст : электронный // U.S. Department of State : [сайт]. – URL: <https://www.state.gov/reports-u-s-advisory-commission-on-public-diplomacy/>

43. 2021 Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting. – Текст : электронный // U.S. Department of State : [сайт]. – URL: <https://www.state.gov/reports-u-s-advisory-commission-on-public-diplomacy/>

44. Special Report. Can Public Diplomacy Survive The Internet? (2017). – Текст : электронный // U.S. Department of State : [сайт]. – URL: <https://www.state.gov/reports-u-s-advisory-commission-on-public-diplomacy/>

45. Special Report. Exploring U.S. Public Diplomacy’s Domestic Dimensions: Purviews, Publics, and Policies (2022). – Текст : электронный // U.S. Department of State : [сайт]. – URL: <https://www.state.gov/reports-u-s-advisory-commission-on-public-diplomacy/>

46. Special Report. Optimizing Engagement: Research, Evaluation, and Learning in Public Diplomacy (2018). – Текст : электронный // U.S. Department of State : [сайт]. – URL: <https://www.state.gov/reports-u-s-advisory-commission-on-public-diplomacy/>

47. Special Report. Public Diplomacy and the New “Old” War: Countering State-Sponsored Disinformation (2020). – Текст : электронный // U.S. Department of State : [сайт]. – URL: <https://www.state.gov/reports-u-s-advisory-commission-on-public-diplomacy/>

48. Special Report. Putting Policy & Audience First: A Public Diplomacy Paradigm Shift (2021). – Текст : электронный // U.S. Department of State : [сайт]. – URL: <https://www.state.gov/reports-u-s-advisory-commission-on-public-diplomacy/>

49. Special Report. Reimagining Public Diplomacy’s Organizational Structure at the U.S. Department of State (2016). – Текст : электронный // U.S. Department of State : [сайт]. – URL: <https://www.state.gov/reports-u-s-advisory-commission-on-public-diplomacy/>

50. Special Report. Teaching Public Diplomacy and the Information Instruments of Power in a Complex Information Environment (2020). – Текст : электронный // U.S. Department of State : [сайт]. – URL: <https://www.state.gov/reports-u-s-advisory-commission-on-public-diplomacy/>

Бюро образовательных и культурных связей

51. Professional Fellows Program FY 2012 – FY 2017. Evaluation Report. November 2020. Prepared for: Evaluation Division, Bureau of Educational and Cultural

Affairs, United States Department of State. – Текст: электронный. – URL: https://eca.state.gov/files/bureau/pfp_final_report__12_1_2020_508_final_1.pdf

52. Evaluation of ECA'S English Language Programs: Fulbright English Teaching Assistant Program. Evaluation Report. June 2014. Commissioned by: Evaluation Division, Bureau of Educational and Cultural Affairs, United States Department of State. Prepared by: EurekaFacts, LLC. – Текст : электронный. – URL: https://eca.state.gov/files/bureau/fulbright_eta_june_2014_report.pdf

53. J. William Fulbright Foreign Scholarship Board 2019 Annual Report. – Текст: электронный. – URL: https://eca.state.gov/files/bureau/fulbright_2019report_final_0.pdf

54. J. William Fulbright Foreign Scholarship Board 2018 Annual Report. – Текст: электронный. – URL: https://eca.state.gov/files/bureau/fulbrightar_2018_final_web_0.pdf

55. J. William Fulbright Foreign Scholarship Board 2017 Annual Report. – Текст: электронный. – URL: <https://app.box.com/s/kbii9ub7g3p1mqyleqjavf9ys1fchjkt>

56. J. William Fulbright Foreign Scholarship Board 2016 Annual Report. – Текст: электронный. – URL: https://eca.state.gov/files/bureau/ffsb_annual_report_2016_gps__hi_res_20170824fl.pdf

57. J. William Fulbright Foreign Scholarship Board 2015 Annual Report. – Текст: электронный. – URL: https://eca.state.gov/files/bureau/160909_ffsb-report-2015.pdf

58. J. William Fulbright Foreign Scholarship Board 2014 Annual Report. – Текст: электронный. – URL: https://eca.state.gov/files/bureau/ffsb-annual-report_final_printready_12-18.pdf

Агентство США по глобальным медиа

59. Analytic Report for Russia Media Use Survey, International Audience Research Project. Washington, D.C.: US Agency for Global Media, April 2019. P. 1-26.

60. FY 2019 Performance and Accountability Report. – Текст: электронный // US Agency for Global Media. – URL: <https://www.usagm.gov/wp-content/uploads/2019/11/USAGM-FY2019-PAR.pdf>

61. FY 2021 Performance and Accountability Report. – Текст : электронный // US Agency for Global Media. – URL: <https://www.usagm.gov/wp-content/uploads/2021/11/FY-2021-USAGM-PAR-FINAL.pdf>

62. USAGM 2018 Annual report. – Текст : электронный // US Agency for Global Media. – URL: <https://www.usagm.gov/wp-content/uploads/2019/08/USAGM-AR-2018-final.pdf>

63. USAGM 2019 Annual report. Information as a public service. – Текст : электронный // US Agency for Global Media. – URL: <https://www.usagm.gov/wp-content/uploads/2021/03/USAGM-AR2019-Final-lowres.pdf>

64. USAGM strategic plan 2022–2026. Truth over Disinformation Supporting Freedom and Democracy. – Текст : электронный // US Agency for Global Media. – URL: https://www.usagm.gov/wp-content/uploads/2022/03/Strategic-Plan-2022-2026_74Y22-02-23-22.pdf

Прочие отчеты

65. Motion Picture Association of America. Annual Report. The Economic Contribution of the Motion Picture & Television Industry to the United States. – 2021. – Текст: электронный. – URL: https://www.motionpictures.org/wp-content/uploads/2022/01/MPA_US_Economic_Contribution_2020_Final.pdf

66. Nakamura, K. H. U.S. Public Diplomacy: Background and Current Issues : report (18 December, 2009) / K. H. Nakamura, M. C. Weed. – Washington, D.C. – Текст : электронный // Library of Congress. Congressional Research Service. – URL: (<https://digital.library.unt.edu/ark:/67531/metadc627029/>)

4) Материалы программ государственного международного вещания США:

67. Voice of America URL: https://www.voanews.com/?_ga=2.3181168.1569204257.1659513415-171804874.1640169466

68. Radio Free Europe / Radio Liberty URL:
<https://www.youtube.com/channel/UCiWMFQCGvwGSc8QWHOqcQhw>

69. Настоящее Время/Current time URL:
<https://www.youtube.com/c/CurrenttimeTvofficial>

5) Кинопродукция:

Marvel Cinematic Universe

70. Доктор Стрэндж: художественный фильм (супергеройский боевик) / авторы сценария: Д. Спэйтс, С. Дерриксон, С. Р. Каргилл ; режиссер С. Дерриксон ; оператор Б. Дэвис ; композитор М. Джаккино ; в ролях: Б. Камбербэтч, Ч. Эджиофор, Р. Макадамс [и др.]. – Длительность 115 мин. – Фильм вышел в 2016 г. – Изображение : видео.

71. Железный человек : художественный фильм (экшн, научная фантастика) / авторы сценария: М. Фергус, Х. Остби, А. Маркам, М. Холлоуэй ; режиссер Дж. Фавро ; оператор М. Либатик ; композитор Р. Джавади ; в ролях: Р. Дауни-младший, Т. Ховард, Д. Бриджес [и др.]. – Длительность 126 мин. – Фильм вышел в 2008 г. – Изображение : видео.

72. Железный человек 2: художественный фильм (супергеройский боевик) / автор сценария Д. Теру ; режиссер Дж. Фавро ; оператор М. Либатик ; композитор Д. Дебни ; в ролях: Р. Дауни-младший, Г. Пэлтроу, Д. Чидл [и др.]. – Длительность 125 мин. – Фильм вышел в 2010 г. – Изображение : видео.

73. Железный человек 3 : художественный фильм (супергеройский боевик) / авторы сценария: Ш. Блэк, Д. Пирс ; режиссер Ш. Блэк ; оператор Д. Толл ; композитор Б. Тайлер ; в ролях: Р. Дауни-младший, Г. Пэлтроу, Д. Чидл [и др.]. – Длительность 130 мин. – Фильм вышел в 2013 г. – Изображение : видео.

74. Капитан Марвел : художественный фильм (фантастический боевик) / авторы сценария: А. Боден, Р. Флек, Ж. Робертсон-Дуорет ; режиссеры: А. Боден, Р. Флек ; оператор Б. Дэвис ; композитор П. Топрак ; в ролях: Б. Ларсон, С. Л. Джексон, Б. Мендельсон [и др.]. – Длительность 124 мин. – Фильм вышел в 2019 г. – Изображение : видео.

75. Мстители: эра Альтрона : художественный фильм (экшн) / автор сценария Д. Уидон ; режиссер Д. Уидон ; оператор Б. Дэвин ; композиторы: Б. Тайлер, Д. Эльфман ; в ролях: Р. Дауни-младший, К. Хемсворт, М. Руффало [и др.]. – Длительность 141 мин. – Фильм вышел в 2015 г. – Изображение : видео.

76. Невероятный Халк : художественный фильм (супергеройский экшн) / автор сценария З. Пенн ; режиссер Л. Летерье ; оператор Питер Мензис-младший ; композитор К. Армстронг ; в ролях: Э. Нортон, Л. Тайлер, Т. Рот [и др.]. – Длительность 112/145 мин. – Фильм вышел в 2008 г. – Изображение : видео.

77. Первый мститель : художественный фильм (супергеройский боевик) / авторы сценария: К. Маркус, С. Макфили ; режиссер Д. Джонстон ; оператор Ш. Джонсон ; композитор А. Сильвестри ; в ролях: К. Эванс, Т. Ли Джонс, Х. Уивинг [и др.]. – Длительность 124 мин. – Фильм вышел в 2011 г. – Изображение : видео.

78. Первый мститель: Другая война : художественный фильм (экшен, приключения) / авторы сценария: К. Маркус, С. Макфили ; режиссеры: Э. Руссо, Д. Руссо ; оператор Т. Опалок ; композитор Г. Джекман ; в ролях: К. Эванс, С. Йоханссон, С. Стэн [и др.]. – Длительность 136 мин. – Фильм вышел в 2014 г. – Изображение : видео.

79. Первый мститель: Противостояние : художественный фильм (экшен, приключения) / авторы сценария: К. Маркус, С. Макфили ; режиссеры: Э. Руссо, Д. Руссо ; оператор Т. Опалок ; композитор Г. Джекман ; в ролях: К. Эванс, Р. Дауни-младший, С. Йоханссон [и др.]. – Длительность 147 мин. – Фильм вышел в 2016 г. – Изображение : видео.

80. Тор : художественный фильм (супергеройский боевик) / авторы сценария: Дж. М. Стражински, М. Протосевич, Э. Миллер [и др.] ; режиссер К. Брана ; оператор Х. Замбарлуко ; композитор П. Дойл ; в ролях: К. Хемсворт, Н. Портман, Т. Хиддлстон [и др.]. – Длительность 114 мин. – Фильм вышел в 2011 г. – Изображение : видео.

81. Человек-муравей : художественный фильм (супергеройский боевик) / авторы сценария: Э. Райт, Д. Корниш, А. Маккей, П. Радд ; режиссер П. Рид ;

оператор Р. Карпентер ; композитор К. Бек ; в ролях: П. Радд, М. Дуглас, Э. Лилли [и др.]. – Длительность 117 мин. – Фильм вышел в 2015 г. – Изображение : видео.

82. Черная вдова : художественный фильм (фантастический боевик) / автор сценария Э. Пирсон ; режиссер К. Шортланд ; оператор Г. Беристайн ; композитор Л. Бэлф ; в ролях: С. Йоханссон, Ф. Пью, Д. Харбор [и др.]. – Длительность 134 мин. – Фильм вышел в 2021 г. – Изображение : видео.

83. Черная пантера : художественный фильм (фантастический боевик) / авторы сценария: Д. Р. Коул, Р. Куглер ; режиссер Р. Куглер ; оператор Р. Моррисон ; композитор Л. Йоранссон ; в ролях: Ч. Боузман, М. Б. Джордан, Л. Нионго [и др.]. – Длительность 134 мин. – Фильм вышел в 2018 г. – Изображение : видео.

DC Extended Universe

84. Аквамен : художественный фильм (фантастический боевик) / авторы сценария: Д. Джонс, Д. Ван, У. Билл ; режиссер Д. Ван ; оператор Д. Берджесс ; композитор Р. Грегсон-Уильямс ; в ролях: Д. Момоа, Э. Херд, П. Уилсон [и др.]. – Длительность 143 мин. – Фильм вышел в 2018 г. – Изображение : видео.

85. Бэтмен против Супермена: На заре справедливости : художественный фильм (фантастический боевик) / авторы сценария: К. Террио, Д. С. Гойер ; режиссер З. Снайдер ; оператор Л. Фонг ; композитор Х. Циммер ; в ролях: Б. Аффлек, Г. Кавилл, Г. Гадот [и др.]. – Длительность 151/183 мин. – Фильм вышел в 2016 г. – Изображение : видео.

86. Лига справедливости : художественный фильм (фантастический боевик) / авторы сценария: З. Снайдер, К. Террио ; режиссеры: З. Снайдер, Д. Уидон ; оператор Ф. Вагнер ; композитор Д. Эльфман ; в ролях: Б. Аффлек, Г. Кавилл, Г. Гадот [и др.]. – Длительность 120 мин. – Фильм вышел в 2017 г. – Изображение : видео.

87. Человек из стали : художественный фильм (фантастический боевик) / автор сценария Д. С. Гойер ; режиссер З. Снайдер ; оператор А. М. Мокри ; композитор Х. Циммер ; в ролях: Г. Кавилл, Э. Адамс, М. Шэннон [и др.]. – Длительность 143 мин. – Фильм вышел в 2013 г. – Изображение : видео.

88. Чудо-женщина : художественный фильм (супергеройский фильм) / авторы сценария: З. Снайдер, А. Хейнберг, Дж. Фьюкс ; режиссер П. Дженкинс ; оператор М. Дженсен ; композитор Р. Грегсон-Уильямс ; в ролях: Г. Гадот, К. Пайн, Р. Райт [и др.]. – Длительность 141 мин. – Фильм вышел в 2017 г. – Изображение : видео.

Шпионские франшизы

89. 007: Спектр : художественный фильм (боевик, триллер) / авторы сценария: Н. Первис, Р. Уэйд, Д. Логан, Д. Баттеруорт ; режиссер С. Мендес ; оператор Х. ван Хойтема ; композитор Т. Ньюман ; в ролях: Д. Крейг, К. Вальц, Л. Сейду [и др.]. – Длительность 148 мин. – Фильм вышел в 2015 г. – Изображение : видео.

90. Казино Рояль : художественный фильм (боевик, приключенческий фильм) / авторы сценария: Н. Первис, Р. Уэйд, П. Хаггис, Я. Флеминг ; режиссер М. Кэмпбелл ; оператор Ф. Мейхью ; композиторы: Д. Арнольд, К. Корнелл ; в ролях: Д. Крейг, Е. Грин, М. Миккельсен [и др.]. – Длительность 145 мин. – Фильм вышел в 2006 г. – Изображение : видео.

91. Квант милосердия : художественный фильм (боевик, приключенческий фильм) / авторы сценария: Д. Зитумер, Н. Первис, Р. Уэйд [и др.] ; режиссер М. Форстер ; оператор Р. Шэфер ; композиторы: Д. Арнольд, Д. Уайт, А. Киз ; в ролях: Д. Крейг, М. Амальрик, О. Куриленко [и др.]. – Длительность 106 мин. – Фильм вышел в 2008 г. – Изображение : видео.

92. Миссия невыполнима : художественный фильм (шпионский боевик) / авторы сценария: Д. Кепп, Б. Геллер, Р. Таун ; режиссер Б. Де Пальма ; оператор С. Х. Берум ; композитор Д. Эльфман ; в ролях: Т. Круз, Дж. Войт, Э. Беар [и др.]. – Длительность 110 мин. – Фильм вышел в 1996 г. – Изображение : видео.

93. Миссия невыполнима 3 : художественный фильм (шпионский боевик) / авторы сценария: А. Куртцман, Р. Орси, Дж. Дж. Абрамс ; режиссер Дж. Дж. Абрамс ; оператор Д. Миндел ; композитор М. Джаккино ; в ролях: Т. Круз, Ф. С. Хоффман, В. Рэймс [и др.]. – Длительность 126 мин. – Фильм вышел в 2006 г. – Изображение : видео.

94. Миссия невыполнима: Племя изгоев : художественный фильм (шпионский боевик) / авторы сценария: К. Маккуорри, Д. Пирс ; режиссер К. Маккуорри ; оператор Р. Элсвит ; композитор Д. Крэймер ; в ролях: Т. Круз, Р. Фергюсон, С. Пегг [и др.]. – Длительность 131 мин. – Фильм вышел в 2015 г. – Изображение : видео.

95. Миссия невыполнима: Последствия : художественный фильм (шпионский боевик) / автор сценария К. Маккуорри ; режиссер К. Маккуорри ; оператор Р. Харди ; композитор Л. Бэлф ; в ролях: Т. Круз, Г. Кавилл, В. Рэймс [и др.]. – Длительность 147 мин. – Фильм вышел в 2018 г. – Изображение : видео.

96. Миссия невыполнима: Протокол Фантом : художественный фильм (шпионский боевик) / авторы сценария: Д. Аппелбаум, А. Немец ; режиссер Б. Берд ; оператор Р. Элсвит ; композитор М. Джаккино ; в ролях: Т. Круз, Д. Реннер, П. Паттон [и др.]. – Длительность 133 мин. – Фильм вышел в 2011 г. – Изображение : видео.

97. Не время умирать : художественный фильм (шпионский боевик) / авторы сценария: Н. Первис, Р. Уэйд, К. Фукунага, Ф. Уоллер-Бридж ; режиссер К. Фукунага ; оператор Л. Сандгрэн ; композитор Х. Циммер ; в ролях: Д. Крейг, Р. Малек, Л. Сейду [и др.]. – Длительность 163 мин. – Фильм вышел в 2021 г. – Изображение : видео.

Трансформеры

98. Трансформеры : художественный фильм (фантастический боевик) / авторы сценария: Р. Орси, А. Куртцман ; режиссер М. Бэй ; оператор М. Амундсен ; композитор С. Яблонски ; в ролях: Ш. Лабаф, М. Фокс, Д. Дюамель [и др.]. – Длительность 143 мин. – Фильм вышел в 2007 г. – Изображение : видео.

99. Трансформеры 3: Темная сторона Луны : художественный фильм (фантастический боевик) / автор сценария Э. Крюгер ; режиссер М. Бэй ; оператор А. Мокри ; композитор С. Яблонски ; в ролях: Ш. Лабаф, Р. Хантингтон-Уайтли, Д. Дюамель [и др.]. – Длительность 154 мин. – Фильм вышел в 2011 г. – Изображение : видео.

100. Трансформеры: Месть падших : художественный фильм (фантастический боевик) / авторы сценария: Э. Крюгер, А. Куртцман, Р. Орси ; режиссер М. Бэй ; оператор Б. Серезин ; композитор С. Яблонски ; в ролях: Ш. Лабаф, М. Фокс, Д. Дюамель [и др.]. – Длительность 150 мин. – Фильм вышел в 2009 г. – Изображение : видео.

101. Трансформеры: Последний рыцарь : художественный фильм (фантастический боевик) / авторы сценария: А. Маркам, М. Холлоуэй, К. Нолан ; режиссер М. Бэй ; оператор Д. Села ; композитор С. Яблонски ; в ролях: М. Уолберг, Д. Дюамель, Л. Хэддок [и др.]. – Длительность 154 мин. – Фильм вышел в 2017 г. – Изображение : видео.

Прочие фильмы, сериалы и анимационные фильмы

102. 1984 : художественный фильм (антиутопия) / авторы сценария: М. Рэдфорд, Д. Оруэлл ; режиссер М. Рэдфорд ; оператор Р. Дикинс ; композиторы: D. Muldowney ; в ролях: Д. Херт, Р. Бертон, С. Гамильтон [и др.]. – Длительность 113 мин. – Фильм вышел в 1984 г. – Изображение : видео.

103. DC 9/11: Время кризиса : документальный фильм / автор сценария Л. Четвинд ; режиссер Б. Тренчард-Смит ; композитор Л. Шрагге ; в ролях: Т. Боттомс, М. Г. Мюррей, Л. Прессман [и др.]. – Длительность 127 мин. – Фильм вышел в 2003 г. – Изображение : видео.

104. Агентство : сериал / авторы сценария: М. Ф. Бекнер, Э. Олесон, М. Элли ; режиссеры: Дж. М. Тобин, А. Закржевский, Н. Гомез ; операторы: А. Шнайдер, М. Адамс, Д. Р. Багдонас ; композиторы: Д. Эрлих, М. Блейки, Д. Дерлатка ; в ролях: П. Турко, Р. Кэрролл, Д. Кленнон [и др.]. – Длительность серии 43 мин. – 2001-2003. – Изображение : видео.

105. Апокалипсис сегодня : художественный фильм (военная драма) / авторы сценария: Ф. Ф. Коппола, М. Герр, Д. Милиус ; режиссер Ф. Ф. Коппола ; оператор В. Стораро ; композиторы: К. Коппола, Ф. Ф. Коппола ; в ролях: М. Брандо, Р. Дюваль, М. Шин [и др.]. – Длительность 179/202 мин. – Фильм вышел в 1979 г. – Изображение : видео.

106. День независимости : художественный фильм (фантастический боевик) / авторы сценария: Д. Дэвлин, Р. Эммерих ; режиссер Р. Эммерих ; оператор К. В. Линденлауб ; композитор Д. Арнольд ; в ролях: У. Смит, Б. Пуллман, Д. Голдблюм [и др.]. – Длительность 145 мин. – Фильм вышел в 1996 г. – Изображение : видео.

107. Дюнкерк : художественный фильм (военная драма, боевик) / автор сценария К. Нолан ; режиссер К. Нолан ; оператор Х. ван Хойтема ; композитор Х. Циммер ; в ролях: Ф. Уайтхед, Т. Харди, К. Мерфи [и др.]. – Длительность 106 мин. – Фильм вышел в 2017 г. – Изображение : видео.

108. За бортом : художественный фильм (романтическая комедия) / авторы сценария: Р. Гринберг, Б. Фишер, Л. Диксон ; режиссер Р. Гринберг ; оператор Э. Данн ; композитор Л. Уоркмэн ; в ролях: Э. Дербес, А. Фэрис, Е. Лонгория [и др.]. – Длительность 112 мин. – Фильм вышел в 2018 г. – Изображение : видео.

109. Мюнхен : художественный фильм (триллер, драма) / авторы сценария: Т. Кушнер, Э. Рот ; режиссер С. Спилберг ; оператор Я. Камински ; композитор Д. Уильямс ; в ролях: Э. Бана, Д. Крейг, К. Хайндс [и др.]. – Длительность 164 мин. – Фильм вышел в 2005 г. – Изображение : видео.

110. Наконечник стрелы : художественный фильм (вестерн) / авторы сценария: Ч. М. Уоррен, У. Р. Бернетт ; режиссер Ч. М. Уоррен ; композитор П. Соутелл ; в ролях: Ч. Хестон, Д. Пэлэнс, Б. Кит [и др.]. – Длительность 105 мин. – Фильм вышел в 1953 г. – Изображение : видео.

111. Нулевая видимость 30 : художественный фильм (боевик) / автор сценария М. Боал ; режиссер К. Бигелоу ; в ролях: Д. Честейн, С. Эдкинс, Т. Кинни [и др.]. – Длительность 122 мин. – Фильм вышел в 2013 г. – Изображение : видео.

112. Операция “Арго” : художественный фильм (политический триллер, исторический фильм) / авторы сценария: К. Террио, Д. Бирмен, Т. Мендес ; режиссер Б. Аффлек ; оператор Р. Прието ; композитор А. Деспла ; в ролях: Б. Аффлек, Б. Крэнстон, А. Аркин [и др.]. – Длительность 120/130 мин. – Фильм вышел в 2012 г. – Изображение : видео.

113. Осада : художественный фильм (боевик) / авторы сценария: Л. Райт, М. Мейджес, Э. Цвик ; режиссер Э. Цвик ; оператор Р. Дикинс ; композитор Г. Ревелл ; в ролях: Д. Вашингтон, А. Бенинг, Т. Шалуб [и др.]. – Длительность 116 мин. – Фильм вышел в 1998 г. – Изображение : видео.

114. Правдивая ложь : художественный фильм (комедийный боевик) / автор сценария Д. Кэмерон ; режиссер Д. Кэмерон ; оператор Р. Карпентер ; композитор Б. Фидель ; в ролях: А. Шварценеггер, Д. Ли Кертис, Б. Пэкстон [и др.]. – Длительность 140 мин. – Фильм вышел в 1994 г. – Изображение : видео.

115. Самый длинный день : художественный фильм (военная драма) / авторы сценария: К. Райан, Д. Джонс, Р. Гари [и др.] ; режиссеры: Э. Мартон, К. Эннакин, Б. Викки ; операторы: Ж. Бургуэн, В. Воттиц ; композитор М. Жарр ; в ролях: Д. Уэйн, Р. Митчем, Г. Фонда [и др.]. – Длительность 180 мин. – Фильм вышел в 1962 г. – Изображение : видео.

116. Сангари : художественный фильм (драма) / авторы сценария: Д. Дункан, Ф. Л. Мосс, Ф. Слотера ; режиссер Э. Людвиг ; композитор Л. Кайе ; в ролях: Ф. Ламас, А. Даль, П. Медина [и др.]. – Длительность 94 мин. – Фильм вышел в 1953 г. – Изображение : видео.

117. Скандал : художественный фильм (драма) / автор сценария Ч. Рэндольф ; режиссер Д. Роуч ; оператор Б. Экройд ; композитор Т. Шапиро ; в ролях: Ш. Терон, Н. Кидман, М. Робби [и др.]. – Длительность 108 мин. – Фильм вышел в 2019 г. – Изображение : видео.

118. Скотный двор : мультипликационный фильм (сатира) / авторы сценария: Д. Хэлас, Д. Бэтчелор ; режиссеры: Д. Хэлас, Д. Бэтчелор ; композитор М. Шейбер. – Длительность 80 мин. – Фильм вышел в 1955 г. – Изображение : видео.

119. Тихий американец : художественный фильм (военная драма) / авторы сценария: К. Хэмптон, R. Schenkkan, Г. Грин ; режиссер Ф. Нойс ; композитор К. Армстронг ; в ролях: М. Кейн, Б. Фрейзер, Д. Т. Хай Йен [и др.]. – Длительность 97 мин. – Фильм вышел в 2001 г. – Изображение : видео.

120. Тренировочный день : художественный фильм (триллер) / автор сценария Д. Эйер ; режиссер А. Фукуа ; оператор М. Фиоре ; композитор М. Манчина ; в ролях: Д. Вашингтон, И. Хоук, С. Гленн [и др.]. – Длительность 122 мин. – Фильм вышел в 2001 г. – Изображение : видео.

121. Черный ястреб : художественный фильм (военная драма) / авторы сценария: К. Нолан, М. Боуден ; режиссер Р. Скотт ; оператор С. Идзяк ; композитор Х. Циммер ; в ролях: Д. Хартнетт, Ю. Макгрегор, Т. Сайзмор [и др.]. – Длительность 144 мин. – Фильм вышел в 2001 г. – Изображение : видео.

122. Чужая ненависть : художественный фильм (драма) / автор сценария О. Уэллс ; режиссер Д. Тиллман младший ; оператор М. Малаймер младший ; композитор Д. О'Хэллоран ; в ролях: А. Стенберг, Р. Холл, Э. Маки [и др.]. – Длительность 133 мин. – Фильм вышел в 2018 г. – Изображение: видео.

123. Шпионские игры: художественный фильм (шпионский триллер) / автор сценария М. Ф Бекнер ; режиссер Т. Скотт ; оператор Д. Миндел ; композитор Г. Грегсон-Уильямс ; в ролях: Р. Редфорд, Б. Питт, К. Маккормак [и др.]. – Длительность 127 мин. – Фильм вышел в 2001 г. – Изображение: видео.

II. Литература

1) Монографии и статьи на русском языке

1. Алексеева, Т. А. Современная политическая мысль (XX–XXI вв.): Политическая теория и международные отношения / Т. А. Алексеева. – Москва : Аспект-Пресс, 2018. – 623 с. – ISBN 978-5-7567-0765-6.

2. Алпатова, И. В. Реорганизация информационно-пропагандистской службы США / И. В. Алпатова // США: экономика, политика, идеология. – 1978. – №1. – С. 64-69.

3. Анохин, М. Г. Современные технологии эффективной политики : учебное пособие / М. Г. Анохин. – Москва : РУДН, 2008. – 239 с.

4. Анохина, Н. В. Универсальные политические технологии и страновая специфика / Н. В. Анохина, Е. Н. Минченко, Н. В. Студеникин. – Москва : МИПЭ, 2004. – 80 с.

5. Антюхова, Е. А. Образование в политике мягкой силы США / Е. А. Антюхова. – DOI 10.17976/jpps/2019.02.09 // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 2. – С. 123-136.
6. Антюхова, Е. А. Основные направления публичной дипломатии НАТО в эпоху глобализации / Е. А. Антюхова. – Текст : электронный // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2016. – № 3 (72). – С. 21-27. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyie-napravleniya-publichnoy-diplomatii-nato-v-epohu-globalizatsii>
7. Арбатов, А. Г. Крушение миропорядка? / А. Г. Арбатов // Россия в глобальной политике. – 2014. – Т. 12, № 4. – С. 16-31.
8. Арбатов, Г. А. Идеологическая борьба в современных международных отношениях: Доктрина, методы и организация внешнеполитической пропаганды империализма / Г. А. Арбатов. – Москва : Политиздат, 1970. – 349 с.
9. Артамонова У. З. Американский кинематограф как инструмент публичной дипломатии США / У. З. Артамонова. – DOI 10.20542/afij-2020-2-110-122 // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2020. – № 2. – С. 110-122.
10. Артамонова У. З. Все новое – это хорошо забытое старое: публичная дипломатия США как инструмент «политической войны» / У. З. Артамонова. – DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-11-41-49 // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66. – №11. – С. 41-49.
11. Артамонова, У. З. Механизм выработки стратегии публичной дипломатии во внешней политике США / У. З. Артамонова. – DOI 10.31857/S268667300008882-0 // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2020. – Т. 50, № 4. – С. 109-119.
12. Артамонова У. З. Направления и формы реализации публичной дипломатии / У. З. Артамонова. – DOI 10.20542/afij-2021-2-49-56 // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2021. – № 2. – С. 49-56.
13. Артамонова, У. З. Пандемия COVID-19: вызовы и возможности для публичной дипломатии России и США / У. З. Артамонова. – DOI

10.31857/S268667300015221-3 // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2021. – № 6. – С. 89-110.

14. Артамонова, У.З. “Попкорн-дипломатия”: роль американских блокбастеров в вопросах миропорядка / У. З. Артамонова. – DOI: 10.20542/afij-2022-2-76-90 // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2022. – № 3. – С. 76-90.

15. Артамонова, У. З. Публичная дипломатия США “без лица” (Кадровый кризис постбиполярной эпохи) / У. З. Артамонова. – DOI 10.20542/0131-2227-2021-65-12-33-39 // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65, № 12. – С. 33-39.

16. Артамонова, У. З. Публичная дипломатия США в первый год президентства Дж. Байдена / У. З. Артамонова. – DOI 10.18254/S207054760018142-3. – Текст: электронный // Россия и Америка в XXI веке. – 2021. – № S1. – URL: <https://rusus.jes.su/s207054760018142-3-1/>

17. Артамонова, У. З. Реформа инновационной дипломатии на фоне системного кризиса американской публичной дипломатии / У. З. Артамонова. – DOI 10.18254/S207054760013295-1. – Текст: электронный // Россия и Америка в XXI веке. – 2020. – № 4. – URL: <https://rusus.jes.su/s207054760013295-1-1/>

18. Артамонова, У. З. Эволюция государственных институтов публичной дипломатии США / У. З. Артамонова. – DOI 10.18254/S207054760004625-4. – Текст: электронный // Россия и Америка в XXI веке. – 2019. – № 1. – URL: <https://rusus.jes.su/s207054760004625-4-1/>

19. Артамонова, У. З. Эволюция институтов российской публичной дипломатии / У. З. Артамонова. – DOI 10.18254/S207054760006903-0. – Текст : электронный // Россия и Америка в XXI веке. – 2019. – № 3. – URL: <https://rusus.jes.su/s207054760006903-0-1/>

20. Барановский, В. Г. Новый миропорядок: преодоление старого или его трансформация? / В. Г. Барановский. – DOI 10.20542/0131-2227-2019-63-5-7-23 // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63, № 5. – С. 7-23.

21. Барановский, В. Г. Основные параметры современной системы международных отношений. Часть I / В. Г. Барановский // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 3. – С. 36-44.
22. Барановский, В. Г. Основные параметры современной системы международных отношений. Часть II. Качественные параметры / В. Г. Барановский // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 4. – С. 63-73.
23. Барановский, В. Г. Трансформация глобального миропорядка: динамика системных изменений / В. Г. Барановский. – DOI 10.17976/jpps/2017.03.05 // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 3. – С. 71-91.
24. Барановский, В. Г. Трансформация мировой системы в 2000-х годах / В. Г. Барановский // Международные процессы. – 2010. – Т. 8, № 22. – С. 4-13.
25. Баталов, Э. Я. "Рычащий медведь" на "диком Востоке" : образы современной России в работах американских авторов: 1992-2007 гг. / Э. Я. Баталов, В. Ю. Журавлева, К. В. Хозинская ; рук. проекта Э. Я. Баталов ; Российская академия наук, Институт Соединенных Штатов Америки и Канады. – Москва : РОССПЭН, 2009. – 380 с. – ISBN 978-5-8243-1124-2.
26. Баталов, Э. Я. Американская политическая мысль XX век / Э. Я. Баталов. – Москва : Прогресс-Традиция, 2014. – 625 с. – ISBN 978-5-89826-390-4.
27. Баталов, Э. Я. Мировое развитие и мировой порядок: анализ современных американских концепций / Э. Я. Баталов. – Москва : РОССПЭН, 2005. – 376 с. – ISBN 5-8243-0632-X.
28. Баталов, Э. Я. Проблема демократии в американской политической мысли XX века / Э. Я. Баталов. – Москва : Прогресс-Традиция, 2010. – 376 с. – ISBN 978-5-89826-336-2.
29. Баталов, Э. Я. Человек, мир, политика / Э. Я. Баталов. – Москва: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2008. – С. 330. ISBN 5-901981-22-7.
30. Бахриев, Б. Х. "Мягкая сила" военной организации: публичная дипломатия НАТО в Центральной Азии / Б. Х. Бахриев, Л. Р. Рустамова. – DOI

10.17223/15617793/458/11 // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 458. – С. 90-100.

31. Берзин, Л.Б. Пропаганда на службе внешней политики / Л.Б Берзин, Ю.П. Давыдов // Современная внешняя политика США. В 2-х тт. / Отв. ред. – Г.А. Трофименко. – Москва: Наука, 1984. – Т.2. / Отв. ред. – С. 91-111.

32. Бернейс, Э. Пропаганда / Э. Бернейс ; Пер. с англ. И. Ющенко. – Москва: Hippo Publishing, 2010. – 176 с. – ISBN 978-5-98999-019-1.

33. Богатуров, А. Д. История международных отношений / А. Д. Богатуров, В. В. Аверков. – Москва : Аспект пресс, 2010. – 520 с. – ISBN 978-5-7567-0591-1.

34. Богатуров, А. Д. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений / А. Д. Богатуров, Н. А. Косолапов, М. А. Хрусталеv. – Москва : НОФМО, 2002. – 390 с. – ISBN 5-9019-8102-2.

35. Большая актуальная политическая энциклопедия : настольная книга современного политика : 1000 актуальных понятий современной политической жизни / [А. В. Беляков и др.]. – Москва : Эксмо, 2009. – 419 с. – ISBN 978-5-699-36787-0.

36. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Большая Российская энциклопедия ; Санкт-Петербург : Норинт, 1997, 1999, 2001, 2004. – 1456 с. – ISBN 5-85270-160-2. – ISBN 5-7711-0004-8.

37. Бонцевич, Н. Н. Институционализация публичной дипломатии в США в правление администрации г. Трумэна / Н. Н. Бонцевич. – DOI 10.18500/1819-4907-2017-17-3-364-369 // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. – 2017. – Т. 17, № 3. – С. 364-369.

38. Боровикова Н. М. Образ военнослужащего в российском и англо-американском кинематографе XXI века: массовая культура и стереотипы: специальность 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений и глобального развития»: диссертация на соискание степени кандидата политических наук / Боровикова Нина Михайловна. – Саратов, 2019. – 189 с.

39. Борцов, Ю. С. Политология в вопросах и ответах : учебно-методическое пособие / Ю. С. Борцов, И. Д. Коротец, В. Ю. Шпак. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1998. – 443 с. – ISBN 5-222-00612-3.

40. Бурдьё, П. Социология социального пространства / П. Бурдьё ; Пер. с франц. Н.А. Шматко. – Москва: Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: Издательство «Алетей», 2007. – 288 с. ISBN 978-5-91419-902-6.

41. Бурлинова, Н. В. Курс общественного дипломата : учебно-методические материалы №4/2017 / Н. В. Бурлинова, Российский совет по международным делам (РСМД). – Москва : НП РСМД, 2017 – 76 с. – ISBN 978-5-9500378-5-6. – Текст : электронный // РСМД : [сайт]. – URL: <http://russiancouncil.ru/activity/educationalmaterials/kurs-obshchestvennogo-diplomata/>

42. Васильева, П. И. Глобальные политические технологии: теория и практика / П. И. Васильева // Обозреватель – Observer. – 2012. – № 8 (271). – С. 77-83.

43. Великая, А. А. Значение наследия Дж. Ф. Кеннана для внешней политики США / А. А. Великая // Обозреватель – Observer. – 2017. – № 5 (328). – С. 105-112.

44. Великая, А. А. Публичная дипломатия как инструмент международного диалога / А. А. Великая // Международная жизнь. – 2016. – № 2. – С. 154-164.

45. Великая, А.А. Публичная дипломатия России и США / А.А. Великая. – Москва: Аспект Пресс, 2023. – 192 с. – ISBN 978-5-7567-1241-4.

46. Великая, А. А. Публичная дипломатия России и США: сравнительные аспекты двух систем и роль в развитии двустороннего диалога / А. А. Великая. – DOI 10.21638/11701/spbu06.2019.407 // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2019. – Т. 12, №. 4. – С. 500-517.

47. Великая, А. А. Публичная дипломатия США в трансформирующемся мировом порядке / А. А. Великая // Международная жизнь. – 2017. – № 5. – С. 169-187.

48. Великая, А. А. Формирование образа России за рубежом как элемент "мягкой силы" / А. А. Великая // Право и управление. XXI век. – 2013. – № 3 (28). – С. 87-92.

49. Виноградова, С. М. Политические технологии и публичная дипломатия в российском политическом маркетинге / С. М. Виноградова, Д. А. Рущин // Ноосферное образование в евразийском пространстве. – Санкт-Петербург : Центр научно-информационных технологий "Астерион", 2015. – С. 412-418.

50. Войтоловский, Ф. Г. Единство и разобщенность Запада: идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка, 1940-2000-е гг. / Ф. Г. Войтоловский. – Москва : Крафт+, 2007. – 464 с. – ISBN 978-5-93675-132-5.

51. Войтоловский, Ф. Г. Стратегия США в меняющемся миропорядке: вызовы для России / Ф. Г. Войтоловский. – DOI 10.31857/S0869587321070148 // Вестник РАН. – 2021. – Т. 91, № 7. – С. 616-626.

52. Гаврилова, М. В. Методы и методики исследования политической коммуникации / М. В. Гаврилова // Политическая лингвистика. – 2008. – № 1 (24). – С. 22-28.

53. Глобальная перестройка / [А. Г. Арбатов и др.] ; отв. ред. А. А. Дынкин, Н. И. Иванова. – Москва : Весь Мир, 2014. – 528 с. – ISBN 978-5-7777-0589-1.

54. Глобальная система на перелом: пути к новой нормальности / [под ред.: А. Дынкина, Мэтью Барроуза и др.]. – Москва : ИМЭМО им. Е. М. Примакова, 2016. – 31 с. – ISBN 978-5-9535-0458-4.

55. Государственное управление и политика : учебное пособие / Под ред. Л. В. Сморгунова. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2002. – 564 с. – ISBN 5-288-02446-4.

56. Гришин, О. Е. Политические технологии в XXI веке: сущность, спектр, характер / О. Е. Гришин // PolitBook. – 2014. – № 2. – С. 19-32.

57. Гуманистический фактор в современном праве : материалы международной научно-практической конференции / отв. ред. Т. А. Сошникова. – Москва : Издательство Московского гуманитарного университета, 2016. – 332 с. – ISBN 978-5-906822-75-8. – Текст : электронный. – URL: <https://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/2016/proceedings/Humanistic-Factor-in-Contemporary-Law.pdf>
58. Гуревич, П. С. Пропаганда в идеологической борьбе / П. С. Гуревич. – Москва, 1987. – 102 с.
59. Давыдов А. А. "Продвижение демократии" во внешней политике США в начале XXI века: специальность 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений и глобального развития»: диссертация на соискание степени кандидата политических наук / Давыдов Алексей Андреевич. – Москва, 2019. – 199 с.
60. Движущие силы внешней политики США. Отв. ред. И.М. Лемин – Москва: ИМЭМО АН СССР, 1965. – 528 с.
61. Демидов, А. В. От "мягкой силы" к "управляемому хаосу" / А. В. Демидов // Международные отношения. – 2014. – № 2. – С. 230-236.
62. Денисенко, В. Н. Современные психолингвистические методы анализа речевой коммуникации : учебное пособие / В. Н. Денисенко, Е. Ю. Чеботарева. – Москва : РУДН, 2008. – 258 с.
63. Дилигенский, Г. Г. Социально-политическая психология / Г. Г. Дилигенский. – Москва : Наука, 1994. – 304 с. – ISBN 5-02-013558-5.
64. Долинский, А. В. Дискурс о публичной дипломатии / А. В. Долинский // Международные процессы. – 2011. – Т. 9, № 1 (25). – С. 63-73.
65. Долинский, А. В. Что такое общественная дипломатия и зачем она нужна России? / А. В. Долинский. – Текст : электронный // Российский совет по международным делам. – 2012. – URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-takoe-obshchestvennaya-diplomatiya-i-zachem-ona-nuzhna/>
66. Журавлева, В. Ю. Американский президент в поляризованной среде: от Б. Обамы к Дж. Байдену / В. Ю. Журавлева. – DOI 10.21638/spbu06.2021.305 //

Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2021. – Т. 14, № 3. – С. 334-347.

67. Журавлева, В. Ю. Идеино-политические корни американского лидерства / В. Ю. Журавлева // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2014. – № 11. – С. 19-32.

68. Журавлева, В. Ю. Концепция "умной власти" и стратегия национального развития Б. Обамы / В. Ю. Журавлева // Россия и Америка в XXI веке. – 2011. – № 2. – С. 10.

69. Журавлева, В. Ю. Перетягивание каната власти: взаимодействие президента и конгресса США / В. Ю. Журавлева. – Москва : ИМЭМО РАН, 2011. – 163 с. – ISBN 978-5-9535-0310-5.

70. Забузов, О. Н. Политические технологии: структурная и функциональная индифферентность / О. Н. Забузов // Управление. – 2020. – № 2. – С. 81-90.

71. Зазворка, Г. Психологическая война НАТО (Организация, способы и методы ведения психологической войны) / Г. Зазворка. – Москва : Воениздат, 1963. – 313 с.

72. Зиновьева, Е. С. Россия во всемирной паутине: цифровая дипломатия и новые возможности в науке и образовании / Е. С. Зиновьева. – Текст : электронный // Российский совет по международным делам (РСМД). – 2012. – 17 февраля. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-vo-vsemirnoy-pautine-tsifrovaya-diplomatiya-i-novye-/?sphrase_id=92698165

73. Зонова, Т. В. Дипломатия будущего / Т. В. Зонова. – Текст : электронный // Российский совет по международным делам (РСМД). – 2012. – 20 апреля. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/diplomatiya-budushchego/>

74. Зонова, Т. В. Дипломатия. Модели, формы, методы / Т. В. Зонова. – Москва : Аспект Пресс, 2013. – 348 с. – ISBN 978-5-7567-0690-1.

75. Зонова, Т. В. Новое в дипломатии: от "ТвиПломаси" к "ТехПломаси" / Т. В. Зонова. – Текст : электронный // Российский совет по международным делам

(РСМД). – 2019. – 18 апреля. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novoe-v-diplomatii-ot-tviplomasi-k-tekhplomasi/>

76. Зонова, Т. В. Публичная дипломатия в рамках европейского интеграционного процесса / Т. В. Зонова. – Текст : электронный // Современная Европа: 60 лет после Римских договоров : сборник / отв. ред.: Е. А. Маслова, О. Ю. Потемкина. – Москва : Институт Европы РАН, 2017. – Ч. 1. – С. 118 – URL: [URL:http://instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/340.pdf](http://instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/340.pdf)

77. Зонова, Т. В. Публичная дипломатия и ее акторы / Т. В. Зонова. – Текст : электронный // Российский совет по международным делам (РСМД). – 2012. – 7 августа. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/publichnaya-diplomatiya-i-ee-aktory/?sphrase_id=35007778&ysclid=l66uaxstti419754239

78. Идеологическая стратегия США на мировой арене / [Э.Я. Баталов, И.Е. Малашенко, А.Ю. Мельвиль]. – Москва: Международные отношения, 1985. – 230 с.

79. Ильин, И. В. Теория и практика политической глобалистики / И. В. Ильин, О. Г. Леонова, А. С. Розанов. – Москва : Издательство Московского университета, 2013. – 296 с. – ISBN 978-5-211-06532-1.

80. Ильин, М. В. Ритмы и масштабы перемен. О понятиях "процесс", "изменение" и "развитие" в политологии / М. В. Ильин // Полис. Политические исследования. – 1993. – № 2. – С. 57-68.

81. Истомин, И. А. Институциональная эволюция внешнеполитической мысли США в 2000-х годах / И. А. Истомин // Международные процессы. – 2010. – Т. 8, № 24. – С. 103-109.

82. Кирка, А. В. Основные подходы к разработке и реализации стратегии персонального медиапозиционирования политических субъектов в условиях современной социально-сетевой среды / А. В. Кирка, Е. В. Гаганова // PolitBook. – 2019. – № 4. – С. 70-88.

83. Корнетов, Г. Б. Восхождение к преобразующей педагогике / Г. Б. Корнетов. – Текст : электронный // Историко-педагогический журнал. – 2018. – №

4. – С. 62-91. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voshozhdenie-k-preobrazuyuschey-pedagogike>

84. Косолапов, Н.А. Глобализация: территориально-пространственный аспект / Н.А. Косолапов // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2005. – № 6. – С. 3-13.

85. Косолапов, Н.А. От территории к пространствам: политико-исторический экскурс / Н.А. Косолапов // В кн.: *Транснациональные политические пространства: явление и практика* / отв. ред. М.В. Стрежнева. – Москва: Издательство «Весь мир». – 2011. – С. 15-33. ISBN 978-5-7777-0523-5.

86. Косолапов, Н. А. Социальная психология и международные отношения / Н. А. Косолапов. – Москва : Наука, 1983. – 272 с.

87. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов : Ок. 25000 слов и словосочетаний / Л. П. Крысин. – Москва : Рус. яз., 1998. – 846 с. – ISBN 5-200-02517-6.

88. Крысько, В. Г. Секреты психологической войны : (Цели, задачи, методы, формы, опыт) / В. Крысько ; под общ. ред. А. Е. Тараса. – Минск : Харвест, 1999. – 446 с. – ISBN 985-433-541-0.

89. Кубышкин, А.И. Публичная дипломатия США: учебное пособие для вузов / А. И. Кубышкин, Н. А. Цветкова. – Москва : Аспект Пресс, 2013. – 271 с. – ISBN 978-5-7567-0691-8.

90. Кузнецов, Н. М. Публичная дипломатия США: между радикальной революцией и кризисной стагнацией / Н. М. Кузнецов. – DOI 10.24866/1813-3274/2022-1/144-158 // *Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. – 2022. – Т. 24, № 1. – С. 144-158.

91. Лайнбарджер, П. Психологическая война / П. Лайнбарджер. – Москва : Воениздат, 1962. – 350 с.

92. Лапкин, В.В. «Человек политический» перед вызовами «infomodernity» / В.В. Лапкин, И.С. Семенов // *Полис. Политические исследования*. – 2013. – № 6. – С. 64-81.

93. Лебедева, М.М. Концептуальные перевоплощения публичной дипломатии / М. М. Лебедева. – DOI 10.24833/2071-8160-2020-5-74-293-306 // Вестник МГИМО Университета. – 2020. – № 13 (5). – С. 293-306.
94. Лебедева, М. М. "Мягкая сила" России в развитии интеграционных процессов на Евразийском пространстве / М. М. Лебедева, М. В. Харкевич // Вестник МГИМО Университета. – 2014. – № 2 (35). – С. 10-13
95. Лебедева, М. М. Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов / М. М. Лебедева. – DOI 10.17994/IT.2015.13.4.43.3 // Международные процессы. – 2015. – Т. 13, № 4 (43). – С. 45-56.
96. Лебедева, О. В. Современные инструменты "цифровой дипломатии" как важнейший элемент "мягкой силы" / О. В. Лебедева // Международная жизнь. – 2019. – № 5. – С. 102-111.
97. Лебедева, О. В. Современные методы и практики дипломатии : учебное пособие для студентов вузов / О. В. Лебедева. – Москва : Аспект Пресс, 2021. – 237 с. – ISBN 978-5-7567-1118-9.
98. Лекен, Е. В. "Вы тоже можете быть такими, как мы": образ американизированной Европы в фильмах плана Маршалла / Е. В. Лекен // Вестник РГГУ. Серия Политология. История. Международные отношения. – 2017. – №. 4/1. – С. 29-46.
99. Лосев, С. "Публичная дипломатия" – доктрина международного разбоя / С. Лосев // Международная жизнь. – 1983. – № 4. – С. 78-87.
100. Мальков, В. Л. Россия и США в XX веке / В. Л. Мальков. – Москва : Наука, 2009. – 496 с. – ISBN 978-5-02-036742-5.
101. Малкин, Е. Б. Политические технологии / Е. Б. Малкин, Е. Б. Сучков. – Москва: Русская панорама, 2006. – 680 с.
102. Мангейм, Д. Б. Политология. Методы исследования : Пер. с англ. / Д. Б. Мангейм, Р. К. Рич ; [Вступ. ст. А. К. Соколова]. – Москва : Весь мир, 1997. – 542 с.
103. Манжулина, О. А. Публичная дипломатия США: специальность 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений и глобального

развития»: диссертация на соискание степени кандидата политических наук / Манжулина Ольга Александровна. – Санкт-Петербург, 2005. – 203 с.

104. Мартыненко, Е. В. Народная (общественная) дипломатия в контексте современного межгосударственного общения / Е. В. Мартыненко, В. В. Матвиенко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2012. – № 1. – С. 57-60.

105. Марчуков, А. Н. «Публичная дипломатия 2. 0» как инструмент внешнеполитической деятельности / А. Н. Марчуков. – DOI 10.15688/jvolsu4.2014.4.10. – Текст : электронный // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2014. – № 4. – С. 104-113. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publichnaya-diplomatiya-2-0-kak-instrument-vneshnepoliticheskoy-deyatelnosti>

106. Мехдиев, Э. Т. Понятие "Мягкой силы" как инструмента глобальных политических технологий / Э. Т. Мехдиев, И. А. Гулиев // *Juvenis scientia*. – 2016. – № 3. – С. 49-52.

107. Мухаметов, Р. С. Специфика общественной дипломатии как инструмента внешней политики государства / Р. С. Мухаметова. – Текст : электронный // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. – 2014. – № 2 (128). – С. 84-90. – URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/25264/1/iuro-2014-128-10.pdf>

108. Никитин, А. И. Современный миропорядок, его кризис и перспективы / А. И. Никитин // *Полис. Политические исследования*. – 2018. – № 6. – С. 32-47.

109. Общественное сознание и внешняя политика США / [Баталов Э.Я., Грушин Б.А., Замошкин Ю.А., Лукин В.П., Мельвиль А.Ю.]; отв. ред. Ю.А. Замошкин. – Москва : Наука, 1987. 280 с.

110. Ольшанский, Д. В. Психология масс / Д. В. Ольшанский. – Санкт-Петербург : Питер, 2002. – 368 с. – ISBN 5-318-00038-X.

111. От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Ф. Г. Войтоловский, П. А. Гудев, Э. Г. Соловьев [и др.]. – Москва : Научно-

образовательный форум по международным отношениям, 2005. – 204 с. – (Региональная библиотека международника). – ISBN 5-901981-14-6.

112. Пантин, В. И. Трансформации политических пространств в условиях перехода к полицентричному миропорядку / В. И. Пантин, В. В. Лапкин. – DOI 10.17976/jpps/2018.06.04 // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 6. – С. 47-66.

113. Паршин, П. Б. Два понимания "мягкой силы": предпосылки, корреляты и следствия / П. Б. Паршин. – DOI 10.24833/2071-8160-2014-2-35-14-21 // Вестник МГИМО Университета. – 2014. – № 2 (35). – С. 14-21.

114. Паршин, П. Б. Проблематика "мягкой силы" во внешней политике России: аналитический доклад / П. Б. Паршин. – Москва : МГИМО (У) МИД России, 2013. – 40 с. – Текст : электронный. – URL: http://www.perspektivy.info/book/problematika_magkoj_sily_vo_vneshnej_politike_rossii_2014-03-03.htm

115. Паршина, Е. В. Роль и место публичной дипломатии в формировании имиджа государства (Политологический анализ на опыте США и СССР/РФ) : специальность 23.00.04 "Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития" : диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Паршина Евгения Владимировна. – Москва, 2006. – 150 с.

116. Парыгин, Б. Д. Основы социально-психологической теории / Б. Д. Парыгин. – Москва : Мысль, 1971. – 352 с.

117. Печатнов, В. О. История внешней политики США / В. О. Печатнов, А. С. Манькин. – Москва : Международные отношения, 2012. – 672 с. – ISBN 978-5-7133-1414-9.

118. Плеханов, Г. В. Сочинения / Г. В. Плеханов ; предисл. Д. Рязанова ; под ред. Д. Рязанова. – 3-е изд. – Москва : Государственное издательство, 1925-1927. – Т. 3: [На русские темы. 1888–1892]. – 430 с.

119. Подберезкин, А. И. Публичная дипломатия в силовом противостоянии цивилизаций / А. И. Подберезкин, А. В. Жуков // Вестник МГИМО Университета. – 2015. – Т. 6, № 45. – С. 106-116.;
120. Политические институты, процессы и технологии: теория и кейсы : учебник / Ж. Ю. Данкова, В. О. Евсеев, О. Н. Забузов [и др.] ; под ред. С. А. Мелькова. – Москва : КноРус, 2021. – 564 с. – (Аспирантура). – ISBN 978-5-406-07033-8.
121. Политологический словарь / [В. Ф. Халипов и др.] ; под ред. В. Ф. Халипова. – Москва : Высшая школа, 1995. – 191 с. – ISBN 5-06-003301-5.
122. Политология : учебник для студентов вузов / В. Н. Лавриненко, А. С. Гречин, В. Ю. Дорошенко [и др.] ; под ред. В. Н. Лавриненко. – Москва : ЮНИТИ, 1999. – 367 с. – ISBN 5-238-00080-4.
123. Политология в вопросах и ответах : учебное пособие / [А. В. Лубский и др.] ; под ред. Ю. Г. Волкова. – Москва : Гардарики, 2001. – 471 с. – ISBN 5-8297-0031-X.
124. Политология: политическая теория. Политические технологии : учебник для студентов высших учебных заведений / А. И. Соловьев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Аспект Пресс, 2010. – 574 с.
125. Пономарева, Е. Г. Вывихнутый век. Кто его вправит? Хаос, конфронтация, интеграция / Е. Г. Пономарева. – Москва : Книжный мир, 2016. – 352 с.
126. Попова, О.В. Образ «Другого» / О.В. Попова // В кн.: Политическая идентичность и политика идентичности: в 2-х тт. Том 1. Словарь терминов и понятий / отв. ред. И.С. Семененко. – Москва: РОССПЭН (Российская политическая энциклопедия), 2011. С. 190-193. ISBN 978-5-8243-1639-1.
127. Поршнев, Б. Ф. Социальная психология и история / Б. Ф. Поршнев. – Москва : Наука, 1979. – 232 с.
128. Потемкин, В. П. История дипломатии / В. П. Потемкин. – Москва : Директ-Медиа, 2015. – Т. 1. С древнейших времен до нового времени. – 543 с. – ISBN 978-5-4475-3518-6.

129. Почепцов, Г. Г. Информационно-психологическая война / Г. Г. Почепцов. – Москва : СИНТЕГ, 2000. – 179 с. – ISBN 5-89638-028-3.

130. Просолова, Е. В. Кинопропаганда в системе государственного аппарата США на начальном этапе холодной войны / Е. В. Просолова. – DOI 10.15393/uchz.art.2021.687. – Текст : электронный // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2021. – № 8. – С. 8-14. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kinopropaganda-v-sisteme-gosudarstvennogo-apparata-ssha-na-nachalnom-etape-holodnoy-voyny>

131. Прохоренко, И. Л. Новая стратегия Европейского союза в Центральной Азии: возможности и пределы “мягкой силы” / И. Л. Прохоренко. – DOI 10.20542/afij-2019-4-68-80 // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2019. – № 4. – С. 68-80.

132. Прохоренко, И.Л. Пространственный подход в исследовании международных отношений / И.Л. Прохоренко. – М.: ИМЭМО РАН, 2015. – 111 с. ISBN 978-5-9535-0431-7.

133. Публичная дипломатия : теория и практика / [Е. А. Антюхова, Б. Х. Бахриев, К. П. Боришполец и др.] ; под ред. М. М. Лебедевой. – Москва : Аспект Пресс, 2017. – 269 с. – ISBN 978-5-7567-0931-5.

134. Рогов, С. М. 11 сентября 2001 г.: реакция США и последствия для российско-американских отношений / С. М. Рогов. – Москва : Институт США и Канады РАН, 2001. – 76 с. – ISBN 5-89587-050-3.

135. Русакова, О. Ф. "Мягкая сила" как инструмент политической коммуникации и гуманитарной дипломатии / О. Ф. Русакова, В. М. Русаков // Дискурс-Пи. – 2017. – № 1 (26). – С. 61-72.

136. Русакова, О. Ф. Исследования мягкой силы в российской политической науке: анализ проблемно-тематических полей / О. Ф. Русакова, Д. М. Ковба. – DOI 10.17506/dipi.2019.34.1.3750 // Дискурс-Пи. – 2019. – № 1 (34). – С. 37-50.

137. Рустамова, Л. Р. "Мягкая сила" во внешней политике современной Германии : специальность 23.00.04 "Политические проблемы международных

отношений, глобального и регионального развития" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук / Рустамова Лейли Рустамовна. – Москва, 2017. – 22 с.

138. Рустамова, Л. Р. Механизм действия и пределы использования концепции "мягкая сила" / Л. Р. Рустамова. – DOI 10.24866/1998-6785/2018-1/145-154 // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2018. – № 1 (44). – С. 145-154.

139. Самое главное в PR / У. Аги [и др.] ; [пер. с англ. В. Елизаров, Н. Качанова]. – Москва : Издательский дом «Питер», 2004. – 558 с. – ISBN 5-94723-170-0 : 4500.

140. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка : Материалы для лексической разработки заимствованных слов в рус. лит. речи : С портр. и краткой биограф. А.Н. Чудинова / Сост. под ред. А. Н. Чудинова. – 3-е изд., тщательно испр. и знач. доп. (более 5000 новых слов) преимущественно соц.-полит. терминами, вошедшими в жизнь в последние годы. – Санкт-Петербург : В. И. Губинский, [1910]. – 676 с.

141. Смирнов, Н. А. Роль публичной дипломатии в современных политических процессах: специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии»: диссертация на соискание степени кандидата политических наук / Смирнов Никита Александрович. – Москва, 2017. – 167 с.

142. Современные внешне-политические концепции США / [Г. А. Трофименко, А. А. Кокошин, В. В. Шимановский и др.] ; отв. ред. Г. А. Трофименко. – Москва : Наука, 1979. – 381 с.

143. Согрин, В. В. США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя / В. В. Согрин. – Москва : Весь Мир, 2015. – 592 с. – ISBN 978-5-7777-0591-4.

144. Соковнин, В. М. О природе человеческого общения : (Опыт философского анализа) / В. М. Соковкин. – [Фрунзе] : Мектеп, 1973. – 116 с.

145. Стрежнева, М.В. Структурирование политического пространства в Европейском союзе. (Многоуровневое управление) / М.В. Стрежнева // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – № 12. – С. 38-49.

146. Сухов А. Н. Социальная психология : учебное пособие для студентов вузов / А. Н. Сухов, М. Г. Гераськина ; под ред. А. Н. Сухова. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 367 с. – ISBN 978-5-238-02881-1.

147. США и Европа. Перспективы взаимоотношений на рубеже веков : монография / А. И. Уткин, О. В. Приходько, П. Е. Смирнов [и др.]. – Москва : Наука, 2000. – 190 с. – ISBN 5-02-008365-8.

148. Тацит, К. Сочинения в двух томах / К. Тацит. – Москва : научно-издательский центр «Ладомир», 1993. – Т. 1. Анналы. Малые произведения. – С. 21. – Текст : электронный. – URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1346763637>

149. Теленьга, М. П. Публичная дипломатия США и безопасность суверенного государства (на примере "революции роз" в Грузии 2003 года) / М. П. Теленьга. – DOI 10.17748/2075-9908-2016-8-3/2-85-89 // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8, № 3-2. – С. 85-89.

150. Теленьга, М. П. Эволюция системы информационного сопровождения внешней политики США: 1946-1999 гг. : специальность 07.00.03 «Всеобщая история (соответствующего периода)» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Теленьга Марина Павловна. – Краснодар, 2017. – 209 с.

151. Технологии политической деятельности: опыт, проблемы, приоритеты : монография / Г. И. Авцинова, М. Г. Анохин, В. П. Беляева [и др.]. – Москва : Российский государственный социальный университет, 2011. – 176 с. – ISBN 978-5-8429-0896-7.

152. Транснациональные политические пространства: явление и практика / отв. ред. М.С. Стрежнева. – Москва: Весь Мир, 2011. – 376 с. ISBN 978-5-7777-0523-5.

153. Трофименко, Г. А. США: политика, война, идеология / Г. А. Трофименко. – Москва : Мысль, 1976. – 358 с.

154. Филимонов, Г. Ю. "Мягкая сила" культурной дипломатии США : монография / Г. Ю. Филимонов. – Москва : РУДН, 2010. – 212 с. – ISBN 978-5-209-03493-3.

155. Филимонов, Г. Ю. Культурно-информационные механизмы внешней политики США : Cultural and information mechanisms of U. S. foreign policy : истоки и новая реальность / Г. Ю. Филимонов. – Москва : Российский университет дружбы народов, 2012. – 405 с. – ISBN 978-5-209-04923-4.

156. Филимонов, Г. Ю. Роль "мягкой силы" во внешней политике США : специальность 23.00.04 "Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития" : диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук / Филимонов Георгий Юрьевич. – Москва, 2013. – 422 с.

157. Философский энциклопедический словарь / [Л. Ф. Ильичев и др.] ; гл. ред. Л.Ф. Ильичев. – Москва: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

158. Халилов, В. М. Общественно-политическая роль кинематографа США во второй половине XX века : специальность 07.00.03 «Всеобщая история (соответствующего периода)» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Халилов Владимир Мадаминович. – Москва, 2002. – 253 с.

159. Халилов, В. М. Современное американское кино и неолиберальная идеология / В. М. Халилов. – DOI 10.31857/S032120680003769-9 // США & Канада: экономика, политика, культура. – 2019. – № 2. – С. 112-127.

160. Харитонова, Е. М. "Мягкая сила" бывших империй: сравнительный опыт Великобритании и Испании / Е. М. Харитонова, И. Л. Прохоренко. – DOI 10.20542/0131-2227-2018-62-3-39-49 // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62, № 3. – С. 39-49.

161. Харитонова, Е. М. "Мягкая сила" Великобритании / Е. М. Харитонова. – Москва : ИМЭМО, 2018. – 139 с. – ISBN 978-5-9535-0542-0.

162. Харитонова, Е. М. Эффективность "мягкой силы": проблема оценки / Е. М. Харитонова // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 6. – С. 48-58.

163. Харичкин, И. К. О понятии "политические технологии" / И. К. Харичкин // Вестник университета. – 2013. – № 8. – С. 75-78.

164. Харкевич, М. В. "Мягкая сила": политическое использование научной концепции / М. В. Харкевич. – DOI 10.24833/2071-8160-2014-2-35-22-29 // Вестник МГИМО Университета. – 2014. – № 2 (35). – С. 22-29.

165. Цветкова, Н. А. Cultural imperialism: международная образовательная политика США в годы холодной войны / Н. А. Цветкова. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. – 195 с. – ISBN 978-5-288-04213-3.

166. Цветкова, Н. А. Информационное сдерживание России: новые перспективы в публичной дипломатии США / Н. А. Цветкова // Труды кафедры американских исследований : сборник статей Памяти Нины Владимировны Бахаревой. – Санкт-Петербург : Скифия-принт, 2019. – С. 136-142.

167. Цветкова, Н. А. Оценка эффективности международной образовательной политики СССР и США в годы холодной войны / Н. А. Цветкова // 200 лет российско-американским отношениям: наука и образование ; под ред. А. Чубарьяна и Б. Рубла. – Москва, 2007. – С. 378-394.

168. Цветкова, Н. А. Преемственность и новые направления публичной дипломатии Д. Трампа (2017–2018) / Н. А. Цветкова, И. В. Федорова // Россия и Америка в современном глобальном мире : сборник докладов XXVII Российско-американского семинара в СПбГУ ; под ред. Б. А. Ширяева, Н. А. Цветковой, К. В. Минковой, Ю. К. Богуславской. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2020. – С. 198-205.

169. Цветкова, Н. А. Программы Web 2.0 в публичной дипломатии США / Н. А. Цветкова // США и Канада: экономика, политика, идеология. – 2011. – № 3. – С. 109-122.

170. Цветкова, Н. А. Публичная дипломатия как инструмент идеологической и политической экспансии США в мире, 1914-2014 гг. : специальность 07.00.15 «История международных отношений и внешней политики» : диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Цветкова Наталья Александровна. – Санкт-Петербург, 2015. – 552 с.

171. Цветкова, Н. А. Публичная дипломатия США / Н. А. Цветкова. – DOI 10.17994/T.2015.13.2.42.8 // Международные процессы. – 2015. – Т. 13, № 3 (42). – С. 121-133.

172. Цветкова, Н. А. Публичная дипломатия США: Теории и концепции / Н. А. Цветкова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 4-1 (54). – С. 186-189.

173. Цветкова, Н. А. Цифровизация публичной дипломатии США / Н. А. Цветкова // Актуальные проблемы мировой политики. Вып. 10 ; под ред. Т. С. Немчиновой. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2020. – С. 432-443.

174. Цветкова, Н.А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения. / Н. А. Цветкова // Вестник РГГУ. Серия “Политология. История. Международные отношения.”. – 2020. – №2. – С. 37-47.

175. Шабров, О. Ф. Политические технологии / О. Ф. Шабров // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 4. – С. 328-330.

176. Шаклеина, Т. А. Россия и США в новом мировом порядке = Russia and the United States in New World Order : Дискуссии в полит.-акад. сообществах России и США (1991-2002) / Т. А. Шаклеина. – Москва, 2002 (Калуга : ГУП Облиздат). – 442 с. – ISBN 5-901-981-05-7

177. Шаклеина, Т. А. США в международных отношениях / Т. А. Шаклеина, В. О. Печатнов // Современные международные отношения ; под ред. А. В. Мальгина, А. В. Торкунова. – Москва : АСПЕКТ ПРЕСС, 2012. – С. 309-335.

178. Шейдина И.Л. Невоенные факторы силы во внешней политике США / И. Л. Шейдина. – Москва : Наука, 1984. – 351 с.

2) Монографии и статьи на иностранных языках

179. Adelman, K. L. Speaking of America: Public diplomacy in our time / K. L. Adelman. – Текст : электронный // Foreign Affairs. – 1981. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1981-03-01/speaking-america-public-diplomacy-our-time>

180. Alexandre, L. In the service of the state: public diplomacy, government media and Ronald Reagan / L. Alexandre. – Текст : электронный // Media, Culture, and Society. – 1987. – Vol. 9, No. 1. – P. 29-46. – URL: <https://doi.org/10.1177%2F016344387009001003>

181. Alford, M. National Security Cinema: The Shocking New Evidence of Government Control in Hollywood / M. Alford, T. Secker. – CreateSpace Independent Publishing Platform. – 2017. – 264 p.

182. Alford, M. Reel Power: Hollywood Cinema and American Supremacy / M. Alford. – Pluto Press, 2010. – 232 p. – ISBN 978-0-7453-2982-6.

183. Allen. R. Peace or Peaceful Coexistence ? / R. Allen. – Chicago, 1966. – 233 p.

184. Anholt, S. Competitive Identity: A new model for the brand management of nations, cities and regions / S. Anholt // Policy and Practice: A Development Education Review. – 2007. – No. 4. – P. 3-13.

185. Anholt, S. Places: Identity, Image and Reputation / S. Anholt. – London : Palgrave Macmillan, 2010. – 168 p.

186. Armstrong, M. Operationalizing Public Diplomacy / M. Armstrong // In: Routledge Handbook of Public Diplomacy / eds. by N. Snow, N. J. Cull. – New York, NY : Routledge, 2020. – P. 82-95.

187. Armstrong, M. The Incompleteness of the Fulbright Paradox / M. Armstrong. – Текст : электронный // MountainRunner.us. – 2021. – URL: <https://mountainrunner.us/2021/06/the-incompleteness-of-the-fulbright-paradox/>

188. Armstrong, M. The Politics of Information Warfare in the US / M. Armstrong // In: Hybrid Conflicts and Information Warfare: New Labels, Old Politics / eds. by O. Fridman, V. Kabernik, J. C. Pearce. – Boulder, Colorado : Lynne Rienner Publishers, 2018. – P. 107-128.

189. Arndt, R. T. The First Resort of Kings: American Cultural Diplomacy in the Twentieth Century / R. T. Arndt. – Potomac Books, 2007. – 608 p.

190. Artamonova, U. Z. "Popcorn Diplomacy": American Blockbusters and World Order / U. Z. Artamonova. – DOI 10.31278/1810-6374-2022-20-2-105-128. // *Russia in Global Affairs*. – 2022. – Vol. 20. – No 2(78). – P. 105-128.
191. Atkinson, C. Global networks, soft power and the US military / C. Atkinson // In: *Global Exchanges. Scholarships and Transnational Circulations in the Modern World* / eds. L. Tournès, G. Scott-Smith. – New York- Oxford, Berghahn, 2018. – P. 262-275.
192. Baker, J. A. *The Politics of Diplomacy: Revolution, War and Peace, 1989–1992* / J. A. Baker, T. M. DeFrank. – New York, 1995. – Pp. 520-521.
193. Barrett, E. W. *Truth Is Our Weapon* / E. W. Barrett. – New York : Funk and Wagnalls, 1953. – 355 p.
194. Bayles, M. *Through a Screen Darkly: Popular Culture, Public Diplomacy, and America's Image Abroad* / M. Bayles. – Yale University Press, 2014. – 336 p.
195. Borzakian, M. Le monde après la Guerre froide selon James Bond et Mission impossible. Postmodernité et post-politique. *L'Espace Politique* / M. Borzakian, N. Rouiaï. – DOI 10.4000/espacepolitique.9004. – Текст : электронный // *Online journal of political geography and geopolitics*. – 2021. – Vol. 42, No. 3. – URL: <https://journals.openedition.org/espacepolitique/9004>
196. Brooks, X. That's Militainment / X. Brooks. – Текст : электронный // *Guardian*. – 22 May, 2002. – URL: <https://www.theguardian.com/film/2002/may/22/artsfeatures.afghanistan>
197. Brown, J. *The Anti-Propaganda Tradition in the United States* / J. Brown. – Текст : электронный // *Bulletin Board for Peace*. – June 29, 2003. – URL: <http://www.publicdiplomacy.org/19.htm>
198. Bullock, A. *The New Fontana Dictionary of Modern* / A. Bullock, S. Trombley. – Thought third edition. – HarperCollins, 2000. – 960 p. (P. 387-388).
199. Burnham, J. *The War We Are In: The Last Decade and the Next* / J. Burnham. – New Rochelle, NY : Arlington House, 1967. – 351 p.
200. *Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus*. – Cambridge University Press, 2008. – 1799 p. – ISBN 3125179882, 9783125179882.

201. Clark, M. C. Context and Rationality in Mezirow's Theory of Transformational Learning / M. C. Clark, A. L. Wilson // *Adult Education*. – 1991. – No. 41. – P. 75-91.

202. Corke, S.-J. George Kennan and the Inauguration of Political Warfare / S.-J. Corke // *Journal of Conflict Studies*. – 2006. – Vol. 26, No. 1. – P. 101-120.

203. Cowan, G. Moving from Monologue to Dialogue to Collaboration: The Three Layers of Public Diplomacy / G. Cowan, A. H. Arsenault // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. – 2008. – Vol. 616, No. 1. – P. 10-30.

204. Creel, G. How we advertised America; the first telling of the amazing story of the Committee on public information that carried the gospel of Americanism to every corner of the globe / G. Creel. – New York, and London : Harper & brothers, 1920. – 526 p. (P. 276-277, 281).

205. Crewdson, J. Worldwide Propaganda Network Built by the C.I.A / J. Crewdson. – Текст : электронный // *New York Times*. – URL: <https://www.nytimes.com/1977/12/26/archives/worldwide-propaganda-network-built-by-the-cia-a-worldwide-network.html>

206. Cull, N. "Public Diplomacy" Before Gullion: The Evolution of a Phrase / N. Cull. – Текст : электронный // *USC Public Diplomacy*. – 2006. – URL: <http://uscpublicdiplomacy.org/blog/public-diplomacy-gullion-evolution-phrase>

207. Cull, N. J. Propaganda and mass persuasion: A historical encyclopedia, 1500 to the present / N. J. Cull, D. H. Culbert, D. Welch. – Santa Barbara, Calif : ABC-CLIO, 2003. – 504 p.

208. Cull, N. J. Public diplomacy: Foundations for global engagement in the digital age / N. J. Cull. – Cambridge, UK : Polity Pres, 2019. – 272 p. – ISBN-10: 0745691196, ISBN-13: 978-0745691190.

209. Cull, N. J. Public Diplomacy: Lessons from the Past / N. J. Cull. – Los Angeles, CA, 2009. – 61 p.

210. Cull, N. J. *Public Diplomacy: Taxonomies and Histories* / N. J. Cull. – DOI 10.1177/0002716207311952 // *Annals of The American Academy of Political and Social.* – 2008. – Vol. 616, No. 1. – P. 31-54.

211. Cull, N. J. *The Cold War and the United States Information Agency: American Propaganda and Public Diplomacy, 1945–1989* / N. J. Cull. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 530 p.

212. Cull, N. J. *The decline and fall of the United States Information Agency : American public diplomacy, 1989-2001* / N. J. Cull. – New York : Palgrave Macmillan, 2012. – 257 c. – ISBN 9780230340725.

213. Cull, N. J. *The long road to public diplomacy 2.0: The Internet in US public diplomacy* / N. J. Cull // *International Studies Review.* – 2013. – Vol. 15, No. 1. – P. 123-139.

214. Cull, N. J. *The Tightrope to Tomorrow: Reputational Security, Collective Vision and the Future of Public Diplomacy* / N. J. Cull // *The Hague Journal of Diplomacy.* – 2019. – Vol. 14, No. 1-2. – P. 21-35.

215. *Culture Abroad, 1942–1947* // In: *Here, There and Everywhere : The Foreign Politics of American Popular Culture* / eds. R. Wagnleitner, E. T. May. – 1st edition. – University Press of New England, 2000. – 368 p. (P. 83-100).

216. Daugherty, W. E. *A Psychological Warfare Casebook* / W. E. Daugherty, M. Janowitz. – Baltimore : The Johns Hopkins Press, 1958. – 881 p.

217. Dittmer, J. *Popular Culture, Geopolitics, and Identity* / J. Dittmer. – New York : Rowman & Littlefield Publishers, 2010. – 204 p.

218. Dizard, W. P. Jr. *Inventing Public Diplomacy: The story of the US Information Agency* / W. P. Jr. Dizard. – Lynne Rienner Publishers, 2004. – 250 p.

219. Edgley, A. *Noam Chomsky* / A. Edgley. – London : Palgrave Macmillan, 2016. – 196 p. – DOI 10.1007/978-1-137-32021-6.

220. Eldridge, D. N. *Dear Owen: The CIA, Luigi Luraschi and Hollywood, 1953* / D. N. Eldridge. – DOI 10.1080/713669714 // *Historical Journal of Film, Radio and Television.* – 2000. – Vol. 20, No. 2. –P. 149-196.

221. Espinosa, J. M. *Inter-American Beginnings of U.S. Cultural Diplomacy, 1936-1948* / J. M. Espinosa // *Cultural Relations Programs of the U.S. Department of State: Historical Studies*. – 1976. – No. 2. – 360 p.

222. Fattor, E. M. *American Empire and the Arsenal of Entertainment: Soft Power and Cultural Weaponization* / E. M. Fattor. – London : Palgrave Macmillan, 2014. – 241 p.

223. Fisher, A. *Collaborative Public Diplomacy (Global Public Diplomacy)* / A. Fisher. – Palgrave, 2013. – 256 p.

224. Fisher, G. *Public Diplomacy and the Behavioral Sciences* / G. Fisher. – Bloomington, IN : Indiana University Press, 1972. – 201 p.

225. Fox, E. *Latin American Broadcasting: From Tango to Telenova* / E. Fox. – University of Luton Press, 1997. – 152 p. (P. 19-24).

226. Fu, W. W. *Explaining Global Box-Office Tastes in Hollywood Films: Homogenization of National Audiences Movie Selections* / W. W. Fu, A. Govindaraju. – DOI 10.1177/0093650209356396 // *Communication Research*. – 2010. – Vol. 37, No. 2. – P. 215-238.

227. Fukuyama, F. *The End of History?* / F. Fukuyama. – Текст : электронный // *The National Interest*. – 1989. – No. 16. – P. 3-18. – URL: <https://nghiencuuquocte.org/wp-content/uploads/2013/07/the-end-of-history-f-fukuyama.pdf>

228. Gienow-Hecht, J. *Nation Branding*. / J. Gienow-Hecht. – DOI 10.1017/CBO9781107286207.015 // In: *Explaining the History of American Foreign Relations* / eds. F. Costigliola, M. Hogan. – Cambridge : Cambridge University Press, 2016. – P. 232-244.

229. Gienow-Hecht, J. *Shame on US? Academics, Cultural Transfer, and the Cold War – A Critical Review* / J. Gienow-Hecht // *Diplomatic History*. – 2000. – Vol. 24, No. 3. – P. 465-494.

230. Gilboa, E. *Searching for a Theory of Public Diplomacy* / E. Gilboa // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. – 2008. – Vol. 616, No. 1. – P. 55-77.

231. Giroux, H. Utopian thinking in dangerous times: Critical pedagogy and the project of educated hope / H. Giroux // Utopian pedagogy: Radical experiments against neoliberal globalization : book. – University of Toronto Press, 2007. – P. 25-42.

232. Gregory, B. The Cold War and the United States Information Agency: American Propaganda and Public Diplomacy, 1945–1989 / B. Gregory, N. J. Cull // Naval War College Review. – 2009. – Vol. 6, No. 2. – Article 14.

233. Guth, D. W. Black, White, and Shades of Gray: The Sixty Year Debate Over Propaganda versus Public Diplomacy / D. W. Guth // Journal of Promotional Management. – 2009. – Vol. 14. – P. 309-325.

234. Haas, R. N. The Age of Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance / R. N. Haas // Foreign Affairs. – 2008. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2008-05-03/age-nonpolarity>

235. Hale, T. How Much Data Does the World Generate Every Minute? / T. Hale. – Текст : электронный // IFL Science. – 2017. – URL: <https://www.iflscience.com/how-much-data-does-the-world-generate-every-minute-42939>

236. Ham, P. War, Lies, and Videotape: Public Diplomacy and the USA's War on Terrorism / P. Ham. – DOI 10.1177/0967010603344004 // Security Dialogue. – 2003. – No. 34. – P. 427-444.

237. Ham, van P. The Rise of the Brand State: The Postmodern Politics of Image and Reputation / P. van Ham // Foreign Affairs. – 2001. – Vol. 80, No. 5. – P. 2-6.

238. Hardt, J. P. The Cold War Economic Gap / J. P. Hardt. – New York : Praeger, 1962. – 114 p.

239. Hart, E. The New Exchanges: Challenges and Opportunity for U.S. Public Diplomacy in the Middle East / E. Hart. – Текст : электронный // Public Diplomacy Council website. – 23 April, 2008. – URL: <http://publicdiplomacycouncil.org/tufts-papers>

240. Hayden, C. The rhetoric of soft power: Public diplomacy in global contexts / C. Hayden. – Lanham, MD: Lexington, 2012. – 300 p.

241. Hegemony in international society / I. Clark [et al.]. – Oxford University Press, 2011. – 277 p.

242. Hinshaw, D. Hungary Bucks U.S. Push to Curb Russian and Chinese Influence / D. Hinshaw, A. Komuves. – Текст : электронный // The Wall Street Journal. – Jan. 27, 2019. – URL: <https://www.wsj.com/articles/hungary-bucks-u-s-push-to-curb-russian-and-chinese-influence-11548626080>

243. Hocking, B. Rethinking the 'New' Public Diplomacy / B. Hocking. – DOI 10.1057/9780230554931_2 // In: The New Public Diplomacy. Studies in Diplomacy and International Relations / eds. J. Melissen. – London : Palgrave Macmillan, 2005. – P. 28-43.

244. Hoyt, R. E. 1984 Named as Movie USIA Aided / R. E. Hoyt. – Текст : электронный // Washington Post. – 6 July, 1957. – URL: https://archive.org/details/per_washington-post_1953-11-19_28280/page/n13/mode/2up?q=lippman&view=theater

245. Hyman, S. The Lives of William Benton / S. Hyman. – Chicago : University of Chicago Press, 1969. – 625 p.

246. Ikenberry, G. J. Institutions, Strategic Restraint, and the Persistence of American Postwar Order / G. J. Ikenberry. – DOI 10.1162/isec.23.3.43 // International Security. – 1998/1999. – Vol. 23, No. 3. – P. 43-78.

247. Ikenberry, G. J. Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order / G. J. Ikenberry. – Princeton, NJ : Princeton University Press, 2011. – 392 p.

248. Ioannou, L. Trump's message to Tsipras: US may boost investments in Greece, a key NATO ally / L. Ioannou. – Текст : электронный // CNBC. – 17 October, 2017. – URL: <https://www.cnbc.com/2017/10/17/trumps-message-to-tsipras-us-may-up-investment-in-nato-ally-greece.html>

249. Jenkins, T. Get smart: A look at the current relationship between Hollywood and the CIA / T. Jenkins // Historical Journal of Film, Radio and Television. – 2009. – Vol. 29, No. 2. – P. 232.

250. Jenkins, T. Intelligence Activity in Hollywood: Remembering the ‘Agency’ in CIA / T. Jenkins, M. Alford. – Текст : электронный // An Online Journal of Film and Television Studies. – 2012. – No. 23. – 19 p. – URL: www.nottingham.ac.uk/scope/documents/2012/june-2012/jenkins.pdf

251. Jenkins, T. Superheroes, Movies, and the State: How the U.S. Government Shapes Cinematic Universes / T. Jenkins, T. Secker. – University Press of Kansas, 2022. – 336 p.

252. Jenkins, T. The CIA in Hollywood: How the Agency Shapes Film and Television / T. Jenkins. – University of Texas Press, 2013. – 175 p.

253. Jervis, R. Perception and Misperception in International Politics: New Edition / R. Jervis. – Princeton: Princeton University Press, 2017. – 544.

254. Johnson, J. How Does Public Diplomacy Measure Up? / J. Johnson // Foreign Service Journal. – 2006. – Vol. 83, No. 10. – P. 44-52.

255. Johnson, L. R. The Fulbright Program and the philosophy and geography of US exchange programs since World War II / L. R. Johnson // In: Global Exchanges. Scholarships and Transnational Circulations in the Modern World / eds. L. Tournès, G. Scott-Smith. – New York : Oxford, Berghahn, 2018. – P. 173-187.

256. Johnson, W. The Fulbright Program: A History / W. Johnson, F. J. Colligan. – The University of Chicago Press, 1965. – 380 p.

257. Jones, W. M. A Survey and Analysis of American Public Diplomacy: 1942-2007 / W. M. Jones / University of Tennessee, Knoxville Trace: Tennessee Research and Creative Exchange, 2009. – 45 p. – Текст : электронный. – URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/268724704.pdf>

258. Jowett, G. S. Propaganda and Persuasion / G. S. Jowett, V. O’Donnell. – 4th edition. – Thousand Oaks, CA : Sage Publications, 2006. – 425 p.

259. Kelley, J. How do you spot a future world leader? / J. Kelley. – Текст : электронный // BBC news. – 29 March, 2011. – URL: <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:h8M-ByQ3RAcJ:https://www.bbc.com/news/magazine-12880901+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru>

260. Kennedy, P. *The Rise and Fall of the Great Powers* / P. Kennedy. – London : Unwin Hyman, 1988. – 677 p.

261. Kirkgoz, Y. *Exploring the Impact of the Fulbright Foreign Language Teaching Assistant Program on Grantees' Educational and Cultural Beliefs and Practices* / Y. Kirkgoz. – DOI 10.1007/978-3-319-43829-0_9 // In: *International Education Exchanges and Intercultural Understanding* / eds. J. Mathews-Aydinli. – Palgrave Macmillan, Cham, 2017. – P. 131-156.

262. Koppes, C. R. *What to Show the World: The Office of War Information and Hollywood, 1942-1945* / C. R. Koppes, G. D. Black. – DOI 10.2307/1888275 // *The Journal of American History*. – 1977. – Vol. 64, No. 1. – P. 87-105.

263. Kostoulas, V. *Serving up America's 'recipe' for economic success – State Dept.'s IVLP program sends 9 Greeks to US* / V. Kostoulas. – Текст : электронный // *Naftemporiki*. – 23 November, 2017. – URL: <https://www.naftemporiki.gr/printStory/1288174>

264. L'Etang, J. *Public Relations and Diplomacy in a Globalized World: An Issue of Public Communication* / J. L'Etang. – DOI 10.1177/0002764209347633 // *American Behavioral Scientist*. – 2009. – Vol. 53, No. 4. – P. 607-626.

265. Lasswell, H. *Propaganda Technique in the World War* / H. Lasswell. – New York : Knopf, 1927. – 233 p.

266. Lean, D. J. *Orwell Subverted: The CIA and the Filming of Animal Farm* / D. J. Lean. – The Pennsylvania State University Press, 2008. – 232 p.

267. Lee, K. *The Little State Department: Hollywood and the MPAA's Influence on U.S. Trade Relations* / K. Lee // *Northwestern Journal of International Law & Business*. – 2008. – Vol. 28, No. 2. – P. 371.

268. Leonard, M. *British Public Diplomacy in the 'age of Schisms* / M. Leonard, A. Small, M. Rose // *Foreign Policy Centre*. – 2005. – 53 p.

269. Lequesne, Ch. *La diplomatie publique : un objet nouveau ?* / Ch. Lequesne. – Текст : электронный // *Mondes*. – 2003. – Vol. 11. – P. 9-12. – URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/35305182.pdf>

270. Leung, R. The Image War / R. Leung. – Текст : электронный // CBS News. – 14 May, 2004. – URL: <https://www.cbsnews.com/news/the-image-war/>
271. Lippmann, W. The Phantom Public / W. Lippmann. – London, 1953. – 195 p.
272. Lippmann, W. Today and tomorrow: Talking about talking / W. Lippmann. – Текст : электронный // Washington Post. – 19 November, 1953. – URL: https://archive.org/details/per_washington-post_1953-11-19_28280/page/n13/mode/2up?q=lippman&view=theater
273. Lock, E. Soft Power and Strategy: Developing a ‘Strategic’ Concept of Power / E. Lock // Soft Power and US Foreign Policy Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives. – London : Routledge, 2010. – P. 32-50.
274. Malone, G. D. American diplomacy in the information age / G. D. Malone. – Lanham : University Press of America ; Washington, D.C. : Dacor Bacon House Foundation, 1991. – 149 p.
275. Malone, G. D. Managing public diplomacy / G. D. Malone // Washington Quarterly. – 1985. – Vol. 8, No. 3. – P. 199-213.
276. Malone, G. D. Political Advocacy and Cultural Communication: Organizing the Nation’s Public. Diplomacy / G. D. Malone. – Lanham : University Press of America, 1988. – 162 p.
277. Manheim, J. B. Strategic Public Diplomacy and American Foreign Policy: the Evolution of Influence / J. B. Manheim. – Oxford: Oxford University Press, 1994. – 224 p.
278. Mayring, P. Qualitative Inhaltsanalyse / P. Mayring // In: Konzepte, Methoden, Werkzeuge / eds. A. Boehm, A. Mengel, T. Muhr. – Konstanz : UVK Univ.-Verl. Konstanz, 1994. – P. 159-175. – Текст : электронный. – URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-14565>
279. Melissen, J. The new public diplomacy: soft power in international relations / J. Melissen. – Basingstoke : PalgraveMacmillan, 2005. – 240 p.
280. Mickelson, S. America's Other Voice: the Story of Radio Free Europe and Radio Liberty / S. Mickelson. – New York, NY : Praeger Publishers, 1983. – 269 p.

281. Ming, S. W. Is There No Business Like Show Business? Free Trade and Cultural Protectionism / S. W. Ming // *Yale Journal of International Law* 20. – 1995. – P. 105, 128.

282. Mitchell, J. M. *International Cultural Relations* / J. M. Mitchell. – Routledge, 2015. – 270 p.

283. Mock, J. R. The Creel Committee in Latin America / J. R. Mock // *Hispanic American Historical Review*. – 1942. – Vol. 22. – P. 262-279, 266-267, 269-270, 272-274.

284. Mock, J. R. *Words that won the war; the story of the Committee on Public Information, 1917-1919* / J. R. Mock, C. – Larson Princeton, Princeton University Press, 1939. – 327 p. (P. 136-153).

285. Moore, K. Does Netflix Have Too Much Foreign Content? / K Moore. – Текст : электронный // *What's on Netflix*. – 5 August, 2020. – URL: <https://www.whats-on-netflix.com/news/does-netflix-have-too-much-foreign-content/>

286. Nilsen, S. *Projecting America, 1958: Film and Cultural Diplomacy at the Brussels World's Fair* / S. Nilsen. – McFarland, 2011. – 210 p.

287. Ninkovich, F. *The diplomacy of ideas: US foreign policy and cultural relations, 1938-1950* / F. Ninkovich. – Cambridge : Cambridge University Press, 1981. – 264 p.

288. Nye, J. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power* / J. Nye. – New York : Basic Books, 1990. – 336 p.

289. Nye, J. *Public Diplomacy and Soft Power* / J. Nye // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. – 2008. – Vol. 616. *Public Diplomacy in a Changing World*. – P. 94-109.

290. Nye, J. *Soft Power* / J. Nye // *Foreign Policy*. – 1990. – No. 80. – P. 153-171.

291. Nye, J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics* / J. Nye. – New York : New York Public Affairs, 2004. – 191 p.

292. O'Reilly, T. *Web squared: Web 2.0 five years on* / T. O'Reilly, J. Battelle. – O'Reilly Media, Inc., 2009. – 15 p. – ISBN 9781449365714.

293. Paksiutov, G. D. Transformation of the Global Film Industry: Prospects for Asian Countries / G. D. Paksiutov. – DOI 10.31278/1810-6374-2021-19-2-111-132. – Текст : электронный // Russia in Global Affairs. – Vol. 19, No. 2. – April-June 2021. – URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/global-film-industry-asia/>
294. Parmar, I. Soft Power and US Foreign Policy / I. Parmar, M. Cox. – 1st edition. – London, 2010. – 256 p. – ISBN 9780203856499.
295. Patterson, O. Ecumenical America: Global Culture and the American Cosmos / O. Patterson // World Policy Journal. – 1994. – Vol. 11, No. 2. – P. 103-117.
296. Pautz, M. C. Argo and Zero Dark Thirty: Film, Government, and Audiences / M. C. Pautz // Political Science and Politics. – 2015. – Vol. 48, No. 1. – P. 120-128.
297. Pells, R. American Culture Abroad: The European Experience since 1945 / R. Pells // In: Cultural Transmissions and Receptions: American Mass Culture in Europe / eds. R. Kroes, R. W. Rydell, D. F. J. Bosscher. – Amsterdam, 1993. – P. 67-83.
298. Pells, R. Modernist America: Art, Music, Movies, and the Globalization of American Culture / R. Pells. – Yale University Press, 2012. – 512 p.
299. Pirsein, R. W. The Voice of America: An History of the International Broadcasting Activities of the United States Government 1940-1962 / R. W. Pirsein. – New York : Arno Press, 1979. – 589 p.
300. Plokhly, S. The Last Empire: The Final Days of the Soviet Union / S. Plokhly. – New York : Basic Books, a member of the Perseus Books Group, 2014. – 489 p.
301. Potter, E. Canada and the new public diplomacy / E. Potter. – DOI 10.2307/40203812 // International Journal. – 2002. – Vol. 58, No 1. – P. 43-64.
302. Prados, J. Safe for Democracy: The Secret Wars of the CIA / J. Prados. – IvanR. Dee, 2006. – 736 p.
303. Public Diplomacy and Political Change: Four case studies – Okinawa, Peru, Czechoslovakia, Guinea / G. Henderson [et al.]. – New York : Praeger, 1973. – 339 p.

304. Puddington, A. *Broadcasting Freedom: The Cold War Triumph of Radio Free Europe and Radio Liberty* / A. Puddington. – University Press of Kentucky, 2000. – 408 p.

305. Rasmussen, S. B. *Discourse Analysis of EU Public Diplomacy Messages and Practices (Discussions Papers in Diplomacy)* / S. B. Rasmussen. – 27 July, 2009. – Текст : электронный. – URL: <https://www.europeansources.info/record/discourse-analysis-of-eu-public-diplomacy-messages-and-practices/>

306. Reich, C. *The Life of Nelson A. Rockefeller: Worlds to Conquer, 1908-1958* / C. Reich. – New York : Doubleday, 1996. – 875 p. (P. 214-260).

307. Rice, L. *Cowboys and Communists: Cultural Diplomacy, Decolonization and the Cold War in French West Africa* / L. Rice. – Текст : электронный // *Journal of Colonialism and Colonial History*. – 2018. – Vol. 11, No. 3. – URL: https://warwick.ac.uk/fac/arts/history/students/modules/hi277/programme/t1w3/hi277_week_3_rice.pdf

308. Rosenberg, E. *Spreading the American Dream: American Economic and Cultural Expansion, 1890-1945* / E. Rosenberg. – Hill and Wang, 1982. – 264 p.

309. Roth, L. W. *Public diplomacy and the past: the search for an American style of propaganda (1952-1977)* / L. W. Roth. // *The Fletcher Forum*. – 1984. – Vol. 8, No. 2. – P. 353-96.

310. Rugh, W. A. *American Encounters with Arabs: The "soft Power" of U.S. Public Diplomacy in the Middle East* / W. A. Rugh. – Greenwood Publishing Group, 2006. – 220 p.

311. Rugh, W. A. *The Case for Soft Power* / W. A. Rugh. – Текст : электронный // In: *Toward a New Public Diplomacy. Palgrave Macmillan Series in Global Public Diplomacy* / eds. P. Seib. – New York : Palgrave Macmillan, 2009. – URL: https://doi.org/10.1057/9780230100855_1

312. *Russia's Public Diplomacy: Evolution and Practice* / eds. A. A. Velikaya, G. Simons. – New York, London : Palgrave Macmillan, 2020. – 285 p. – ISBN 9783030128739.

313. Saunders, R. A. Undead Spaces: Fear, Globalisation, and the Popular Geopolitics of Zombiism / R. A. Saunders. – DOI 10.1080/14650045.2010.523097 // Geopolitics. – 2012 – Vol. 17, No. 1. – P. 80-104.

314. Saxon, W. Edmund Asbury Gullion, 85, Wide-Ranging Career Envoy / W. Saxon. – Текст : электронный // The New York Times. – 31 March, 1998. – URL: <https://www.nytimes.com/1998/03/31/world/edmund-asbury-gullion-85-wide-ranging-career-envoy.html>

315. Schindler, C. E. The Origins of Public Diplomacy in US Statecraft Uncovering a Forgotten Tradition / C. E. Schindler. – London : Palgrave Macmillan, 2018. – 336 p. – ISBN 978-3-319-57278-9, 978-3-319-57279-6.

316. Scott-Smith, G. Mapping the Undefinable: Some Thoughts on the Relevance of Exchange Programs within International Relations Theory / G. Scott-Smith // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 2008. – Vol. 616. – P. 173-195.

317. Scott-Smith, G. P. Beyond the ‘Tissue of Clichés’? The Purposes of the Fulbright Programme and New Pathways of Analysis / G. P. Scott-Smith // A Journal of Foreign Policy and Peace. – 2022. – Vol. 11, No. 2. – P. 177-192.

318. Scott-Smith, G. P. Transatlantic Cultural Relations, Soft Power, and the Role of US Cultural Diplomacy in Europe / G. P. Scott-Smith // European Foreign Affairs Review. – 2019. – Vol. 24. – P. 21-42.

319. Signitzer, B. Public relations and public diplomacy: Conceptual convergences / B. Signitzer, T. Coombs // Public Relations Review. – 1992. – Vol. 18, No. 2. – P. 137-148.

320. Simonin, B. L. Nation Branding and Public Diplomacy: Challenges and Opportunities / B. L. Simonin. – Текст : электронный // The Fletcher Forum of World Affairs. – 2008. – Vol. 32, No. 3. – URL: https://www.researchgate.net/publication/237699274_Nation_Branding_and_Public_Diplomacy_Challenges_and_Opportunities

321. Sklar, R. History of film / R. Sklar, D. A. Cook. – Текст : электронный // Encyclopedia Britannica. – 16 February, 2021. – URL: <https://www.britannica.com/art/history-of-the-motion-picture>
322. Snow, N. Rethinking Public Diplomacy / N. Snow // Routledge Handbook of Public Diplomacy. – New York : Routledge, 2009. – P. 3-12.
323. Staar, R. Public Diplomacy: USA versus USSR / R. Staar. – Stanford CA, Hoover Institution Press, 1988. – 305 p.
324. Swann, P. The Little State Department: Hollywood and the State Department in the Postwar World / P. Swann // American Studies International. – 1991. – Vol. 29, No. 1. – P. 2-19.
325. The Columbia Encyclopedia / B. A. Chernow, G. A. Vallasi. – 5th edition. – Columbia University Press, 1993. – 3048 p. (P. 1215).
326. The Legacy of J. William Fulbright: Policy, Power, and Ideology / A. Brogi [et al.]. – University Press of Kentucky, 2019. – 304 p.
327. Tomescu-Hatto, O. Self-Presentation and Impression Management: NATO's New Public Diplomacy / O. Tomescu-Hatto // In: NATO's Post-Cold War Politics. New Security Challenges Series. / ed. S. Mayer. – London : Palgrave Macmillan, 2014. – P. 89-103.
328. Touch, H. N. Communicating with the World. U.S. Public Diplomacy Overseas / H. N. Touch. – New York : Palgrave Macmillan, 1990. – 224 p.
329. Tournès, L. Global Exchanges. Scholarships and Transnational Circulations in the Modern World / L. Tournès, G. Scott-Smith. – New York- Oxford, Berghahn, 2018. – 344 p.
330. Trumpbour, J. Selling Hollywood to the World: U.S. and European Struggles for Mastery of the Global Film Industry, 1920-1950/ J. 306. Trumpbour. – New York: Cambridge University Press, 2002. – 378 p.
331. Valenti, J. Hollywood and the War against Terror (The West ad Islam) / J. Valenti // New Perspectives Quarterly. Spring. – 2002. – Vol. 19, No. 2. – P. 70.

332. Veron, L. Hollywood and Europe: A Case of Trade in Cultural Industries, the 1993 GATT Dispute / L. Veron. – Текст : электронный // Columbia Int'l Affairs Online. – 1999. – URL: <http://www.ciaonet.org/wps/vel02>

333. Vinogradova, S. Political Technologies: The Interaction of Old and New / S. Vinogradova, G. Melnik, T. Shaldenkova // Journal of Political Marketing. – 2021. – Vol. 20, No. 1. – P. 60-71.

334. Wang, J. Telling the American story to the world: The purpose of U.S. public diplomacy in historical perspective / J. Wang. – DOI 10.1016/j.pubrev.2006.11.005 // Public Relations Review. – 2007. – Vol. 33, Issue 1. – P. 21-30. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0363811106001470>

335. Ward, I. A. The Fulbright Act / I. A. Ward. – DOI 10.2307/3021675 // Far Eastern Survey. – 1947. – Vol. 16, No. 17. – P. 198-200. – URL: <http://www.jstor.org/stable/3021675>

336. Welch, D. The Third Reich: Politics and Propaganda / D. Welch. – 2d edition. – New York : Routledge, 2002. – 261 p.

337. Wendt, A. Social Theory of International Politics / A. Wendt. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 450 p.

338. Wendt A. The agent – structure problem in International Relations theory / A. Wendt // International Organization. – 1987. – Vol. 41, No 3. – P. 335–370.

339. Wilson, T. A. Selling America via the Silver Screen? Efforts to Manage the Projection of American Culture Abroad, 1942–1947 / T. A. Wilson // In: Here, There and Everywhere: The Foreign Politics of American Popular Culture / eds. R. Wagnleitner, E. T. May. – 1st edition. – University Press of New England, 2000. – 368 p. (P. 83-100).

340. Wood, R. Hollywood from Vietnam to Reagan... and Beyond / R. Wood. – Columbia University Press, 2003. – 480 p.

341. Zaharna, R. S. Battles to Bridges: U.S. Strategic Communication and Public Diplomacy after 9/11 / R. S. Zaharna. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2010. – 240 p.

342. Zaharna, R. S. The Soft Power Differential: Network Communication and Mass Communication in Public Diplomacy / R. S. Zaharna // The Hague Journal of Diplomacy. – 2007. – Vol. 2, No. 3. – P. 213-228.

343. Zakaria, F. The post-American world / F. Zakaria. – New York, London : W. W. Norton & Company, 2008. – 292 p.

344. Zemaityte, V. Media Trade Beyond Country Borders: Five Types of Global Cinema Distribution / V. Zemaityte, B. Coate, D. Verhoeven. – Текст: электронный // SSRN Electronic Journal. – 2018. – URL: <https://ssrn.com/abstract=3228310>